

Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию

Магнитогорский государственный университет

1 $\frac{02 - 1}{262 - 4}$

Ф. КАМИНСКИЙ

**КАЗАЧЕСТВО ЮЖНОГО УРАЛА
И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

Магнитогорск - 2001

ББК ТЗ (2Р36)
К 182

Автор благодарит лично Скирду Сергея Леонидовича и Южное отделение фонда «Будущее Отечества» им. В. Поленичко за помощь в издании книги.

Рецензент:
И. Ф. Галигузов, доктор исторических наук,
профессор

Научный редактор
А. Л. Филоненко, доктор исторических наук,
профессор

Каминский Ф. А.

К 182 Казачество Южного Урала и Западной Сибири в первой четверти XX века / Магнитогорск: Изд-во «Минитип», 2001. — 272 с.

Монография освещает процессы, происходившие на казачьих территориях Оренбургского и Сибирского казачьего войска в первой четверти XX века. В исследовании прослеживается развитие казачьей общины и ее трансформация в годы НЭПа, социальные и экономические изменения в казачьей среде. Книга рассчитана на специалистов-историков и всех, интересующихся российской историей.

**РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ББК ТЗ (2Р36)

ISBN 5 - 88967 - 007 - 7

© Магнитогорский гос. университет, 2001
© Каминский Флавий Аркадьевич

Глава 1 ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

История является одной из самых «подвижных» наук гуманитарного профиля и обязана последовательно и объективно отражать события, которые по прошествии времени становятся фактами. В последние годы, в связи с радикальными процессами в экономической и политической структурах общества, произошли серьезные изменения во взглядах на историю России.

В массе опубликованных работ прослеживаются попытки объективных оценок прошлого, непредвзятого рассмотрения ранее закрытых для обсуждения и исследования тем, чему способствовал уход с политической арены КПСС, монопольно владевшей правом на интерпретацию политических событий. Доступ к ранее закрытым для исследования историками документам и плюрализм мнений расширили возможности объективного анализа отечественной истории как в период с 1917 года, так и до него, в том числе и по проблемам, связанным с историей казачества.

Тема казачества, на какое-то время, становится «модной». Интерес общества ко всему, что связано с историческим прошлым казаков, а также к проблеме возрождения казачества настолько оказался велик, что забытое еще недавно слово «казак» звучит сегодня чуть ли не повсеместно. Появляются и распадаются союзы и объединения казаков, собираются Круги и Сборы, даже формируются казачьи части. Отдельные силы пытаются втянуть людей, называющих себя сегодня казаками, в большие политические игры.

В связи с интересом к проблеме, значительно увеличился поток литературы, посвященной истории казачества, его боевому прошлому, трагедии казачьего сословия в годы гражданской войны.

Одновременно стала подвергаться критике масса исследований по казачеству доперестроечного периода. Ранее господствовавшая точка зрения традиционно сводилась к тому, что расказачивание имело справедливую основу, ибо казаки при царе постоянно выступали в качестве «душител

революционного движения рабочих и трудового крестьянства, а после революции они «стали» явной и скрытой оппозицией советскому правительству. Сегодня мотив значительного числа публикаций носит прямо противоположный характер и ставит для себя целью возрождение в прежнем качестве боеспособного, основанного на общинном ведении хозяйства казачьего войска с возможностью восстановления его на службе обновленной России. В отдельных статьях даже раздавались призывы восстановить с помощью казаков Россию в рамках бывшей царской империи. Для сторонников такого направления характерно обращение к прошлому казачества, истории его зарождения и подробное описание боевых подвигов, идеализация быта и традиций, хотя следует отметить, что в последнее время, во второй половине 90-х годов, появилось немало работ, в которых проявляется более взвешенный подход к проблеме, требующей для себя самого серьезного анализа.

Говоря в целом об освещении казачьей тематики в специальной литературе, следует выделить четыре периода, существенно отличающихся друг от друга в подходах и теоретическом уровне исследования. Первый период включает в себя работы, написанные до революции. Они имеют разную направленность. В одних подробно освещается хронология истории казачества, в других исследуется сугубо военный аспект функционирования казачьих войск, в третьих мы встречаем подробное статистическое описание казачьих территорий. Лишь в некоторых работах, которые и привлекли наше внимание, рассказывается о характерных чертах хозяйствования казаков, их быте и традициях, исключительных моментов, выделявших казаков из общей массы населения Российской империи. Полемику о путях развития военного казачьего сословия, о его будущем в плане экономическом и социальном, вели между собой представители высшего офицерства казачьих войск, казачья интеллигенция, а также ученые-этнографы, чье внимание в тот период привлекала особенность и специфичность казачьего образа жизни и способа производства. Для работ и исследований, написанных до революции, характерна описательность и подробная

детализация различных сторон казачьей жизни. Серьезного социально-экономического анализа тенденций развития казачьего общества и казачьей экономики в этих работах не встречается, что было характерным для большинства подобных описаний конца XIX—начала XX века.

Второй период приходится на 20-е годы XX века, на период новой экономической политики. Работ и исследований, посвященных казачьим проблемам (напомним, что к этому времени казаки перестали быть сословием и были лишены ранее существовавших льгот и привилегий), в этот период выходит немного и отношение к казачеству в них настороженное. В большинстве работе, описывавших хозяйственные моменты и изменения, происходившие в то время в казачьих областях, не упоминается само слово «казаки», что вызвало известные трудности при использовании их для нашего исследования. Немногочисленные авторы того периода исследовали состояния казачьих дворов и, в целом, уровень развития производительных сил и производственных отношений в казачьих поселениях близкого им времени. Историческое прошлое впадшего в немилость новой власти бывшего сословия профессиональных воинов-кавалеристов советские авторы 20-х годов старались не затрагивать — еще свежи были шрамы гражданской войны, в которой казачество в большинстве своем поддержало белое движение.

После коллективизации, которая ликвидировала все оставшиеся принципиальные различия казаков на хозяйственном и бытовом уровне от остального населения Советского Союза, о казачестве писать перестали, посчитав, что он прекратило свое существование, а история казачества есть не столько ратный подвиг по защите Отечества, а сколько история карательных действий против народных масс, выступавших против царского самодержавия. Такое «молчание» прослеживается до начала 60-х годов, когда на волне хрущевской «оттепели» исследователи стали осторожно затрагивать ранее запретные темы, пытаться разобраться в этом прославленном в истории дореволюционной России сословии, определить степень вины в братоубийственной

войне, а, в первую очередь, выделялись темы, посвященные участию беднейшего казачества в революции в октябре 1917 года, а также истории «красного» казачества. Тема взаимоотношений казачества с Советской властью, так называемое «расказачивание», в исследованиях до середины 80-х – начала 90-х годов осторожно опускалась, как и тема голода на казачьих территориях (особенно голода начала 30-х годов).

Последний, четвертый период, относящийся к публикациям на казачью тему, относится к 90-м годам (после 1991 года) и по сути продолжается до нынешнего времени. Он охарактеризован критическим отношением к советской историографии казачьей тематики, оправданием поведения казачества в годы гражданской войны, отдельно выделяется тема преследования казаков со стороны Советской власти. Во многих работах детализируется, ранее замалчиваемое, боевое прошлое казачества. Часть авторов пытается доказать в своих публикациях возможность возрождения казачества, а некоторые даже ставят вопрос о реанимации сословия: воссоздания общин и соответствующих общинных отношений, создания отдельных военных казачьих соединений и т. д., что, по мнению автора, не отвечает реалиям сегодняшнего состояния российского общества.

Описывать казачьи территории Оренбургского казачьего войска начали еще в середине XVIII века и в этой связи надо упомянуть имя П. И. Рычкова, оставившего после себя подробное описание климатическо-географических особенностей края, где компактно проживало казачье население¹. Благодаря этим описаниям российская общественность получила возможность ознакомления с историей и природными условиями Оренбуржья.

Впоследствии интерес к казачьим территориям ослабевает и лишь во второй половине XIX века мы встречаем ряд исследований, которые помогают нам воссоздать картину тогдашней жизни казачьего войска и казачьего населения. Это, в первую очередь работы М. И. Хорошихина, Р. Г. Игнатьева, В. Н. Витевского, Ф. М. Старикова.

Р. Г. Игнатьев, опубликовавший в журнале «Оренбургские

губернские ведомости» свою статью «Взгляд на историю Оренбургского края», пытался впервые обобщить комплекс сведений об оренбургских казаках. Его труд уже опирался на историческую базу. Автор хотел привлечь внимание к самому факту существования оренбургских казаков, «о котором у нас на Руси так мало написано»².

В. Н. Витевский большую часть своих работ посвятил роли и значению в деле создания Оренбургского казачьего войска первого губернатора Оренбуржья Ивана Ивановича Неплюева. Описывая биографию И. И. Неплюева, В. Н. Витевский немало страниц посвятил анализу его деятельности на посту главы казачьего края и, в связи с этим, неизбежно коснулся жизни самого казачества, оставив нам немало интересных свидетельств казачьего быта XVIII века.

Ряд авторов второй половины XIX века довольно детально описывали хозяйственные отношения и другие аспекты экономической жизни казачества. В Сибирском казачьем войске таким автором был генерал-майор Г. Е. Катанаев, а среди оренбуржцев надо выделить, кроме уже упомянутых М. И. Хорошихина и Ф. М. Старикова, имена Н. И. Бородина, П. И. Агеева, А. И. Кривошекова.

Одним из наиболее полных обобщающих трудов того времени является работа М. И. Хорошихина «Казачьи войска»³, где имеются сведения об Оренбургском казачьем войске и исследования Ф. М. Старикова⁴. Время написания этих работ совпало с развернувшейся в России дискуссией о необходимости самого существования казачьих войск в связи с проведением милютинской военной реформы, предполагавшей введение всеобщей воинской повинности для российских мужчин. Раздавались призывы к ликвидации казачьих привилегий и уравниванию казаков с остальным населением как в правах и налоговом отношении, так и в прохождении воинской службы. Работы М. И. Хорошихина и бывшего Атамана 2-го военного отдела Оренбургского войска генерал-майора Ф. М. Старикова и других авторов должны были доказать, что имеющее славную и

трудную историю казачество жизнеспособно и необходимость в нем, как в военной силе, отнюдь не исчезла. Оба автора выступают как scrupulous исследователи прошлого-казачьего сообщества и его настоящего на период описания. Эти работы насыщены статистическим материалом и подробностями хозяйственной жизни казаков, поражают масштабностью и до настоящего времени не потеряли актуальность. В частности, Стариков поднял ряд вопросов, связанных с происхождением войска, формированием его хозяйственной системы, особенно традиций землепользования, рассматривал бытовые и боевые традиции оренбургских казаков. В его работах, опирающихся на большое количество ранее не публиковавшихся документов, много места уделено культурно-бытовым подробностям жизни казачества, его фольклору, обычаям. Проживавший в Верхнеуральском уезде, недалеко от компактного поселения нагайбаков, Ф. М. Стариков оставил нам подробное описание жизни казаков-нагайбаков, как, впрочем, и представителей других национальных меньшинств, входивших в казачье сословие и живших на территории Оренбургского казачьего войска. Ф. М. Стариков идеализировал казаков, их отношения между собой и внешним миром, был явным сторонником сохранения сословия.

В Оренбургском крае, населенном в основном казаками, довольно много сил и времени уделялось различного рода описаниям территории губернии и самому войску. На рубеже веков, на основе исследования архивов местных и центральных ведомств было подготовлено внушительное двенадцатитомное издание — «Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска»⁵. В нем приняли участие несколько старших войсковых офицеров и среди них такие, как Н. Г. Лобов, С. Н. Севастьянов, М. Л. Юдин. Само по себе издание было построено по проблемному принципу, без авторских комментариев, в последовательной хронологии. Авторский коллектив даже оставил в неприкосновенности стилистику времени написания документов, что позволяет рассматривать «материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего

войска» как пособие по изучению казачьего общества, его военной структуры, а также истории всего Оренбургского края.

Впоследствии, авторы вышеупомянутого сборника выступили самостоятельно, выпустив ряд оригинальных исследований, в которых они затрагивали различные аспекты войсковой жизни. Например, М. Л. Юдин в своем исследовании «Оренбуржцы в войне 1812–1814 гг.» и Н. Г. Лобов в «Краткой исторической записке об участии оренбургских казаков в Отечественной войне 1812–1814 гг. с Наполеоном»⁷ в преддверии столетия Отечественной войны 1812 года, в возвышенном патриотическом стиле описали участие отдельных казачьих соединений в боевых операциях, а также тему активного участия населения Оренбуржья в сборе средств и добровольных пожертвований на нужды действующей армии.

Несколько интересных работ написал С. Н. Севастьянов. В частности, он неоднократно возвращается к истории создания войска⁸, делает достоянием гласности имена отдельных отличившихся офицеров войска⁹. Надо отметить, что С. Н. Севастьянов поднял одним из первых тему школьного образования казачьего населения, устройства школ и положения учителей в своем очерке «Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895 гг.»¹⁰.

Надо отдать должное дореволюционным историкам и описателям казачьих территорий в их добросовестности и старательности. Но, в то же время, для вышеназванных работ была больше характерна описательность, статичность изложения материала, чем разносторонний анализ процессов и изменений, неизбежно происходивших в казачьих поселениях в тот период. Эти черты, присущие большинству авторов дореволюционного времени, мы видим в публикациях полковника Н. И. Бородина, посвященных земельным и хозяйственным вопросам в казачьих районах. Описывая общее экономическое положение и состояние сельского хозяйства в войске, Н. И. Бородин не занимается выявлением факторов, влиявших на рост продуктивности и мощности казачьих хозяйств. Констатируя имущественное

расслоение в станицах, он не объясняет его причин и не прогнозирует возможные последствия этого расслоения и дальнейший рост социальной дифференциации¹¹. Н. И. Бородин в своих публикациях рассматривает общинное хозяйство казаков, описывает общинные отношения, не вдаваясь в проблемы причинности их возникновения, процесса становления и функционирования казачьей общины.

Серьезный анализ истории и современного ему состояния землеустройства казачьих войск подготовил Н. А. Чернощеков в специальном разделе юбилейного издания к столетию военного министерства. В своем труде «Землеустройство казачьих войск. Исторический очерк»¹² автор подробно описывает по периодам историю земельных отношений на казачьих территориях, подчеркивая, что в Сибирском и Оренбургском казачьих войсках были всегда более крупные наделы, чем, к примеру, у Донского войска. Н. А. Чернощеков выделял тот факт, что оренбургским и сибирским казакам отводили земельные наделы по станицам, а не по отдельным поселкам. Подробно описывая состояния казачьего сельского хозяйства, автор не упоминает о других источниках доходов казаков помимо привычного земледелия и скотоводства: промыслах, торговли, предпринимательства и т. д. Этот факт можно отчасти объяснить тем, что очерк Н. А. Чернощекова был написан еще до столыпинских реформ.

В Сибири казачьего населения было меньше и до революции специально посвященных казачьему хозяйству работ было немного. Можно отметить в этой связи работы Г. Е. Катанаева и Н. Г. Овчинникова. Живший в начале века Г. Е. Катанаев имел звание генерал-майора и отвечал за состояние хозяйственных дел в Сибирском казачьем войске. Такие его труды, как «Офицерство и рядовое казачество наше. К вопросу о землеустройстве в Сибирском казачьем войске»¹³, изданному в Омске в 1918 году и ранее вышедший «Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске» дают обширный материал по истории земельных отношений на войсковой территории. В частности, вопросы, связанные с расселением сибирских казаков на землях,

принадлежавших казахским кочевым родам (киргиз-кайсакам), показывают сложность взаимоотношений казаков с коренным населением. Работы Г. Е. Катанаева используются и сегодня историками, изучающими прошлое сибирских казаков.

Довольно обширный материал по хозяйственной жизни войска собран в исследовании Ученого Агронома Сибирского казачьего войска Н. Г. Овчинникова «Очерки хозяйства казаков Сибирского войска»¹⁴. Автор детально разбирая состояние хозяйства сибирских казаков, обращает внимание высшего руководства войска на ряд недостатков, порождаемых общинной формой ведения хозяйства: залежь, сорность, отсутствие массового применения пара, чересполосицу и дальнотелье, «отсталые технические приемы земледелия». В то же время, для Н. Г. Овчинникова, как и для других казачьих исследователей, характерно непонимание первопричин такого положения в сельском хозяйстве. Он видит их в лености, невежестве казаков, их известной изолированности от довольно опытного в земледелии переселенческого крестьянского населения. Активный сторонник сохранения казачества, Н. Г. Овчинников призывает правительство поддержать и упрочить казачью общину, ибо без нее, как считает Ученый агроном Сибирского войска, «казачество прекратит свое существование».

В контексте разговора о работах, вышедших в дореволюционный период, следует обратить внимание на этнографический очерк Д. К. Зеленина «У оренбургских казаков», вышедший в 1906 году. Автор, впоследствии выдающийся советский этнограф, член-корреспондент АН СССР, проживший с исследовательской целью свыше полугода в одном из казачьих поселков 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска, дает подробное описание быта, хозяйственных занятий и традиций казачьего населения¹⁵. Причем, если для официальных историков оренбургского казачества, нами уже упомянутых, характерными являются попытки выделять позитивные стороны жизни войскового населения и его славной боевой истории, то для Д. К. Зеленина, исследователя компетентного и беспристрастного, присуще

критическое отношение к казачеству в целом. Как говорит сам автор: «Я бы не писал об этом, если бы не увидел всего своими глазами». Д. К. Зеленин ставит под сомнение высокую образованность казаков, их религиозность, очень невысокого мнения об их хозяйственности, уровне нравственности. Обобщения Д. К. Зеленина носят явно субъективный характер, но приводимые им свидетельства позволяют многосторонне охватить картину повседневной жизни населения станиц и поселков, проследить воздействие уже развивающихся капиталистических отношений на традиции, быт и занятия казаков.

Работы, появившиеся в начале века и принадлежавшие перу казачьих исследователей, охватывали различные стороны функционирования казачьего общества. Среди них можно выделить очерк Д. Е. Серова «Оренбургский казак, его экономическое положение и служба. (Очерк современного быта оренбургских казаков)»¹⁶ и просветительские публикации А. И. Кривошекова (отца известного уральского поэта Бориса Ручьева)¹⁷. Труды А. И. Кривошекова выделялись обстоятельностью, взвешенностью оценок, критическим подходом к отдельным сторонам традиционного быта казачества. Его книга «Исторические судьбы Оренбургского края»¹⁸ выдержала до революции два издания, снискала популярность автору и в доступной форме излагала историю освоения и экономического развития Оренбургского казачьего края.

Свой популяризатор был и у сибиряков. В 1913 году выходит в Омске книга А. П. Тарыкина «Казачьи войска. Популярный очерк для казачьих школ, строевых казачьих частей и войскового населения». В ней автор подробно останавливается на истории создания Сибирского войска, участия сибирских казаков в боях во славу Отечества, описывает хозяйственную деятельность и быт казачьего населения. Книга была популярна в начале века в среде сибирского казачества и использовалась в начальном звене школьного обучения¹⁹.

В целом же, труды дореволюционных авторов являлись по сути больше описательными, чем исследовательскими и носили

просветительный характер. Выделения сугубо казачьих экономических проблем и их детального изучения в данных публикациях не прослеживается.

В 20-е годы XX века казачья тема перестает быть популярной в силу настороженного отношения советских властей к казачеству, как к контрреволюционному сословию, которое в годы гражданской войны в целом поддержало белогвардейцев и целыми станицами выступало против Рабоче-Крестьянской Красной Армии. История казачества подвергается умолчанию, а немногие работы касаются в основном хозяйственных аспектов жизни населения бывших казачьих войск.

В 1922 году в Омске выходит публикация А. Митрофанова «Самодеятельность крестьянства в сельхозкампании (о селкомах)»²⁰. Автор, делая акцент на неразвитость сельского хозяйства на казачьих территориях, на общее снижение производительности и мощностей казачьих хозяйств, призывает селкомы (сельсоветы) к активной работе по искоренению недостатков. А. Митрофанов справедливо обращает внимание на факты преследования зажиточных слоев поселков, обвинение их в «кулачестве», хотя сам термин до революции обозначал эксплуататоров и торговцев — посредников, сколачивавших капиталы на нетрудовых, с точки зрения станичников, доходах и не распространялся на тружеников-земледельцев. Автор сетует на то, что беднота, имеющая невысокий уровень представлений об управлении и хозяйствовании, доминирует в селкомах, отчего в целом проигрывают все. Указывая на запущенность земледелия, он агитирует за «быстрое» развитие кустарных промыслов и промысловой кооперации, расширение местного товарного оборота произведений кустарного промысла и сельского хозяйства на казачьих территориях.

М. Н. Пьянков, выпустивший в 1926 году в Челябинске книгу «Экономическое расслоение крестьянских хозяйств в Челябинском округе в 1920–1925 годах», дает подробное описание состояния сельского хозяйства на землях бывшего 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Отмечая снижение

доходности хозяйств в связи с голодом и последствиями политики «военного коммунизма» в деревне, автор выделяет позитивные моменты, характерные для сельского хозяйства в 1924–1925 годы и на прямую связанные с введением товарно-денежных отношений и развития рыночных структур в годы новой экономической политики, объявленной Советским правительством в 1921 году²¹. Автор сетует на отсталость и консервативность казачьих хозяйств, на нехватку сельскохозяйственной техники на крестьянских полях, на недостаток финансирования сельского хозяйства в Челябинском округе. Он показывает, что процесс расслоения в казачьих поселениях объективно ускорился в годы НЭПа, но не дает этому принципиальной оценки, ограничиваясь общими рассуждениями.

В Оренбурге в 1928 году выходит исследование А. Ф. Рязанова «Оренбургский край. Исторический очерк», в котором автор не увидел расслоения казачьего общества до революции и посчитал, что революция 1905 года и вызванные ею реформы в сельском хозяйстве дали мощный толчок к обогащению казачьих хозяйств и казачьего общества в целом, по сравнению с предыдущим переходом²².

Темы истории и хозяйственного быта оренбургских казаков затронуты в брошюре Н. Ф. Евсеева «О прошлом и настоящем оренбургских казаков», вышедшей в 1929 году в Самаре²³. Автор, без серьезного анализа, в повествовательной манере рассказывает о происхождении оренбургских казаков, их прошлом и об участии определенной части оренбургского казачества на стороне Советской власти в годы гражданской войны. Говоря о социальной дифференциации в казачьей среде, произошедшей в первой четверти XX века, Н. Ф. Евсеев справедливо делает вывод о том, что расслоение общества «погубило основу казачьего сословия».

В период середины двадцатых годов наблюдается ряд публикаций местных исследователей, в которых дается анализ происходящих изменений в сельском хозяйстве на бывших казачьих территориях. Но собственно казачьи районы текстуально не были выделены. Напомним, что слово «казак» и производные от него,

слова «сталица», «поселок» и другие, напоминавшие о специфике ликвидированного декретами Советской власти бывшего сословия, в официальной печати были запрещены к употреблению. На Урале среди специалистов, занимавшихся проблемами сельского хозяйства, а казачье сословие было в основном земледельческим, следует выделить таких авторов как Н. А. Войтов, Н. И. Ишмаев, Ф. И. Казанский.

Н. А. Войтов в своей статье «Пути развития коллективного земледелия на Урале», опубликованной в журнале «Хозяйство Урала», уделяет много места анализу возникновения и функционирования первых сельских коллективных хозяйств в уральском регионе. Давая характеристику этим сельскохозяйственным производственным кооперативным объединениям на основе обобществленных средств производства и общественного труда, автор объективно говорит о слабости и дотационности колхозов и совхозов, где сосредоточились, главным образом, бедные, слабые хозяйства, спасавшиеся в сельхозартелях от голода и разорения. Вывод Н. А. Войтова был однозначен: в сложившейся к 1926 году ситуации коллективные трудовые объединения были немощны и перспектив своего развития, без изменения к ним отношения со стороны Советского правительства, не имеют²⁴.

Социальной дифференциации в среде сельских тружеников в результате действия товарно-денежных отношений, утвердившихся в обществе в годы новой экономической политики в уральском крае, посвятил ряд своих статей Н. И. Ишмаев, который разработал схему, дающую возможность группировать хозяйства по классовым типам, на основании натуральных (имущественных) признаков. Его теория явилась серьезным достижением среди экономистов-аграрников 20-х годов. Но Н. И. Ишмаев, исходя из официально провозглашенных идеологических установок, завышает процент середняцких хозяйств на Урале до 60% и снижает процент батраков (2,2%) и бедняков до 18,6% за счет манипулирования критериями показателей имущественного, а следовательно и социального,

расслоения в деревне. В то время необходимо было показать, что деревня в результате новой экономической политики оправилась (осереднячилась), а в колхозы направляется не бедняцкая, а середняцкая масса. Также, выполняя социальный заказ, он повсеместно причисляет зажиточные хозяйства к кулацким. В тот период, с целью подготовки общественного мнения к необходимости ускоренного и жесткого проведения грядущей коллективизации, на страницах газет и специализированных изданий шло явное запугивание угрозой кулацкого засилья на селе и опасностью дальнейшего усиления кулацкой эксплуатации.

В своей статье «О классовом расслоении уральской деревни»²⁵ Н. И. Ишмаев, предвосхищая будущие репрессии, приводит факты роста сельской буржуазии и увеличения скрытой эксплуатации бедняцких слоев. Отсюда и вывод: необходим ускоренный переход к социалистическим формам хозяйствования с целью ликвидации эксплуатации и уничтожения кулачества как класса. Это искусственное заостренное внимание на данном аспекте жизни тогдашнего села было фактически заказом партии, считавшей последовавшую вслед за НЭПом коллективизацию с обязательным раскулачиванием одной из своих побед на пути построения социалистического общества.

Этой же точки зрения поддерживается А. И. Гайстер, написавший в 1928 году брошюру под названием «Расслоение советской деревни», в которой также считал, что деревня повысила свое благосостояние за годы Советской власти и главным врагом на пути дальнейшего прогресса развития села остается кулак, как представитель эксплуататорского класса²⁶.

Среди работ, посвященных состоянию сельского хозяйства в районах с казачьим населением, надо выделить публикации научного консультанта журнала «Хозяйство Урала» Ф. И. Казанского, который детально исследовал хозяйства Южного Урала, их оснащенность орудиями труда и сельскохозяйственным инвентарем, источники дохода отдельных дворов. В своих статьях²⁷ он, в частности, разносторонне рассматривал динамику развития хозяйств, социальную и имущественную дифференциацию среди

крестьянского и казачьего населения середины 20-х годов. На основании сделанных выводов, автор пишет, что спасение от разорения для большинства сельских производителей наступит только при коллективном ведении хозяйства.

Значительный интерес для исследователей представляет также вышедшая в 1930 году книга М. Д. Голубых «Казачья деревня»²⁸. Автор, приводя в сравнении экономические показатели казачьих дворов Тимофеевского поселка Еткульской станицы с 1916 по 1926 год, указывает на необходимость изменений в казачьем хозяйстве, ибо экстенсивность в земледелии сдерживает возможности прогрессивного развития казачьих хозяйств. Традиционные представления о землепользовании и накопленный опыт общинного ведения хозяйства сдерживали, по мнению автора, внедрение передовых методов земледелия в казачьей среде. В книге приведены примеры казачьего фольклора, бытовавших обычаев, дана раскладка имущественного состояния и доходности казачьих дворов по социальным типам: зажиточного, середняцкого и бедняцкого.

Надо сказать, что по истории казачества работ в СССР в 20-х годах практически не было — тема не приветствовалась. Поэтому здесь надо выделить четырехтомную «Историю казаков» А. А. Гордеева, написанную им в эмиграции в конце 20-х годов и изданную в России только в 1992 году²⁹. Автор, в довольно эмоциональной манере повествует о зарождении казачества, его долгом историческом пути, боевых подвигам и заслугам перед Россией. Научность и строгого следования известным ему документам в работе не проглядывается, хотя А. А. Гордеев делает попытку объективного освещения хронологических событий, из которых, по существу, и составлена книга. Историю казаков автор заканчивает на последних событиях гражданской войны, считая, что в дальнейшем казачества больше, как такового, уже нет. Хозяйственный аспект жизни казаков, земельные вопросы, динамика развития общины и соответствующих общинных отношений автором не освещены, а вся история сведена к боевому прошлому казачества.

После отмены новой экономической политики интерес местных исследователей к теме значительно снизился и заметные работы появляются только с 60-х годов.

В основном в них отражался восстановительный период народного хозяйства с 1921 по 1925 годы, ибо негласный запрет на объективное изучение подлинной истории казачества сохранялся по-прежнему. Среди немногочисленных авторов, решившихся заглянуть в прошлое казачества, необходимо выделить Асалканова И. А., рассматривавшего развитие казачьих поселений и взаимоотношения казаков с коренными народами Юга Сибири в период после реформ Александра Второго. В своем труде «Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX века» автор уделяет большое место земельным спорам в XIX веке и их разрешению на казачьей территории³⁰. Земельным вопросам и связанным с ними взаимоотношениям посвящена публикация Л. М. Горюшкина «Аграрные отношения в Сибири в период империализма». В ней автор придерживается традиционных воззрений на развитие сельского хозяйства в России, делает попытку анализа последствий столыпинских аграрных реформ в Сибири перед революцией³¹.

Ту же самую тему развивает в своих статьях А. И. Долгих, исследовавшая социальную дифференциацию и хозяйственные проблемы сибирских казаков накануне 1917 года. Работа содержит традиционные для историков 60- годов выводы и суждения, но несомненна заслуга автора в изучении казачьих хозяйств Сибири, одной из первых обратившей внимание на необходимость исследования ранее закрытой для специалистов темы³².

Тема возникновения и становления казачьей общины с ее структурной и специфическим типом ведения хозяйства не являлась предметом самостоятельного исследования как у дореволюционных авторов, так и у современных исследователей. Характеристику состояния сельского хозяйства в общине и отдельных сторон внутриобщинных отношений можно встретить лишь у уральских исследователей Г. В. Пожидаевой и М. Д. Машина.

Хронологически в своих работах исследователи останавливаются на 1917 году, считая, что далее казачья община автоматически теряет свою специфику и распадается. В работах упомянутых авторов нет анализа общинных отношений, не выделены присущие общине характеристики, ибо сама община не являлась для них предметом исследования. Оба автора приходят к мысли, что общинная форма землепользования не удовлетворяла потребностям развивающегося рынка. Г. В. Пожидаева, в своей статье «Разложение казачьей общины накануне 1917 года»³³, обращает внимание на низкую урожайность зерновых в казачьих районах и даже сокращение посевных площадей в неурожайные годы в начале века, связывая это с консервативным способом ведения хозяйства.

М. Д. Машин в своих работах выделяет процесс отчуждения общинных земель до революции 1917 года как признак начала распада общины, дает характеристику экономической и социальной дифференциации казачества в дореволюционный период. В вводной части своей монографии «Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны»³⁴ автор пытается доказать, что с разрушением общины снижается экономический потенциал отдельных дворов, а в целом, под воздействием капитализма, наблюдается тенденция к деградации и обеднению казачества. Анализируя степень социального расслоения среди казачьего населения, автор на основе своих подсчетов, явно отдавая дань официально принятой линии, выводит, на наш взгляд, необоснованно высокий процент бедняцких хозяйств в казачьих районах — до 82,5% в степной зоне и до 41% в лесной и лесостепной зонах.

Критерии его подсчетов расплывчаты, к тому же в дальнейшем автор противоречит себе³⁵. М. Д. Машин старается доказать, что казачество жило в целом довольно бедно и в силу этих причин оно активно поддерживало Советскую власть, связывая с ней надежды на улучшение уровня жизни, а Оренбуржье в силу этих же причин не стало «Уральской Вандеей»³⁶.

В монографии автор дает беглый анализ социально-экономической ситуации на казачьих территориях накануне

гражданской войны, исследует причины разделения вчерашних родственников и соседей на «белых» и «красных». Значительное место уделено деятельности большевистского подполья и выводится мысль о неизбежности консолидации всего трудового (по определению М. Д. Машина) казачества с рабочим классом и крестьянством. Написанная в соответствии с духом и установками того времени, работа отражает в основном деятельность партийных и советских структур по организации красных казачьих отрядов. М. Д. Машин старается избегать контрастных оценок противоборствующих сторон, чувствуется его уважительное отношение к казачеству в целом.

Совсем другой точки зрения на уровень благосостояния казачьих дворов придерживается оренбургский ученый Л. И. Футорянский, который считает, что несмотря на известный консерватизм в приемах земледелия и общего ведения хозяйства, приводящий к невысокой продуктивности с засеянной десятины хлебов, в целом многоземельное казачество имело более высокий уровень потребления, чем крестьянство. Он справедливо указывает, что возможности казачьего хозяйства были довольно значительны³⁷. В своей статье «Первичные материалы сельскохозяйственной поземельной переписи 1917 года и социально-экономическое положение оренбургского казачества накануне Октября» Л. И. Футорянский подчеркивает, что неразвитость казачьего хозяйства являлась тормозом на пути развития сельского хозяйства в казачьих областях, была по своей сути консервативной, как и сама система отношений внутри казачьей общины.

В качестве критериев мощности казачьего двора Л. И. Футорянский использует данные по посеву, что является неполной характеристикой потенциальных возможностей и продуктивности сельского двора, ибо не учитывается и такой важный показатель, как обеспеченность хозяйства рабочим скотом, в первую очередь рабочими лошадьми.

История казачества долго еще оставалась полузапретной, особенно ее дореволюционный период, в то время как события гражданской войны и участие в ней казаков имели своих

исследователей³⁸. В начале 70-х годов (времени написания работ) казачья тема по сути не была исследована, и поэтому труды Л. И. Футорянского привлекли внимание историков. Анализируя многочисленные источники, он приходит к выводу, что самодержавие к 1917 году не имело уже серьезной опоры в лице казачества, а вовлечение казаков в революцию и дальнейшее их участие как в белом, так и в красном движении, носило объективный характер. В статье «Казачество в системе социально-политических отношений предреволюционной России» Л. И. Футорянский проводит детальный анализ социальной дифференциации казачьего населения, делает вывод о более медленных темпах хозяйственного расслоения казачьих дворов по отношению к крестьянским и объясняет причины этому.

Говоря о трудах оренбургских ученых, следует обратить внимание на публикации Л. А. Селивановской. Ранее прослеженные в трудах Л. И. Футорянского тенденции в казачьих хозяйствах находят свое подтверждение в работе Л. А. Селивановской «О степени расслоения оренбургского казачества в пореформенный период», где она проводит анализ переселенческого потока в Оренбургскую губернию в конце XIX–начале XX века и возникавших в процессе переселения и расселения экономических и социальных проблем. Подводя итог, Л. А. Селивановская на основе статистических данных делает вывод о более высоком уровне жизни оренбургских казаков по сравнению с крестьянством центральных черноземных губерний России³⁹. Говоря об иногородних, автор определила тенденцию к относительному (относительно переселенцев и иногородних) упадку мощностей казачьих хозяйств в связи с сокращением общинных земель, общим увеличением расходов и т. д.

В работах исследователей, изучавших социально-экономическое положение казачества, традиционно рассматривается период до революции 1917 года или, по крайней мере, до окончания гражданской войны. Это дает возможность проследить экономическое состояние казачьих поселений, имущественную и социальную дифференциацию в казачьей среде накануне новой экономической политики.

Сама тема, касающаяся периода новой экономической политики нами выбрана не случайно. В условиях экономической ситуации, сложившейся после 1985 года, есть повод сравнить ее с опытом прошлых лет, а также по-новому осмыслить уроки проведения новой экономической политики, в течении длительного времени упрощенно толкуемых как временное отступление от ранее объявленного курса на ускоренное построение социалистического общества, продиктованное разрухой и внешней опасностью.

Единственным условием возрождения российской экономики в то сложное время было сближение восстанавливаемой промышленности и мелкотоварного производства, являвшегося одновременно и кормильцем для рабочих и жителей городов и поставщиком так необходимого сырья для развития легкой промышленности. Но это могло быть достигнуто на базе возрождения нормального функционирования товарно-денежных отношений. Не случайно, характеризуя суть нового подхода к развитию государственного хозяйственного плана, В. И. Ленин писал: «Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму...»⁴⁰.

Переход к новой экономической политике был продиктован не столько прозорливостью и желанием В. И. Ленина, сколько железной необходимостью. Историческое решение о смене экономического курса было принято на X съезде РКП(б), а декретом ВЦИК от 21 марта 1921 года⁴¹ продразверстка была заменена продналогом, который дал возможность крестьянскому хозяйству перейти на товарное производство сельхозпродукции, и в силу этого требовал организации свободной торговли. Эта свободная торговля не могла ограничиваться одним местным (низовым оборотом), а должна была в условиях рынка охватить все движение товаров.

Хозяйственная свобода мелкого производителя привела к необходимости и других изменений в условиях и приемах ведения хозяйства — в земельных отношениях допускались аренда и найм рабочей силы, предполагалось развитие частной промышленности, кооперации, кредита, укрепление денежной системы, изменение налоговой политики, методов планирования и т. д.

В силу сложившихся условий, таким образом, на первое место встал вопрос об укреплении индивидуального хозяйства, организации свободного товарооборота мелких производителей. От подъема сельского хозяйства напрямую зависело и восстановление промышленности, снабжение предприятий сырьем, а рабочих продуктами питания.

Надо отметить, что тема перехода к новой экономической политики и ее осуществление всегда привлекала исследователей и рассматривалась в различных аспектах советской историографической наукой. Авторы, используя документы и публикации, посвященные НЭПу, подробно освещали основные ее этапы, но идеологические штампы, влияние цензуры, а также ограниченный доступ к архивам материалам не позволили им до конца объективно оценить этот период отечественной истории. Но в целом написанные ими работы представляют собой солидные, профессионально выполненные, фундаментальные труды, долгое время остававшиеся опорой для всех, кто интересовался проблемой развития народного хозяйства и состоянием экономики первого десятилетия Советской власти. К таким авторам можно отнести П. И. Лященко, написавшего «Историю народного хозяйства СССР»; И. Н. Каторгина, выделившего роль партийных органов в осуществлении новой экономической политике; Э. В. Генкину, описавшему переход к НЭПу от политики «военного коммунизма»; С. П. Трапезникова, осветившего проблемы решения аграрных отношений в советском обществе в первые годы Советской власти⁴².

Состояние сельского хозяйства в СССР накануне коллективизации было посвящено в советский период немало работ, но не все из них могли бы претендовать на универсальность и

всеохватность. Многостороннюю оценку, процессам, проходившем в сельской общине, получившей долгожданную землю и поставленную в условия рынка, дал в своём капитальном двухтомном труде известный исследователь доколхозной советской деревни В. П. Данилов⁴³. Он подробно анализирует экономические, социальные и демографические изменения в крестьянской среде до начала коллективизации, характеризует состояние производительных сил деревни, исследует тенденции развития растениеводства и животноводства. В своих работах В. П. Данилов детально характеризует причины, мешавшие динамическому развитию сельского хозяйства в 20-е годы. Он акцентирует внимание на засилье ручного труда в производственном процессе, на бытовавшую повсеместно чересполосицу земельных наделов, на дальнотемелье, заставлявшее сельского труженика-земледельца тратить непроизводительно много сил и времени как самих работников, так и столь необходимого на пашне рабочего скота. Много места уделяет автор анализу социальных процессов в советской деревне, неизбежно увеличивавшееся под воздействием развивавшихся в деревне рыночных отношений классовое расслоение. В. П. Данилов показал, что в материально-техническом плане советская деревня не была подготовлена к предстоящей коллективизации.

С начала 60-х годов интерес к новой экономической политике повсеместно проявлялся и у местных исследователей. В основном в работах отражался восстановительный период народного хозяйства с 1921 по 1925 годы. Авторы касались общих тенденций в развитии крестьянских хозяйств, характерных для страны в целом, социальной дифференциации среди сельского населения, анализировали деятельность советских и партийных органов, направленной на становление и укрепление сельского хозяйства, развитию кооперативного движения и форм коллективного развития хозяйства, классовой борьбы в деревне.

В большинстве случаев специфика казачьего типа ведения хозяйства в данных исследованиях не рассматривалась.

Казачество в них не отделялось из крестьянской массы. Даже само слово «казак» заменялось практически везде на «крестьянин», а слово «станица» на слово «село».

Большое внимание восстановительному периоду 1921–1925 годов уделили советские исследователи Западной Сибири. О продотрядах в Омской губернии пишет Г. И. Галкина. По ее мнению, продотряды сыграли положительную роль в деле снабжения голодающих городов центра России хлебом, а для хлебообильной Сибири разверстка не была слишком обременительной. Большое внимание автор уделяет социальному расслоению и классовой борьбе в сибирской деревне на кануне новой экономической политики⁴⁴.

Теме становления в Западной Сибири советских низовых органов посвящает свою публикацию А. В. Гагарин. По его утверждению, советы имели поддержку у сельского населения, а в 1926 году почти полностью избавились от классово чуждых сельским труженикам кулацких элементов⁴⁵.

Уже упомянутый нами сибирский исследователь Л. М. Горюшкин рассмотрел проблемы, связанные с земельным переустройством в Сибири в первые месяцы Советской власти. Автор обратил внимание на факт изъятия казачьих запасных войсковых земель в пользу местного крестьянства и переселенцев, что не могло не вызвать сопротивления со стороны казачества и, в какой-то степени, обусловило массовый переход сибирского казачества на сторону Колчака⁴⁶.

Наиболее универсальной и основательной работой, посвященной состоянию западносибирской деревни до начала коллективизации, является труд А. К. Касьяна «Социально-экономическое развитие Юго-Западной Сибири в доколхозный период (дек. 1919–1928 гг.)»⁴⁷. Исследование отличается добросовестностью, насыщено данными архивных материалов, документами того времени, обильным цифровым материалом. В частности, автор много времени уделяет созданию и функционированию в Сибири первых трудовых коллективных объединений, объясняет, почему в Сибири коммун было меньше,

чем сельхозартелей, а число совхозов значительно уступало и тем и другим. Отдельно А. К. Касьяном рассматривается вопрос возрождения сибирской кооперации, в первую очередь традиционного для региона маслоделия. Автор анализирует состояние потребительской, кредитной и промысловой форм кооперации и приходит к выводу, что благодаря именно кооперативным объединениям сельское хозяйство Сибири не только поднялось на ноги, но и достигло известных успехов, хотя в 1926 году дореволюционный уровень так и не был превзойден: посевы достигли 68,8% от уровня 1917 года, а валовый сбор хлеба в 1925 году составлял 72% от дореволюционного. А. К. Касьян вынужден был признать, что за первые годы Советской власти восстановить прежний уровень благосостояния сельских производителей так и не удалось, непоследовательная политика советских властей не давала стабильно богатеть, а первые колхозы и совхозы висели ненужным грузом на шее земельных органов, вычерпывая финансы, необходимые для поддержки технического оснащения села.

Тема перехода западносибирской деревни к новой экономической политики развивается в публикациях Т. А. Корягиной, которая считает, что сибирское крестьянство, ранее жившее довольно стабильно и зажиточно, приветствовало восстановление рыночных структур и товарно-денежных отношений на селе и поначалу, пока не почувствовало налоговый пресс и двойственность политики Советской власти по отношению к середняку, активно втянулось в многосторонний процесс возрождения сибирского села⁴⁸.

Вопрос о создании и укреплении новых органов власти на селе и проблемы взаимоотношений различных классовых группировок внутри сельского общества рассмотрел в своей монографии Ю. С. Кукушкин. Он подчеркивает, что обострение классовых противоречий в Сибири было выше, чем в центральной России, ибо в Сибири у крестьян уровень благосостояния был выше, а отсюда и выше уровень споров из-за собственности. Автор традиционно обличал кулака и всячески оправдывал деятельность

комитетов бедноты. Серьезного анализа причин социальной дифференциации сибирского крестьянства и объективных критериев его градации в работе не прослеживается, что в целом характерно для многих работ, посвященных сельскому хозяйству 20-х годов и изданных в 60-е годы⁴⁹.

Тема создания и функционирования крестьянских комитетов оказания взаимопомощи в Сибири затронута в публикации В. С. Флерова и Л. Д. Ефопова⁵⁰. Они рассматривают ККОВы как органы социальной защиты бедноты и подчеркивают, что деятельность этих органов носила временный и не очень действенный характер. Авторы не провели в своей статье параллели с ранее существовавшими хлебными магазинами, куда поступал хлеб с общественных запасов, и находившихся в ведении сельского общества, которое использовала эти хлебные магазины для поддержки нуждавшихся общинников.

Вопросам государственного и партийного строительства среди сибирского казачества в первые годы Советской власти посвятил свои работы Н. А. Хвостов⁵¹. Автор подробно рассматривает положение сибирского казачества после отмены сословных различий, указывает на сложность утверждения советских, и тем более партийных структур, среди казачества, которое принимало активное участие в белом движении. Отдельно автором рассматривается вопрос о землеустройстве на бывших казачьих территориях, о проведении политики «военного коммунизма» на казачьих территориях. Говоря о деятельности продовольственных отрядов на территории казачьих войск, Н. А. Хвостов не анализирует их действия и не дает оценку методам изъятия хлеба у казаков. Данная осторожность еще раз подчеркивает тезис о том, что в закрытом обществе исторические исследования не могут быть свободны от идеологического контроля и спущенных сверху установок, определяющих как глубину, так и тематику и методологию исследований.

Голод 1921–1922 годов затронул только краем сибирский регион, но тем не менее данная тема нашла свое отражение в трудах сибирских ученых. Одной из таких работ является

исследование Е. М. Хенкина «Кооперация Сибири в борьбе с голодом 1921–1922 годов». Автор, исследуя проблему, традиционно указывает на засуху и последствия гражданской войны, как на главные причины произошедшей трагедии. Он же отмечает, что последствия голода заставили местных земледельцев перейти к искоренению отсталых методов ведения сельского хозяйства, которые также явились причинами разразившегося голода. Н. Е. Хенкин показывает, как для предотвращения подобных явлений крестьяне увеличивают посевы озимой ржи, культуры непопулярной в Сибири по причине короткого лета, в хлебосеющих районах. Увеличиваются площади под просо, культуры засухоустойчивой и требующей меньших затрат труда и посевного материала.

Несколько иной характер среди массы работ, посвященных сельскому хозяйству и его проблемам в 20-е годы носили труды екатеринбургских ученых. Среди них можно выделить В. П. Гурова, Р. В. Кондратьеву, Р. П. Толмачеву, Н. В. Ефременкова и других. Они предпринимали попытки объективного анализа происходивших изменений, старались избавляться от сложившихся стереотипов во взглядах на новую экономическую политику в сельском хозяйстве, хотя влияние господствовавшей идеологии заметно ощущается в их публикациях.

Основные выводы уральских исследователей можно свести к некоторым обобщениям. Так, например, уже тогда Н. В. Ефременков высказал мнение, что на Урале не было создано материальной базы для готовившейся коллективизации, а присутствовали лишь отдельные ее элементы, что, в частности, отмечал и В. П. Данилов. В работе Н. В. Ефременкова «Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации»⁵² приводится анализ рыночных отношений в сельском хозяйстве Урала, в том числе и Южного, накануне коллективизации. Он делает вывод, что в деревне того времени преобладало мелкотоварное производство с элементами капиталистических отношений, рынок утверждается стихийно, не

всегда под контролем советских органов, что у автора вызывает сожаление.

В. П. Гуров в статье «К вопросу о политических настроениях уральских крестьян накануне новой экономической политики» утверждает, что в НЭПе «коммунистический опыт партии нашел форму приобщения крестьянства к строительству коммунизма, к укреплению диктатуры пролетариата»⁵³.

Что касается кооперативного движения в уральской деревне, то отдельные моменты проблемы мы обнаруживаем у Н. В. Ефременкова, но в основном формы государственного регулирования сельского хозяйства в процессе его восстановления описаны Р. П. Толмачевой. В ее работе «Социальная дифференциация уральского крестьянства в восстановительный период 1921–1925 гг.»⁵⁴ приводится анализ зажиточной, так называемой «кулацкой» товарной группы сельских производителей уральского региона. Автор показывает, что эта относительно немногочисленная группа (ранее ее численность искусственно завышалась, чтобы оправдать высокий процент раскулаченных) являлась основным поставщиком товарной сельскохозяйственной продукции.

Из показателей производственной мощности хозяйств Р. П. Толмачева справедливо относит к главным обеспеченность единоличного двора рабочим скотом (в основном рабочими лошадьми), сельскохозяйственным инвентарем, аренду земли и найм средств производства, тяглового скота и рабочей силы, тогда как традиционно исследователи делали акцент на количество засеянных площадей в хозяйстве.

Процесс становления и укрепления сельских партийных организаций отражен в трудах Р. В. Кондратьевой, В. И. Куликова, Л. П. Сашенковой. В. И. Куликов подробно рассматривает вопросы стирания противоречий между городом и деревней в середине 20-х годов посредством расширения экономических связей между промышленными предприятиями и сельскими тружениками. Он старается выделить при этом положительную роль партийных организаций как города, так и села, но его доводы неубедительны и малоубедительны⁵⁵.

Аспекты развития кооперативного движения на Урале и партийное руководство ими стали темой исследования Л. П. Сашенковой. При всех достоинствах ее работы, вопрос о взаимодействии коммун с сельскохозяйственной кооперацией остался в стороне⁵⁶.

Значительный вклад в изучение вопросов кооперирования крестьянства в первые годы новой экономической политики внесла Р. В. Кондратьева. Автор, исследуя деятельность партийных организаций по организации кооперативного движения в восстановительный период, констатирует, что кооперация играла в тот момент роль политического оружия, ибо должна была подготовить сельских производителей к последующему труду уже в рамках коллективных хозяйств. Она считает, что насильственное кооперирование вызвало недовольство, недоверие, а иногда и враждебность со стороны сельских производителей⁵⁷.

Отдельные стороны процесса кооперации крестьянства Урала в первые годы новой экономической политики затронуты в совместной книге Н. В. Метельского, Р. П. Толмачевой и В. А. Усова «Кооперативное движение на Урале в условиях НЭПа»⁵⁸. Авторы, уже с учетом начавшейся переоценки истории советского периода (книга вышла в 1989 году), попытались по-новому взглянуть на период восстановления народного хозяйства в середине 20-х годов. Они заострили внимание на негативных сторонах момента, как, например, открытое вмешательство государства в естественный процесс втягивания кооперативных объединений в рынок, зажим со стороны советских органов частного торговца, вытеснение зажиточных хозяев из созданных кооперативов.

Тема утверждения новой экономической политики в деревне становится довольно популярной у исследователей, хотя никто не рискнул написать обобщающий труд, понимая трудность задуманного в условиях ограниченного доступа к архивным материалам и партийным документам 20-х годов. Не исключением стал и труд В. П. Петровой «Развитие сельского хозяйства Южного Урала в восстановительный период»⁵⁹. Автор традиционно

утверждает, что количество середняков к концу указанного периода превышало численность бедняцких дворов, что должно было свидетельствовать об успехах Советской власти по подъему сельского хозяйства страны. В. П. Петрова дает положительную оценку партийным и советским органам местной власти по снабжению села сельскохозяйственной техникой, удобрениями, по распространению передовых приемов земледелия и агрономических знаний.

Проблема иногороднего населения Оренбургской губернии накануне революции затронута в работе Н. И. Булатовой «К вопросу о классовом расслоении иногороднего крестьянства Оренбургской губернии накануне Октября»⁶⁰. Автор выделяет в своей работе момент, который свидетельствует, что социальная дифференциация в крестьянской среде проходила активней, чем в казачьей. Она поясняет этот факт тем, что крестьянство, более свободное в производственных взаимоотношениях, быстрее втягивалось в систему рыночных отношений, шире использовало побочные источники повышения своего благосостояния.

Подводя итог, надо отметить, что интерес к теме новой экономической политики в 60–70-е годы не был случайным. В экономике страны накапливались негативные тенденции и поиск новых путей развития стал насущной проблемой. Поэтому столь пристальному вниманию подвергался опыт советских реформ начала 20-х годов, с помощью которых удалось не только вытащить страну из пропасти, но и придать известную динамику развитию народного хозяйства страны.

После длительного периода замалчивания, возрастает интерес к досоветскому периоду истории казачества. С конца 80-х, а в основном в начале 90-х годов, выходят работы, претендующие на довольно обстоятельный охват исторического прошлого казачьих войск или отдельных этапов в их становлении и развитии. Надо отметить, что большая часть вышедших в этот период работ была посвящена участию казаков в войнах.

Из данных работ следует выделить работу оренбургского исследователя В. М. Войнова «История войска оренбургского»⁶¹,

где значительное место историк уделяет хронологии возникновения и развития войска, трагедии гражданской войны, пытается разобраться в ее причинах. Работа изобилует занимательными сведениями, интересными фактами и в целом представляет интерес для исследователей истории казачества. Прослеживается новый по тому времени (работа вышла в 1992 году) подход во взглядах на казачество, хотя В. М. Войнов явно не свободен в своих оценках от идеализации прошлого.

Магнитогорский автор В. П. Баканов в своей книге «Из истории оренбургского казачества»⁶², не претендуя на всеохватывающее повествование, на основе преимущественно станицы Магнитной, воссоздает отдельные стороны жизни оренбургских казаков. Для книги, которая не претендует на научное издание, характерна занимательность, легкость изложения, насыщенность фактами и биографическим материалом.

В целом, в начале 90-х годов, авторы стремились к воссозданию исторической хронологии казачьих войск и создавали свои труды, последовательно описывая этапы развития и становления казачества в дореволюционный и последующие периоды. Одна из таких попыток была предпринята авторским коллективом челябинских и оренбургских исследователей в учебном пособии для казачьих воскресных школ «История казачества Урала»⁶³.

Эту работу не следует рассматривать в качестве обобщающего научного исследования, ибо его авторы определили свою цель как просветительскую. В книге изложен обширный просветительский материал по истории возникновения казачества, его боевому прошлому. Основное место уделено истории Оренбургского казачьего войска, его жителям. В то же время, налицо явная перегруженность книги информацией и одновременно «белые места», в частности, по периоду 20-х годов материала практически нет, как будто казаки куда-то исчезли, а потом снова возникли и проявили себя на фронтах Великой Отечественной войны.

Для первой половины 90-х годов характерны попытки

создания универсальных, глобальных по тематике, трудов. В них авторы пытаются проследить основные этапы в формировании казачьих сообществ, их развития, становления, службе в составе Российской империи. В некоторых из них, на фоне эмоционального изложения материала, насыщенности фотографиями и воспоминаниями, трудно обнаружить научный подход к теме, детальное исследование проблем, характерных для казачьего сословия. Традиционно упор делается на боевом прошлом казаков. Проблемы хозяйственного плана, проблемы общины с ее спецификой, социального разделения казачьего общества, сложности вхождения казаков в капиталистическое хозяйство в этих книгах, как правило, отсутствуют. К таким изданиям можно отнести работу Р. А. Нелепина «История казачества» в 2-х томах⁶⁴, книги В. Глушенко «Казачество», «Казак, что в имени твоём...»⁶⁵ и др.

Более обстоятельным, по нашему мнению, является труд В. Ф. Мамонова «История казачества России»⁶⁶. Автор, имеющий немало публикаций, посвященных данной теме, освятил долгий и трудный путь казаков в российской истории на протяжении веков начиная с первых упоминаний о них в отечественной истории. Работа претендует на всеохватность и, безусловно, демонстрирует научный подход к популярной теме.

Исследователи прошлого казаков в последние годы обращали внимание на различные аспекты казачьей жизни. Развитию самоуправления в казачьем обществе, становлению офицерского корпуса и развитию управленческих структур в казачьем войске посвятил свои публикации челябинский историк В. С. Кобзов⁶⁷. Им же написана история казачьего поселка Варна, который расположен на землях бывшего Оренбургского казачьего войска⁶⁸. Эта книга описывает жизнь казаков поселка на протяжении полутора веков. Автор на ставил для себя цели создания капитального произведения, которое вместило бы в себя историю казачьих поселений 2-го военного отдела ОКВ. Поэтому разделы книги не равнозначны, много архивных подробностей, также не освещен период новой экономической политики. Как и

многие авторы, которые продолжают летопись казачества до наших дней не заканчивая ее на последних событиях гражданской войны, В. С. Кобзов не исследовал время 20-х годов. Возможно, это и не входило в планы автора. В соавторстве с другим челябинским историком А. П. Абрамовским В. С. Кобзовым издано несколько публикаций, относящихся к истории оренбургского казачества, в том числе и солидный труд «Оренбургское казачье войско в трех веках»⁶⁹, где хронология истории войска оканчивается на 1919 году — году, в котором белое движение потерпело поражение и войсковые структуры прекратили свое существование.

К истории развития товарно-денежных отношений и в целом экономики в Оренбургском казачьем войске во второй половине XIX века обращается оренбургский исследователь Ю. С. Зобов. Он в своих работах характеризует процесс формирования рынка на территории войска в пореформенный период, изучает проблему расселения переселенцев на казачьих землях. Автор делает правильный вывод о том, что разложение и внутренняя дифференциация казачьей общины началась еще в дореволюционный период⁷⁰.

В казачьей тематике, особенно первой половины 90-х годов, заметно прослеживается уклон в сторону изучения боевого прошлого казаков, трагедии гражданской войны. Тема становления и деформации казачьей общины, с присущими ей специфичными признаками, по-прежнему не является популярной. Среди сибирских исследователей не было авторов, которые бы выделили ее изучение в качестве самостоятельной цели, а среди уральцев привлекает внимание публикация А. И. Изюмова «Уральская казачья община»⁷¹. Автор в своей статье излагает историю уральских казаков, касается присущего уральским казакам способа производства, обращает внимание на бытовые детали жизни казачьего населения. Но он не анализирует структуру и предназначение общины, не выделяет ее отличительных признаков по сравнению с крестьянской. Не отражены в публикации ни этапы формирования общины, ни ее эволюция и деформация в первой

четверти XX века. Автор категорически утверждает, что «Уральская казачья община была практически уничтожена в ходе гражданской войны 1918–1920 гг. в Советской России»⁷². На наш взгляд, такое утверждение является необоснованным, ибо исчезло сословие, привилегии, специфичное отбывание воинской службы, но не само казачье население с его менталитетом, особенностями способа производства. Казачья община, в которой произошло немало изменений с начала века, продолжала существовать и выполнять отдельные свои функции.

Также не достаёт глубины исследования проблемы ростовским ученым И. Ивченко и В. Ратушняк, которые попытались провести параллели в функционировании казачьей общины до революции и в жизни современных поселков, где проживают потомки донских казаков и где предпринимаются попытки воссоздать систему общинных отношений и общинного производства с учетом ситуации конца XX века. В своей публикации «Исторический опыт казачьей общины и современность»⁷³, авторы, не вдаваясь в подробный анализ, описывают историю создания казачьей общины на Дону. Хозяйственный аспект жизни общины практически в публикации не отражен.

В то же время, все большее количество исследователей посвящают свое внимание проблеме состояния хозяйственных отношений в казачьих поселениях. Данной теме посвятили свои работы молодые челябинские авторы П. Ф. Назыров⁷⁴ и Т. К. Махрова⁷⁵. П. Ф. Назыров в своей статье «Распространение сельскохозяйственных знаний и развитие агрономии в Оренбургском казачьем войске» выделяет те изменения в ведении сельского хозяйства казаками Оренбуржья, которые имели место в конце XIX – начале XX века. Публикация содержит большое количество цифрового материала, которое позволяет автору создать довольно полную картину состояния работы по агрономическому просвещению казачьего населения при содействии войсковых хозяйственных структур. Описывая сложившееся положение, П. Ф. Назыров справедливо отмечает, что прилагаемых усилий

со стороны Войскового Правления было явно недостаточно и казаки по-прежнему культивировали непродуктивную форму землепользования.

В публикациях Т. М. Махровой значительный акцент делается на природно-климатический фактор в развитии экономических отношений на территории Оренбургского казачьего войска. Говоря о дореволюционном хозяйстве, автор в основном разбирает земельные отношения в казачьей среде, дает анализ качества используемых в хозяйствах наделных участков. Сама община и присущий ей способ производства исследователем не изучается. Говоря об изменениях в казачьем обществе под воздействием развивающегося капитализма, она пишет, что решающую роль в адаптации казачества к рынку сыграли два фактора: организационная и материальная помощь со стороны войсковых органов и кооперативное движение, развивавшееся на территории войска в начале XX века. Т. К. Махрова пишет о вхождении казачьих поселков в рынок как о состоявшемся факте, что, на наш взгляд, является недоказательным, ибо на самом деле, по данным архивных материалов и свидетельств того времени, со стороны войсковых и станичных правлений больше было стремлений и пожеланий, чем конкретных результатов.

Среди других работ, касающихся проблем состояния и развития сельского хозяйства на Южном Урале до революции, можно назвать публикации И. В. Побережникова, И. В. Семенченко, Л. В. Щетиной, А. Н. Турковского⁷⁶. Последний, в своем очерке «Жизнь казачьего села бывшего войска оренбургского», приводит немало фактов и свидетельств отсталости и неразвитости казачьего сельского хозяйства в начале XX века.

Проблемой постановки школьного образования в казачьих районах занимается известный челябинский ученый А. П. Абрамовский. В его многочисленных публикациях, носящих исследовательский характер, описываются последовательно все этапы становления и развития образовательного процесса в Оренбургском казачьем войске⁷⁷. Автор детально характеризует

систему школьного образования на войсковой территории, много места уделяет функционированию отдельных учебных заведений, таких как например, школы казачьих офицеров, гарнизонные школы и военно-сиротские отделения начала XIX века, Оренбургское кадетское училище. Отдельные работы А. П. Абрамовского посвящены развитию библиотечного дела в казачьих поселениях. Он подчеркивает, что у казаков общий уровень образовательности был всегда выше, чем у крестьян, благодаря целенаправленной деятельности и постоянному контролю со стороны войскового руководства. А. П. Абрамовский пишет, что южноуральские и западносибирские казаки могли заслуженно гордиться результатами — уровень грамотности в Оренбургском и Сибирском казачьих войсках был значительно выше, чем на других казачьих территориях. Отдельно автор упоминает подвижников, таких как полковник М. Г. Лобов, генерал-майор А. С. Мелянин и др., благодаря которым благородное дело образования развивалось и крепло.

Среди сибирских исследователей тема дореволюционного прошлого казачества также получила известное распространение. Начальный период возникновения казачьих поселений на сибирской земле и последующее формирование общин, самого Сибирского казачьего войска отражен в капитальном труде Ю. Г. Недбая «История казачества Западной Сибири»⁷⁸. Автор считает, что Сибирское казачье войско должно отсчитывать срок своего существования не со своего официального утверждения в начале XVIII века, а с первых отрядов Ермака, проникших в Сибирь еще во времена Ивана Грозного. Другой автор, Е. А. Аркин, описал в этнографическом очерке специфику сибирского казачьего быта («Сибирская казачья станица: традиции быта, фольклор»). В его, довольно интересной работе, содержится много любопытной информации о бытовых особенностях повседневной жизни казачьих поселений Сибири. Описание и анализ хозяйственной жизни казаков и внутриобщинных отношений, видимо, в задачу автора не входило.

Подробный анализ состояния хозяйственных и земельных отношений первых месяцев Советской власти в Западной Сибири

мы находим в обстоятельной работе Н. Ф. Иванцовой «Западная Сибирь в 1917 — первой половине 1918 года»⁷⁹. В своем исследовании она, например, пишет, что сибирские казаки имели в среднем на двор 98–120 десятин земли, что еще раз говорит об их привилегированном положении по отношению к переселенцам и проживавшим крестьянам. Отдельный акцент автор делает на то, что непосредственно до начала гражданской войны снижения валовых показателей по сельскому хозяйству в Сибири не наблюдалось, а даже было известное увеличение посевных площадей (по Омскому уезду на 64 тысячи десятин или на 20,7%), вызванное увеличением военных заказов на поставки хлеба в армию. Н. Ф. Иванцова указывает на факты деформации общинных отношений, подчеркивает, что до революции в Сибири ключевой фигурой был не бедняк, а середняк. О высоком уровне благосостояния говорит тот факт, что 46,3% всех хозяйств имели в среднем 7,2 голов коров и рабочих лошадей на двор. Зажиточные хозяйства, составляющие по данным автора 16,6% всех дворов, давали 80% всего товарного хлеба.

Конкретно хозяйственные и земельные проблемы в Сибирском казачьем войске накануне революции описывает В. А. Шулдяков⁸⁰. Автор исследовал имущественные, социальные и политические группировки казачьих хозяйств. Учитывая хлебную товарность казачьих хозяйств, он вплотную подошел к изучению их бюджета.

Одними из самых серьезных работ по проблемам состояния сельского хозяйства на землях сибирского казачества следует считать публикации С. М. Андреева. Автор достаточно глубоко анализирует сложность земельных взаимоотношений. Он подробно рассматривает вопросы землеустройства на территории СКВ во второй половине XIX– начале XX веков. В частности, С. М. Андреев обращается к проблеме соотношения понятий «офицерские земли» и «офицерские земли потомственной собственности». Кроме того, в поле его интересов попали такие темы, как военная подготовка молодых казаков в Сибирском казачьем войске в конце XIX– начале XX века. Автор подвергает

анализу настроение сибирского казачества в начальный период «демократической контрреволюции» в 1918 году⁸¹.

Специальных работ, посвященных казачьей общине до революции (как и после революции) у уральских и сибирских исследователей в период 90-х годов практически издано не было. Но в ряде работ прослеживается желание дать обобщающую картину состояния хозяйства, социальной дифференциации и политических настроений уральского и сибирского казачества как в дореволюционный период, так и в период новой экономической политики. Одним из таких изданий, претендующих на серьезное обобщение перечисленных проблем, является изданная в 1995 году в Екатеринбурге 3-х томная «История казачества азиатской России»⁸².

Автором раздела «Социально-экономическое положение казачества на рубеже XIX–начала XX века» является А. Л. Худобородов, который попытался бегло охарактеризовать основные общественные и хозяйственные вопросы на территории всех казачьих войск, находившихся к востоку областей Сибирского и Оренбургского казачьих войск. Всеохватывающей картины жизни казачьего сословия на указанных территориях у автора не получилось. Не затронута совсем ни специфичность казачьего способа производства, ни совокупность тех сложных процессов, которые имели место в казачьей среде до революции. Также опущена в публикации тема формирования и внутреннего развития казачьей сельской общины.

Этим же автором написана статья для третьего тома энциклопедического издания (на что претендует «История казачества азиатской России») под аналогичным названием «Социально-экономическое и политическое положение казачества в 20–30-е годы». Следует высказать ряд критических замечаний и несогласий в связи с данной публикацией уже упомянутого автора.

Необходимо отметить, что автором использовано немало документов и архивных источников, относящихся к объявленному периоду. Правильным надо считать вывод о том, что «главным

фактором для определения мощности казачьего хозяйства был не столько фактор найма рабочей силы, сколько наличие и количество рабочего скота». Согласно установившейся в советской историографии традиции А. Л. Худобородов считает, что казачьи хозяйства к середине 20-х годов окрепли и центральной фигурой в поселках становится середняк, что оказывается неверным при тщательном и объективном изучении ситуации, сложившейся в казачьих областях в годы новой экономической политики.

Совсем не затронут вопрос казачьей общины, ее деформации в первые годы Советской власти. В работе нет анализа деятельности советских партийных, административных и земельных органов по подъему и укреплению сельского хозяйства в годы НЭПа. Автор по сути, проскочил мимо голода 1921–1922 годов, не охарактеризовал уровень социальной дифференциации в среде оренбургского и сибирского казачества в указанный период.

Говоря об аспектах экономического и социального развития казачьих территорий и эволюции казачьей общины в период первых лет новой экономической политики, мы еще раз должны указать на неизученность вышеназванной темы. Специальных работ написано мало, а обобщающих работ нет совсем, кроме некоторых публикаций автора. Обходят большей частью проблемы жизни казачьего сообщества в 20-е года и сибирские авторы 90-х годов. Среди немногочисленных исследований этого времени можно выделить работу А. Колесникова «Продразверстка в Сибири»⁸³, где автор, уже на основе присущих середине 90-х годов подходов, пытается воссоздать обстановку начального периода Советской власти на территории сибирского казачества, и подчеркивает, что принудительное изъятие хлеба было по содержанию своему, да и по форме, прямым ограблением крестьян и казаков, что и породило по Сибири довольно внушительное движение протеста, вплоть до вооруженных выступлений.

Среди челябинских и оренбургских историков тема получила несколько большее освещение. Например, И. И. Коваль и М. Н. Тайболина обратилась к проблеме взаимоотношения казаков-единоличников с Советской властью. И. И. Коваль, в своей

публикации «Наступление на единоличника-казака: налоговая и социальная политика»⁸⁴, показывает, как с помощью налоговой системы советские власти выдавливали из села зажиточных казаков, лишали их возможности закупать новую технику и использовать сельских производителей.

Новый взгляд на проблему социальной дифференциации среди казачьего населения в годы экономической политики можно обнаружить у М. Н. Тайболиной (Хозяйства зажиточных крестьян Урала в начале 1920-х годов)⁸⁵. Автор показала динамику роста зажиточных хозяйств на Южном Урале в 20-е годы. До этого исследователи восстановительного периода больше внимания уделяли анализу развития бедняцких и середняцких хозяйств. Показывая объективный прирост зажиточных хозяйств М. Н. Тайболина справедливо указывает, что перелом в восстановительном процессе на Урале произошел в 1923 году. Автор традиционно относит к зажиточным те дворы, которые засеивали свыше 8 десятин пашни, хотя В. И. Ленин, характеризуя российскую деревню в дореволюционный период, к зажиточным хозяйствам относил те, кто имел не менее 16 десятин посева на двор.

О политике «военного коммунизма» и о голоде 1921–1922 годов пишет В. П. Половинко⁸⁷. На примере демографического анализа движения населения Еленинского поселка Троицкого округа он делает вывод о влиянии войн и голода на уровень благосостояния населения на казачьих территориях бывшего Оренбургского войска.

Период 20-х годов рассматривается в публикации челябинца В. Д. Ботнера «Казачьи районы Южного Урала в 1920–1928 гг.». Автор касается проблем голода, кооперации в казачьих районах, обращается к теме настроения казаков и их отношения к советским мероприятиям. Он пишет, что «казачество недоверчиво относилось к агитационным кампаниям властей, особенно это проявлялось у женщин, наиболее подвластным устоям религии, да и молодежь не спешила записываться в различные кружки, из которых вскоре могут перевести в комсомол, а затем в коммунисты, так как

боялись»⁸⁸.

Среди работ, вышедших в этот период, можно назвать публикацию омского исследователя Л. В. Шевелевой «Первые годы новой экономической политики и отношение к ней сибирского крестьянства»⁸⁹ и статью оренбуржца О. П. Тетерятника «Образование и культура в 1921–1927 гг.»⁹⁰. Работы носят описательный характер и глубоких выводов не содержат.

Наиболее близкими к нашей теме исследования являются публикации В. А. Лабузова, который исследовал состояние крестьянских хозяйств Оренбургского края в период новой экономической политики. Автор не выделяет казаков из общей массы населения Оренбуржья и рассматривает все сельское население как единое целое. В своем исследовании («Деревня Южного Урала в период новой экономической политики»)⁹¹ В. А. Лабузов идет дальше наших хронологических рамок — до 1927 года, а не до 1926 года, когда по нашему убеждению НЭП в сельском хозяйстве достиг пика своего развития.

В статьях и работах В. А. Лабузова верным является тезис о том, что после отмены продразверстки крестьянские хозяйства Южного Урала начинают идти по пути превращения из потребительских в товарные, но только до 1925–1926 годов, а дальше с 1927 года начиная, этот процесс начинает сворачиваться. В то же время, со многими утверждениями автора мы не согласны. Например, он утверждает, что крестьянские комитеты оказания взаимопомощи (ККОВы) «обладали по тем временам достаточной солидной материальной базой (?)». Своими действиями комитеты взаимопомощи способствовали приобретению экономической независимости тысячам хозяйств края». Архивные документы не оставляют нам такой уверенности по поводу действенности ККОВ в 20-е годы. Манипулируя критериями мощности крестьянских хозяйств автор пытается убедить, что к концу указанного периода деревня «посытнела» и «осереднячилась»; а численность бедняков постоянно сокращалась: «Увеличение группы середняцких хозяйств, занимавших в 1927 году ведущее положение, наблюдается повсеместно. НЭП благополучно влиял на экономическую мощь

среднестатистической семьи, его принципы сыграли действенную роль в развитии кооперации, в уменьшении числа малоимущих хозяйств и подъеме общего благосостояния сельского населения в целом».

В контексте разговора о публикациях на казачью тему в 90-х годах, мы сознательно не затрагивали многочисленные материалы, направленные в поддержку возрождения казачества. Это не имеет прямого отношения к нашей проблеме.

Среди вышедших работ чаще всего рассматриваются вопросы дореволюционной истории казачества и относительно немного работ посвящено сугубо хозяйственным аспектам жизни казачьего сообщества, а также самой казачьей общине, имевшей свои специфические черты в системе российского общинного ведения хозяйства. Надо отметить, что публикаций, касающихся периода новой экономической политики на казачьих территориях, совсем немного и они не отличаются широтой и глубиной исследований.

КАЗАЧЬЯ ОБЩИНА И КАЗАЧЬЕ СОСЛОВИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Сама история возникновения казачьих поселений уходит корнями в период становления Российского централизованного государства. Возникшее на окраинах России из бежавших по разным причинам крестьян и служилых людей, казачество долгое время находилось в оппозиции к московскому правительству, особенно в начале XVII века, и активно оказывало сопротивление попыткам ограничить его самостоятельность, установить поместное землевладение на освоенных казаками землях. Особенно остро реагировало казачество на попытки царских властей ограничить приток новых поселенцев на свободные земли путем открытого вмешательства в казачьи дела, проведения розыска и возврата беглых крестьян на казачьих территориях.

Но уже к середине XVII века казачество признает покровительство русского царя, в чем немаловажную роль сыграли экономические мотивы — снабжение войсковых отрядов порохом, свинцом, продовольствием за счет казны, а в XVIII веке оно полностью переходит на службу абсолютистской монархии. Такое положение сохранялось вплоть до 1917 года.

К концу XIX века на территории казачьих войск числилось 6776921 душ населения, из них собственно казаков — 3144747 человек. В состав всего российского населения казаки составляли 2,4%. Перед 1917 годом общая численность казаков уже достигла 4434 тысячи человек. Если рассматривать по войскам в порядке убывания: Донское — 1495 тысяч, Кубанское — 1367 тысяч, Оренбургское — 533 тысячи, Забайкальское — 265 тысяч, Терское — 255 тысяч, Сибирское — 172 тысячи, Уральское — 166 тысяч, Амурское — 49 тысяч, Семиреченское — 45 тысяч, Астраханское — 40 тысяч, Уссурийское — 34 тысячи, Енисейское — 10 тысяч, Якутский казачий полк — 3 тысячи человек.

До начала реформ Александра II на отведенных казакам

землях практически не было лиц неказачьего сословия. Но после отмены крепостного права правительство начинает заселять обширные казачьи черноземы пришлым крестьянским населением, испытывавшем острую нехватку земли на своих коренных территориях. Принятый 29 апреля 1868 года закон разрешал «русским подданным селиться на казачьих землях и приобретать в собственность дома и иные строения на общем основании, не спрашивая согласия войскового начальства, ни станичного общества»¹. Но в собственность передавались только строения, а не земля, которая по-прежнему оставалась в ведении войскового правления. За землю под строения новый владелец ежегодно вносил посаженную (то есть, выраженную в стоимости квадратной сажени) плату.

Невойсковое население селилось непосредственно в казачьих поселках и довольно быстро достигло значительной численности. Иногородние (на Урале их еще называли «разночинцами») в Оренбургском казачьем войске к 1915 году насчитывали 102 тысячи или 37,26%², а по Сибирскому казачьему войску иногородних было в процентном отношении еще больше — 43,74%³.

В само казачье сословие входили не только русские: в Сибирском войске служили казахи (киргизы) и татары, а в Оренбургском казачьем войске в сословие входили казаки восьми национальностей⁴.

Среди других групп населения Российской империи казачество являлось привилегированным сословием. Казаки сохраняли свое самоуправление, выборность должностных лиц, вплоть до окружной администрации. Земля находилась в общественном пользовании. Владение было срочным для общинников и пожизненным для офицеров и чиновников. Казаки были освобождены от рекрутской повинности и подушного налога, бывшего основной выплатой русского крестьянина в государственную казну. Не платили казаки и государственного гербового сбора.

На полученной от государства земле лежали повинности и

главная из них — воинская. Казаки обязаны были выставять от каждого войска требуемое количество обученных воинов, а в случае необходимости, предполагалось поголовное вооружение за свой счет. По приказу Войскового Правления, а оно, в свою очередь, получало распоряжение от царского правительства, казаки направлялись на окраинные рубежи государства для охраны еще не обжитых границ. Также казаки за свой счет содержали органы внутреннего управления, учителей и т. д.

Кроме войсковой повинности на казачье общество возлагались и другие обязательные отработки. Например, квартирная повинность заключалась в распределении по дворам «казенных людей». По Челябинской губернии за 1909 год она исчислялась в сумму 36552 рубля; дорожная (устройство дорог и мостов) по уездам губернии за этот же год составила: по Верхнеуральскому — 20669 рублей, по Троицкому — 10667 рублей, по Челябинскому уезду — 45401 рубль. Подводная повинность (предоставление гужевых средств транспорта) по той же Челябинской губернии в том же 1909 году была оценена в 339687 рублей, караульная (охрана общественных зданий и угодий) — в 2144847 рублей, а полицейская — в 117741 рубль⁵.

С 1891 года в казачьих войсках закреплялись две основные административные единицы: станица и поселок, которые соответствовали волости и сельскому обществу. Станичные и поселковые общества объединялись в округ или отдел казачьего войска. Станичное общество включало в себя всех жителей станицы и прилегающих к ней поселков. Станичное Управление составляли: Станичный Сбор, Станичный Атаман, Станичное Правление и Станичный Суд.

Станичный Сбор состоял из всех домохозяев, принадлежащих к составу станичного общества. Ведению его подлежало право ходатайствовать о предоставлении служилым казакам льгот от службы по различным причинам; проверка очередности службы казаков; расписание казаков на внутреннюю службу; принятие мер, чтобы служилые казаки, не имеющие по нерадению или расточительству строевой лошади, форменного

обмундирования и прочих обязательных для службы атрибутов, заводили таковых⁶.

В Станичный Сбор обязательно входил Станичный Атаман, его помощники, судьи, казначей и выборные казаки-домохозяева. Станичный Сбор решал главные и второстепенные вопросы станичной жизни. Он выдвигал кандидатов на должности атамана, казначея и других выборных лиц, определял размер жалования, осуществлял контроль над деятельностью должностных лиц. Станичный Сбор ведал запасными хлебными магазинами, занимался распределением земель и угодий, распоряжался станичными капиталами. Сбор следил, «чтобы общественная собственность со стороны всякого незаконного притязания оставалась *совершенно неприкосновенной*, чтобы польза была *общая* всегда *предпочитаема частной*, чтобы все обыватели довольствовались выгодами уравнительно и никто не присвоил не принадлежащего ему». На обязанностях Сбора также лежала социальная защита населения «чтобы престарелые, дряхлые и больные, не имеющие крова, обретали пристанище и успокоение, а сироты обеспечивались в своем достоянии...»⁸.

Исполнительная власть возлагалась на Станичного Атамана. В его ведении был контроль за осуществлением решений Сбора и выполнение полицейских функций. Атаманы станиц и поселков замещались по выбору жителей, причем станичного атамана утверждал в должности Наказной Атаман или губернатор. На эти посты выбирали самых уважаемых людей, независимо от воинского звания, ибо должность эта была административной, гражданской, а не военной. Например, в 1917 году более половины станичных атаманов на Дону были рядовыми казаками.

Станичные и поселковые Правления были низшим звеном в системе казачьего управления. В них помимо Станичного Атамана входило по 2 писаря, по военной и по гражданской части, 2 станичных судьи. В функции Станичного Суда вменялся разбор споров и тяжб по имущественным вопросам, а также случаев мелкого хулиганства: «... обиды словами и действием, побои, не имевшие вредных для здоровья обиженного последствий, пьянство и нарушение общественной тишины и спокойствия»⁹.

На хуторах, если они насчитывали менее 60 дворов (назывались они выселками), отдельного управления не создавалось и они входили в подчинение управлению более крупного близлежащего поселка. Так, например, 1-й, 2-й Кочуровские и Усмановские хутора, возникшие на офицерских участках в 70–80-е годы XIX века, считались частью Варненского поселка и избирали в состав его правления и на Поселковый Сбор доверенных лиц по той же норме, что и остальные казаки — жители поселка Варна¹⁰.

Внутриобщинный порядок поддерживался выборными лицами из жителей поселка. К категории выборных относились общественные должности хожалого (рассыльного при поселковом правлении), смотрителей общественных магазинов, полевых и лесных сторожей, табунщика, огневщика (пожарного смотрителя), квартальных.

Особенно большой вес в поселениях имели квартальные, выбираемые из числа наиболее авторитетных домохозяев, преимущественно вахмистров и урядников. По нынешним понятиям, функциональность квартального соответствовала участковому милиционеру. В его обязанности входил контроль за чистотой на улицах и в усадьбах, оповещение жителей подведомственной ему части поселка о времени Станичных и Поселковых Сборов, выносимых на них вопросах, наблюдение за поведением молодежи на улице и в общественных местах, пресечение мелких правонарушений.

Особенностью и предметом гордости казачьей общины являлась экономическая независимость казаков от государства, подразумевавшая, в первую очередь, право самостоятельно распоряжаться имевшимися общинными денежными средствами (станичным капиталом), возможность самим решать вопросы экономической и культурной жизни.

Станичный Сбор имел право отстранить от должности любое выборное лицо и даже ходатайствовать об исключении из войскового сословия. Перечень проблем и вопросов, поднимавшихся на Станичных Сборах, составлялся самими

жителями и для принятия решения достаточно было простого большинства голосов.

Тем не менее, при, казалось бы, внешней демократии, жизнь казачьего общества была подконтрольна Станичному Атаману, на которого были возложены значительные полицейские функции. В статьях 562–568 «Учреждения гражданского управления ОКВ» говорится, что «Станичный Атаман отвечает за сохранение порядка, спокойствия и благочиния в пределах общего станичного юрта и в этом отношении ему подчиняются все проживающие на этой земле обыватели как войскового, так и невойскового сословия... Лиц, не пользующихся особыми по состоянию правами, ведущих нетрезвую, буйную жизнь, не исполняющих законных требований и виновных в производстве беспорядков и других маловажных проступков, Станичный Атаман может подвергнуть в пользу общества денежному взысканию, не свыше трех рублей, и аресту не свыше трех дней. Для лиц, неоднократно подвергавшихся этим наказаниям, денежное взыскание может быть увеличено до пяти рублей, а арест или общественные работы — до пяти дней. Каждый случай наложения взысканий должен быть занесен Станичным Атаманом в особую книгу взысканий»¹¹.

По делам полицейским, Станичный Атаман в пределах своего ведомства, был обязан: объявить по предписаниям местной полицейской власти законы и распоряжения правительства, наблюдать за нераспространением между подведомственными ему лицами подложных указов и вредных для общественного спокойствия слухов; надзирать за общим благоустройством в станице, охранять порядок и безопасность лиц и имуществ от преступных действий, наблюдать за тем, чтобы не было потрав, лесных и полевых пожаров, незаконных порубок леса. Атаману также вменялось в обязанность задерживать бродяг, беглых преступников и военных дезертиров и представлять их начальству. Он же производил предварительное дознание, охранял следы преступления до прибытия следователя. Вне военного времени и учебных сборов атаман выдавал разрешения на отлучку казакам

для частных надобностей на срок до трех месяцев (для служилого состава), а остальным членам служилого общества — до одного года с выдачей увольнительных, а о самовольно отлучившихся доносить начальству¹².

Высшей фигурой в войске являлся Наказной Атаман, совмещавший в некоторых случаях, как, например, в Оренбургском войске, должность губернатора. Наказной Атаман назначался и увольнялся Высочайшим приказом по военному ведомству, он управлял по части гражданской, действуя через Войсковое хозяйственное Правление. На Наказного Атамана возлагалась обязанность ежегодно предоставлять на имя императора отчет о состоянии войска в установленном порядке. Возглавляемое им Войсковое хозяйственное Правление состояло из отделов: Хозяйственного, Поземельно-строительного, Лесного, Межевого и Особого, который контролировал общественное самоуправление станиц.

В состав Правления входили: Советники (управляющие Хозяйственным, Поземельно-строительным и Особым отделениями), Горный инженер, Войсковой Агроном, Войсковой Лесничий, Лесной Ревизор, Начальник Межевого Отделения и его помощник, Старший и Младший Землемеры, Делопроизводители, Архивариус, Войсковой Архитектор и Чиновники Особых поручений.

По сути, Войсковое Правление сосредотачивало в своих руках весь объем власти над войсковыми территориями и казачьим населением. Предметы его ведомства составляли:

1. Непосредственное управление общим войсковым капиталом.
2. Взыскание разного рода недоимок.
3. Заведование всем общевойсковым имуществом, включая войсковые и общественные здания.
4. Надзор за строительством, «чтобы строения в станицах и поселках строили сообразно установленным на то правилам».
5. Надзор за исправностью почтовых станций, дорог и мостов.

6. Надзор за сохранностью войсковых лесов.
7. Надзор за исправностью мер и весов.
8. Покровительство местной торговли и промышленности, местным ремеслам и художествам.
9. Распоряжения об отдаче на откуп войсковых оброчных статей.
10. Забота об «открытии новых источников к приумножению войсковых доходов».
11. Охрана неприкосновенности станичных границ.
12. Наблюдение за правильным распределением станичных земельных угодий.
13. Наделение чиновников пожизненными участками.
14. Разрешения на переселения казаков на высылки.
15. Сбор статистических данных по войсковому сословию.

Анализируя данный перечень занятий Войскового Хозяйственного Правления можно сделать вывод, что и в хозяйственном аспекте казачьи территории представляли собой независимое и самообеспеченное владение с необходимыми для этого управленческими структурами. Одним из основных составляющих элементов этой независимости было право самостоятельно распоряжаться войсковым и станичным капиталами. Войсковые капиталы складывались из оброчных и арендных статей, процентов с вложенных капиталов, компенсаций за уклонение от службы, казенных субсидий, отчислений от станичных обществ и посаженной платы. Например, войсковой капитал Сибирского казачьего войска в 1911 году составил 1035076 рублей¹⁴. Только за аренду под строения, то есть посаженую плату, в том же году было получено 10040 рублей 19 копеек¹⁵. От аренды земли войсковой капитал в 1915 году пополнился на 568815 рублей¹⁶. По Оренбургскому казачьему войску от лиц невойскового сословия в виде платы за аренду и строения было получено 344025 рублей из 69051 руб. всех доходов за 1915 год¹⁷.

Иногородние, то есть крестьянские переселенцы, обосновавшиеся в казачьих поселках и арендовавшие у войск землю, значительно подпитывали за счет своих выплат войсковые

капиталы. Их количество на землях сибирских и оренбургских казаков стало увеличиваться после земельной реформы 1861 года, когда развитие товарных отношений принимает необратимый характер, а развитие сети железных дорог ускорило процесс. Владеть землей становится выгодным, что в немалой степени было вызвано усилившимся потоком крестьян-арендаторов. Только в Оренбургскую губернию в 1904 по 1914 год прибыло 65574 переселенца¹⁸.

Количество земли, которую могли арендовать иногородние, не ограничивалось, были случаи покупки офицерских земель, передаваемых чиновникам в пожизненное пользование: например, в 1891 году Юсуп Муртазин купил два участка земли у офицеров Карягина и Семенова в районе Кизильской станции Оренбургского казачьего войска общей площадью в 550 десятин¹⁹. Немало крестьян, живших на казачьих территориях, имело довольно крупные земельные участки: Саботаж имел 579 десятин. Дубинин — 954 десятины, Шмидгаль — 1075 десятин²⁰. Немцы-колонисты скупили 48 из 136 офицерских участков на Пресногорьковской линии Сибирского казачьего войска²¹. Их хозяйства носили явно выраженный товарный характер. Арендаторы, принешие с собой передовые приемы земледелия и ранее проживавшие в условиях нехватки земли, в силу этого арендовавшие значительные площади, как правило, становились богаче казаков, проживавших рядом с ними²².

Казачье общество отличалось особым порядком совместного отбывания воинской повинности, что одновременно было и привилегией и обязанностью. Срок службы определялся в 20 лет: из них 3 года в подготовительном разряде, 12 лет в строевом и 5 лет в запасном. В конце XIX века срок службы был сокращен до 18 лет, за счет снижения срока подготовительного разряда молодой казак готовил все необходимое для службы, второй и третий годы обучался зимой — военному делу в станицах и один месяц летом — проходил лагерный сбор. Со второго года зачисления в подготовительный разряд казак должен был иметь лошадь, обмундирование и снаряжение. По достижении 21 года

он переходил в строевой разряд. Строевой разряд службы занимал 12 лет: из них 4 года — на действительной службе в первоочередных частях и 8 лет в частях второй и третьей очереди. Затем казак переходил в завершающий период службы — в запасной разряд сроком на 5 лет. Казаки второй и третьей очереди являлись льготными казаками и обязаны были иметь в постоянной готовности обмундирование, вооружение и снаряжение, а казаки второй очереди и строевую лошадь, которую казаки третьей очереди обязаны были приобретать, когда об этом последует распоряжение. Во время нахождения на льготе казаки обязательной службы не несли и проживали по своим станицам, собираясь для строевых занятий и на лагерные сборы от трех до пяти недель: казаки второй очереди — ежегодно, казаки третьей очереди — один раз на третий год своего очередного льготного времени²³.

Служба казаков была нелегкой и ее тяжесть усугублялась тем, что снаряжение казаков производилось за собственный счет. Именно такой порядок отбывания службы со своим конем, обмундированием и амуницией превращал казаков в особую военную касту, привилегированное по отношению к крестьянству сословие. Но расходы, связанные с несением военной службы, ложились тяжелой нагрузкой на бюджет казачьего хозяйства. Если в середине XIX века стоимость нового обмундирования вместе с лошадью не превышала 72 рублей, то уже в начале XX века она достигла 150–200 рублей, а в годы первой мировой войны составляла около 350 рублей. Казак должен в условиях боевых действий иметь: два мундира с шароварами, шинель, китель, башлык, две рубахи, две пары сапог, кивер, фуражку, перчатки, необходимое вооружение, амуничные и запасные вещи — шашка, пика, патронташ, седло и вьюк, треноги, фуражные арканы, попоны, щетки и гребни для чистки лошадей, две запасные подковы. Для перечисленного снаряжения на территории казачьих войск были созданы специальные магазины, контролируемые Войсковым хозяйственным Правлением.

Но, тем не менее, в станицах и поселках, в связи с усиливавшейся под воздействием развития капитализма

социальной дифференциацией, росло количество казаков, материальное положение которых не позволяло им снарядиться за собственный счет. В докладе о результатах командировки по войсковым территориям начальника Главного управления казачьих войск П. О. Щербова-Нефедовича в 1900 году сообщается: «Случается, что и сами казаки-отцы просят Станичный Сбор взять в свое распоряжение пай их сыновей и тем самым снимают с себя заботы и ответственность за исправное снаряжение их на службу». Не способным снарядиться за свой счет станичное общество выдавало ссуду. Оренбургские казаки получали единовременное пособие на покупку коня при выходе на службу в размере 50 рублей, а сибирские — 60 рублей. После 1905 года правительство стало выдавать во всех войсках сторублевое пособие²⁴.

Не все лица казачьего сословия призывались на службу. От воинских повинностей освобождались священники, псаломщики, настоятели и наставники общин старообрядцев (среди оренбургских казаков в 1912 г. старообрядцев насчитывалось 26979, а в сибирском войске — 8934)²⁵. Существовали также льготы по семейным обстоятельствам. Не служили казаки, за выходом которых на службу в семье не оставалось ни одного способного к труду лица; один из членов семьи, подлежащий наряду на действительную службу в один и тот же год; один из членов семьи, если два или более ее членов уже находились на службе нижними чинами. По имущественному положению не служили казаки, принадлежавшие к семьям, у которых вследствие пожара нет жилого помещения (погорельцы), если со времени пожара не прошло двух лет; казаки, принадлежавшие к семьям, у которых сгорел хлеб, необходимый для питания или для посева, если со времени пожара не прошло одного года; казаки, принадлежавшие к семьям, которые пришли в крайнюю бедность по не зависящим от них причинам. Неслужилые казаки выплачивали в войсковой капитал компенсации, которые в стоимостном выражении достигали 38 рублей²⁶.

Некоторым казакам, занимавшимся торговлей и предпринимательством в казачьих областях, были установлены

сокращенные сроки службы, а впоследствии казахи «капиталисты» вообще были освобождены от службы с уплатой ежегодно 100 рублей в войсковой капитал²⁷.

Начало XIX века казачье сословие встретило замкнутой, относительно консолидированной социальной группой общинников-земледельцев. Самоуправление в войсках, при внешней его демократичности, было жестко регламентировано и контролируемо, оно никогда не выходило за рамки существовавшего законодательства Российской империи. Структура управления казачьим обществом была выстроена строго по вертикали, а во главе всех казачьих войск стоял наместник престола. Деятельность Наказных Атаманов была полностью подконтрольна правительству империи, а те, в свою очередь, следили за порядком на войсковых территориях вплоть до самых низовых органов власти казачьей общины.

Весь образ жизни этого полуфеодального, военного по содержанию сословия в XVIII–XIX веках действительно способствовал укреплению военной организации казаков, поддержанию постоянной, и на бытовом уровне тоже, дисциплины, столь необходимой в боевых условиях. Но реалии развивающегося капитализма способствовали разложению казачьего общества изнутри. Потребность в инициативе и самостоятельности при ведении земледельческого хозяйства наталкивалась на уже утратившие динамичность и необходимость ранее сложившиеся производственные отношения внутри общества. Тем более, что кавалерия, как род войск, в условиях военных достижений XX века утрачивала свою надобность, и разговоры о ликвидации казачества и передаче земель, которыми владели казаки, в сферу товарного производства стали звучать все чаще на страницах российской печати.

По своему географическому положению и климатическим условиям территории, на которых проживали компактно сибирские и оренбургские казаки, были благоприятны для занятия земледелием и домашним скотоводством, как и большинство земель, принадлежащих казачьим войскам. Лишь в некоторых

войсках труд земледельца не являлся основным источником доходов казачьей семьи. Например, для уральских казаков основу доходов являл рыбный промысел, а для семи́реченских — скотоводство. В силу указанных причин оформление казачьих поселений в земледельческие общины носило естественный и необходимый характер.

Общинная форма проживания и землепользования была изначально присуща русскому народу. Родившаяся еще в догосударственный период отечественной истории община, в силу географических и климатических условий, военной опасности и малозаселенности территорий сохранялись до XX века. Только совместная обработка земли, коллективный труд при примитивных орудиях труда и невысокой агрокультуре могли отодвигать для тогдашних людей постоянную угрозу голода. Внутриобщинные отношения цепко держали общинников, сопротивляясь расслоению общества путем совершенствования структуры социальной защиты, когда часть совместно произведенного продукта шла на содержание нетрудоспособных, на погашение недоимок отдельных членов общины, а элементы самоуправления создавали иллюзию самостоятельности в решении основных экономических и социальных вопросов.

Сложившееся, в основном, из беглых крестьян казачество, утверждало на освоенных ими землях привычный общинный способ производства. Но казачьи общины, формировавшиеся в период становления и укрепления централизованного государства, заметно отличались от традиционных крестьянских. В первую очередь, это прослеживалось по уровню самоуправления, которое заметно отличалось своей независимостью от внешних воздействий, что было характерно для входивших в систему государственного управления крестьянских сельских общин. К тому же, в начальный период, казачьи общины не были полностью земледельческими — военный характер занятий и доходов их поселенцев являлся преобладающим.

Казачьи, в силу специфики их занятий, жили скученно, большими станицами и довольно крупными поселками. Это было

продиктовано необходимостью обороны от внезапных набегов, ибо многонаселенное укрепление, как правило, содержало значительный воинский отряд, а в дальнейшем, при становлении административных войсковых структур, предоставляло большие возможности станичному руководству в регулировании и контроле повседневной жизни казачьей общины. Такая компактность поселений сохранялась и до советского периода, несмотря на ряд порожденных ею трудностей: дальнотемелье, чересполосица, нехватка удобной земли и т. д.

Первоначально у казаков, не имевших постоянных поселений, преобладало повсеместно скотоводство. Но уже с конца XVI века, наряду со скотоводством, носившем большей частью домашний характер, основой материального благополучия казачества становится земля. В ранний период казаки просто возделывали землю вокруг своих поселений и были первыми пахарями в тех, еще не освоенных, целинных землях. Впоследствии, по мере вхождения в состав Российского государства, земля стала предоставляться казачьим войскам от имени императоров — владельцев земли русской за несение военной службы.

Кроме того, казаки имели право пользоваться озерами и реками на территории своих войск, заниматься охотой и промыслами: извозом, ломкой камня и добычей железной руды, как это делали казаки станицы Магнитной Оренбургского казачьего войска (в дальнейшем ОКВ), добычей золота (на территории Верхнеуральского и Троицкого уездов ОКВ²⁸), сплавом и рубкой леса, заготовкой дров, изготовлением кизяка, пчеловодством, рыболовством и т. п.

Сибирское и Оренбургское казачьи войска образовались не стихийно, как, например, Донское или Уральское, хотя истоки их зарождения некоторые историки находят в конце XVI века²⁹. Период заселения территорий вдоль Урала и Иртыша с их притоками приходится на XVIII век. Строительство форпостов и редутов осуществлялось и финансировалось правительством. Поэтому в общинах оренбургских и сибирских казаков изначально существовала определенная сверху регламентация всей

внутренней жизни, обязательная подчиненность войсковым и низовым выборным органам.

Казачья община не представляла собой раз и навсегда установленный тип отношений — она постоянно трансформировалась в соответствии с реалиями эпохи и к концу XIX-началу XX века существенно отличалась от тех казачьих обществ, которые когда-то возникли на базе военных отрядов. Один из авторитетных исследователей казачества оренбургский ученый Л. И. Футорянский подчеркивает, что «Окраинное положение казачьих областей, относительное изобилие незанятых земель обусловили то, что складывание казачьей общины как формы наделного землепользования произошло, в основном, уже после отмены крепостного права. Развитие капитализма, сочетавшееся с политикой царизма по насаждению офицерского потомственного землевладения, рост населения, приток переселенцев, стремление царизма и казачьих верхов консервировать казачью «муниципализацию» привели в конце XIX века к переходу в большинстве казачьих областей от захватного, или, как его называли «свободного» принципа в распределении земли к общинно-надельной системе землепользования»³⁰.

Некоторые исследователи считают, что процесс формирования общинно-надельной системы землепользования начался раньше, с 1818 года, когда в законодательном порядке был определен минимальный размер душевых наделов³¹.

По нашему убеждению, процесс образования общины и принятие ею специфичных форм происходил на протяжении всего XIX века, а после отмены крепостного права, когда наметилась угроза подрыва общинных устоев, что уже начало проявляться в крестьянской среде, казачья община еще более замкнулась, стараясь принять меры для своего сохранения и упрочнения. Этот момент отразился в положениях и законах, регламентировавших разные типы отношений внутри казачьего общества, как административного, так и экономического плана³².

Органы казачьего управления строго следили за соблюдением принятого в общине распорядка и тем самым

ограничивали самостоятельность отдельных ее членов, сковывали их предпринимательскую активность и поэтому положение рядовых казаков заметно отличалось от живших в рыночных условиях горожан — в общине потребности отдельной личности приносились в жертву коллективу. Казак вынужден был подчиняться внутреннему распорядку общины, тем решениям, которое принимало Станичное Правление, был ограничен в праве на экономическую инициативу и самостоятельность. Суровая военная дисциплина, обстановка чиновничества, сопутствовавшая казаку всю его жизнь — и в период прохождения военной службы и в обыденной жизни — была той силой «внеэкономического принуждения, которая заставила рядового казака исправно нести службу, отрабатывать право на пай»³³.

Многочисленные указы, законы и инструкции, регулировавшие земельные отношения на казачьих территориях, были обобщены в «Законах о поземельном устройстве казачьих станиц»³⁴. В них были сформулированы основные положения, регламентировавшие земельные отношения как внутри казачьей общины, так и ее отношения со всем остальным миром. В статье 713 указывается: «Земли, отведенные станицам, состоят в общинном владении общества каждой станицы. Никакая часть земли и никакое угодье, в черте станичного юрта заключающееся, не могут выходить из владения станичного общества в чью-либо собственность»³⁵. Как прослеживается из данного документа, самодержавие было заинтересовано в сохранении общины, ибо она являлась материальной основой существования казачьего сословия.

Как уже было отмечено, община объединяла казаков фактом совместного пользования угодьями. Основой существования общины являлось коллективное землепользование, не допускающее отчуждения общественной земли. В статье 716 «Законов и поземельном устройстве казачьих войск» подчеркивается: «Земля, отводимая казачьим обществам для наделения оной лиц казачьего сословия, распределяется на участки, равные по достоинству. Такие участки называются паями»³⁶. Земельный пай предоставлялся

каждому казаку-мужчине, достигшему 17 лет. При наделе землей внутри общины наблюдался принцип равенства, так как уравнивалась основа для получения доходов казачьим хозяйством, к тому же распределение земельных участков проходило по жребию.

Распределял земельные наделы Станичный Сбор, но община, как и рядовые казаки, не выступала носителем земельной собственности. Рядовые казаки не могли распоряжаться землей по своему усмотрению — они имели только право пользоваться своим земельным участком на срок передела. Казаки не имели права, и решать вопросы внутреннего землепользования, поскольку не обладали ни правом владения на возделываемую ими землю, ни правом распоряжения. Все решения по земельным вопросам предписывались свыше, ибо хозяином общинных земель являлось Войсковое Правление, а не коллектив земледельцев.

Особо важную роль в хозяйственной жизни играли войсковые запасные земли, наличие которых обеспечивало пополнение общинного земельного фонда, придавало стабильность и устойчивость существовавшей системе казачьего землепользования. Эти земли являлись гарантом будущности и жизнеспособности самого войска.

Территории Сибирского и Оренбургского казачьих войск, в первую очередь степные и частично лесостепные районы, находились в зоне рискованного земледелия. Частые неурожаи, а, следовательно, и голод, были повсеместным явлением, особенно в южных районах ОКВ.

Но отличительной чертой общины всегда была взаимопомощь, коллективное преодоление всегда имевшихся трудностей. С 30-х годов прошлого века в станицах вводятся общественные запашки и создаются запасные хлебные магазины — своеобразный фонд поддержки казачьего населения на случай неурожаев и других непредвиденных обстоятельств.

В положение «Об общественных запашках полей на оренбургской линии и на всех землях, занимаемыми Оренбургским войском» предписывается каждому казаку, независимо от

собственного хлебопашества, ежегодно посеять на общественном поле один пуд озимого и ярового хлеба и полученный урожай внести в общественный запас. Работы должны были проводиться по наряду: рабочий скот и инвентарь назначались ежегодно по очереди, чтобы не создавать серьезных препятствий для собственного земледелия казаков.

Работы на общественном поле носили не добровольный, а обязательный характер. Не имевший возможности явиться на общественную работу нанимал за себя другого, а сам должен был отработывать на следующий год. В документе указывалось: «Для хранения общественного запасного хлеба построить магазины, амбары, клетки и ямы, смотря по местным способам... Для освежения хлеба, назначаемого в запас, по истечении каждого года весь запас обращать на продовольствие войск, а взятый хлеб заменить свежим из новой поставки для войск»³⁷.

Посредством создания системы запасных хлебных магазинов руководства казачьих войск старались ослабить последствия засух, а в целом, результаты практиковавшейся повсеместно на казачьих территориях непродуктивной залежной формы землепользования. Запасные хлебные магазины становятся неотъемлемой частью хозяйственной жизни общины. В «Статистическом обзоре Оренбургской губернии за 1909 год» приводятся данные об общественных хлебозапасных магазинах в казачьих уездах края³⁸:

Уезды	Общее количество магазинов	Поселковых	Общих на несколько поселков
Оренбургский	524	510	13
Орский	193	143	49
Верхнеуральский	60	50	7
Троицкий	29	16	9
Челябинский	420	296	76

По СКВ в 1907 году насчитывалось 246 хлебных магазинов³⁹, но пополнялись они у сибирских казаков не за счет общественных запашек, количество которых по войску неуклонно сокращалась

(в 1907 г. общественные запашки были в 22 поселках, а уже в 1914 г. — в 19 поселках⁴⁰), а за счет подворного обложения.

Из доходов, получаемых от продажи хлеба с общественных запашек, в начале XX века шла выплата жалования должностным лицам, учителям, фельдшерам, оплачивался найм работников на стройки и ремонт общественных зданий, покупались учебники для школ⁴¹. Общественную запашку предписывалось проводить на лучших землях, в свободные и даже праздничные дни⁴². В урожайные годы часть урожая продавалась, а деньги поступали в станичный капитал. Например, в СКВ с урожая 1914 года была получена от продажи хлеба с общественных запашек сумма в 86157 рублей или 7,3% от всех войсковых доходов⁴³.

В то же время, отсутствие прогресса в земледелии (по данным Г. В. Пожидаевой с 1886 по 1915 год урожайность на землях Оренбургского войска не повысилась⁴⁴) постоянные неурожаи — в 1891, 1901, 1905, 1906, 1911, 1915 годах — привели к все увеличивавшейся задолжности общин войсковым хлебным магазинам: 1905 год — 1112776 пудов, 1910 — 2240500 пудов, 1913 год — 2782812 пудов по ОКВ⁴⁵, несмотря на то, что общественные запашки составляли в среднем от 100 до 400 десятин на станицу в ОКВ и около 100 десятин по СКВ⁴⁶.

Казачья община содержала за свой счет духовенство и интеллигенцию и нельзя отрицать, что уровень грамотности в казачьей среде был выше, чем у крестьян. Казачество, основным предназначением которого была военная служба, в процессе своего формирования выработало своеобразный тип поведения и хозяйствования, закреплявшийся обрядами и традициями, характерными только для него. Нелегкая служба на порубежье, частые столкновения с кочевниками и отражение набегов на пограничные поселения, участие в многочисленных военных походах — требовали умения в совершенстве владеть оружием, причем не только традиционным, но и самым современным. Поэтому подготовка к ратному делу в казачьих общинах начиналась задолго до выхода казаков на действительную службу.

Изначально выработке физической силы, ловкости и

воспитанию духа способствовали традиционные уличные игры детворы, в том числе стрельба из луков, метание копей, взятие крепостей и скачки. Но уже с XIX века наблюдается создание специальных школ для подготовки будущих воинов. В 1875 году в ОКВ уже было 318 станичных школ с 13,5 тысячами учащихся⁴⁷. К началу 1917 года на войсковой территории действовало 596 станичных и поселковых школ⁴⁸.

Развитие сети учебных заведений позволило в конечном итоге, создать достаточно эффективную и отвечающую меняющимся требованиям систему подготовки казаков к предстоящей военной службе, обеспечить полки собственным командным составом. Благодаря этому казачество выделялось по грамотности от других слоев сельского населения. «Доказательством правильной постановки дела школьного образования в войске может служить тот факт, — сообщал в своем докладе императору Николаю Второму генерал-лейтенант П. О. Щербов-Нефедович, инспектировавший ОКВ в 1902 году, — что взрослое население, побывавшее в школах, не забывает грамоты: я имел возможность убедиться в этом, вызывая прямо из окружающей нас толпы нескольких казаков или казачек, окончивших курс 10 или 15 лет тому назад, для проверки их грамотности и убедился, что многие из них сохранили хорошо и другие сведения, вынесенные из школьного обучения. Вообще школа приобрела себе доверие среди казачьего населения, которое охотно посылает своих детей учиться, так как в нем все более укореняется сознание необходимости и пользы грамотности»⁴⁹.

Поэтому неслучайно грамотность среди южноуральских и западносибирских казаков была одной из самых высоких среди казачьих войск России: по ОКВ — 64,7%, а по СКВ — 54,35%, тогда как в Астраханском войске она достигала 46%, Донском — 37%, Терском — 22%, а в Кубанском всего 17% грамотных от всего войскового населения⁵⁰.

Что же касается оплаты работников культуры и образования, то она, составляемая в основном из станичных капиталов и из денег, полученных от продажи хлеба с общественных запасек, не

была достаточно высокой. Учитель казачьей школы до революции получал около ста рублей, а помощник учителя — 30 рублей в год⁵¹. Положение учителей станичных и поселковых школ начала XX века характеризует корреспонденция в газете «Степь»: «Один из наших казачьих учителей, имея пять детей, получает 8 рублей в месяц»⁵².

В то же время работали они честно и добросовестно, учили детей тому, что умели сами. «Очевидно, учителя привязывает к школе не оклад, — отмечалось в статье «В защиту станичной школы», — а само дело. Работают же станичные учителя так, как дай Бог поработать многим, получающим тысячные оклады. Они и учителя, и библиотекари, и организаторы народных чтений»⁵³.

С конца XIX века в войсках стали открываться библиотеки-читальни. Учрежденные Войсковыми Правлениями, они должны были получать книги, газеты и журналы централизованным путем и только разрешенные Министерством внутренних дел. Пользоваться ими могли все жители станиц и поселков без различия пола, возраста, звания и состояния. «Читальни-библиотеки помещаются в оборнях станичных и поселковых правлений и открываются ежедневно с 10 утра до 9 часов вечера», подчеркивалось в специально разработанном уставе этих библиотек⁵⁴.

Непосредственное заведование каждой библиотекой-читальней возлагалось на одного из должностных лиц из местной станичной или поселковой администрации, по усмотрению атамана военного отдела. Круг обязанностей библиотекаря определялся специальной инструкцией и сводился к хранению всего имущества библиотеки, составлению и постоянному обновлению систематического каталога, раздаточной тетради и дневника, выдаче книг читателям, подаче заявки атаману на приобретение книг. Здания станичных и поселковых правлений, где располагались библиотеки, были в большинстве своем просторные, светлые и теплые.

Активное участие в создании библиотек-читален принимали офицеры, станичные и поселковые атаманы, местная

интеллигенция. Инициатором создания библиотеки-читальни Обручевского поселка Кизильской станицы стал атаман 2-го отдела ОКВ полковник М. Г. Лобов. Уже в первый год ее деятельности книжный фонд составил 1215 томов, которыми пользовались 192 постоянных читателя⁵⁵. В начале XX века только в станицах и поселках ОКВ работали более 50 библиотек-читален.

Что же касается медицинского обслуживания, требующего специальных знаний и образования (учителями и библиотекарями, в основном, были сами жители поселка, из наиболее грамотных), то оно осуществлялось в специальных заведениях и за счет Войскового Правления. Казаки-общинники, в отличие от крестьян, меньше прибегали к услугам сельских знахарей. Например, с конца прошлого века территория СКВ была поделена на девять участков, в каждом из которых служили старший и младший врачи, фельдшер, повивальная бабка. Стационарное лечение проводилось в двух войсковых лазаретах. Лечение и лекарства в аптеках для казаков были бесплатными⁵⁶.

Внутреннее строение станичного общества было довольно демократичным: наряду с простыми казаками в него входили чиновники, генералы и офицеры. Станичные капиталы, пополнявшиеся за счет аренды угодий и денежных сборов со станичников, принадлежали всем. Круговая порука за исправное отбывание членами общины денежной и воинской повинностей сплачивала общинников. Подобное явление можно проследить и у уральских казаков. Когда война стала носить непостоянный характер, община выработала особый порядок отбывания воинской повинности. Часть казаков, желавшая оставаться дома, за свой кошт нанимала других казаков, чтобы отправить их на службу, то есть в наемку. В основе наемки лежали два положения: воинская повинность возлагается на общину и любой ее член, вызвавшийся по собственному желанию выполнить эту повинность за общину, имел право на вознаграждение со стороны других ее членов. Наряд на службу являлся общим и исполнялся общими усилиями. По числу требуемых людей исчислялась сумма. Она раскладывалась на все общество. Охотники, получив от общества предлагаемую сумму, уходили отбывать повинность⁵⁷.

Община последовательно выполняла функции социальной защиты войскового сословия. Изданный в 1909 году сборник «Правил призрения семейств нижних чинов войскового сословия, находившихся на действительной службе» гласил, что семьям, глава которых или единственный работник находились на службе, разрешалось к паевым наделам дополнительно выделять сенокосные и пахотные участки, а также призывалось оказывать им помощь в проведении сева и уборочных работ.

Казачья община была изначально консервативна и выступала тормозом для естественного эволюционирования казачьего общества, но ее трансформация однозначно привела бы к гибели сословия. Это понимали еще в начале века. Ученый агроном Сибирского казачьего войска Н. Г. Овчинников писал: «С общинным укладом жизни казак выступил на историческую сцену, с ним он прошел свой многовековой путь, с ним и умрет. Раз община разрушится, то и казачество прекратит свое существование...»⁵⁸.

Если обобщить основные признаки и характеристики казачьей общины, то можно определить, что основу ее существования составляли: общественный земельный фонд и большой по отношению к крестьянским наделам земельный пай; имущественное уравнивание внутри общины; особое отбывание воинской повинности, что, в известной мере, цементировало общину; привилегии, право на которые надо было оправдывать сообща; однотипность и консервативность ведения хозяйства, что само по себе мешало выделению наиболее хозяйственных казаков и сковывало их предпринимательскую инициативу; взаимовыручка и определенная степень социальной защиты отдельных станичников со стороны станичного общества; внутриобщинная замкнутость, вызывавшая известную изоляцию казачества от остальных слоев населения; подчиненность решениям войскового правления; экономическая защита войскового населения в виде общественных запасшек, хлебных магазинов и войсковых запасных земель; довольно высокий уровень самоуправления.

Общины сибирских и оренбургских казаков с начала своего возникновения отличались внутренней дисциплиной. Строгая

правовая регламентация внутренней жизни, тесная зависимость от государства преследовали цель — сохранить и упрочить общину, ибо она была основой существования казачьего сословия. Действия царского правительства вполне объяснимы: за свою многовековую историю Россия постоянно воевала и содержание многочисленной армии было естественной необходимостью. В то же время материальные возможности государства были всегда ограничены в силу известной экономической отсталости, и самообеспечивающееся казачье войско было отчасти решением сложной, в том числе и финансовой проблемы.

С другой стороны, имевшие от самодержавия привилегии — большой земельный пай, освобождение от подушной подати и т. п. — казаки исправно несли воинскую службу и являлись опорой правящему режиму.

Те изменения, которые происходили в России под давлением развивавшегося капитализма, неизбежно должны были коснуться и казачьего хозяйства, несмотря на то, что сопротивляемость у казачьей общины, в силу перечисленных выше причин, была сильнее, чем у крестьянской.

С конца XIX века процесс развития рыночных отношений в стране получает новое ускорение, чему в немалой степени служило прокладывание железных дорог через казачьи территории. Это в свою очередь, вызвало расширение арендных отношений на территории казачьих войск. Сдавались, в основном, войсковые земли, но аренда земли первоначально была ограничена законодательством: в «Законах о поземельном устройстве казачьих станиц» указывается, что жители станиц могут пользоваться предоставленными паями не только лично, но и передавать их лицам войскового и невойскового сословия на срок юртового передела, но не далее, чем на 6 лет, причем арендная плата может быть получена владельцам не более, чем за один год вперед⁵⁹.

Но это не было решением земельной проблемы. Арендатор-временщик не был заинтересован в рекультивации земель. Временщиком своего земельного надела был, по сути, и казак-общинник. К началу XX века в результате частых переделов

общинные земли начинают истощаться, казак-общинник рассматривал свой надел как временный источник дохода и, не занимаясь в должной мере его удобрением, пытался получить с него максимальную отдачу. Если участок находился на малоудобных землях, то владелец предпочитал сдавать его в аренду, что также не способствовало восстановлению почв, ибо арендатор еще меньше старался вкладывать силы и средства в поддержание плодородия не принадлежавшей ему земли. В казачьей среде все чаще звучали требования к увеличению срока передела до 20 лет, отдельные казаки сами изъявляли желание выделиться на хутора, хотя таких желающих было немного.

В начале XX века все чаще стали прослеживаться тенденции к закреплению наделов через длительные сроки переделов в постоянное пользование, что не могло не подрывать коллективистского принципа землепользования и социальной справедливости при распределении земли ибо отчуждались, как правило, лучшие земли, которых всегда не хватало. Появляются заимки, земли под которые уже не подлежали общественному переделу.

Еще раньше стали отчуждаться и переходить в частную собственность новым хозяевам общинные земли, переданные офицерам и чиновникам. По «Положению об обеспечении землей генералов, штаб- и обер-офицеров и чиновников Оренбургского казачьего войска» от 1862 года генералы получали 1600 десятин земли, штаб-офицеры — 400 десятин, обер-офицеры — 200 десятин. В дальнейшем, видимо в связи с общим удорожанием жизни, наблюдается увеличение этих участков. По «Положению» 1875 года генералы уже получали 3000 десятин, штаб-офицеры — 800 десятин, а обер-офицеры — 400 десятин. В СКВ генералы получали также по 3000 десятин, но штаб-офицеры — 1000 десятин, обер-офицеры — 600 десятин, и даже младший офицерский чин — подхорунжий — 300 десятин⁶⁰.

Общинные земли сокращались не только за счет отчуждения офицерских и чиновничьих земель: получали земли фактически в постоянное пользование и лица невоинского сословия, ставшие

владельцами усадеб и садов, имевшихся в поселках. «Лица невойскового сословия, имеющие на войсковых или станичных землях сады или рощи или разводящие таковые, владеют ими, как своей собственностью, доколе существуют древесные насаждения»⁶¹.

Проанализировав данные факты, мы увидим, что идет непрекращающийся процесс сокращения площади общинных угодий. Интересы казачьей общины нарушались также тем, что ее земли отводились под плотины и горные разработки. Прослеживается момент подтачивая основания существования и функционирования самой казачьей общины: земля уходит из общинного пользования, при том уходят подчас наилучшие земли; появляются займки, земля под которыми тоже выходит из общинного подчинения, что раньше было недопустимым; по причине дальнотельства образуется все больше хуторов и выселков, разрушающих бывшее единство общины; в отдельных районах, в основном северных, в лесостепной плодородной и незасушливой зоне, наблюдаются тенденции к сокращению земельных паев с 30 до 20 и даже до 12 десятин на казака.

Ранее непривычные арендные отношения и распространяющийся найм рабочей силы разрушали бывшее равенство и социальное единство общины, а численное увеличение казачьего населения приводило к внутривойсковым переселениям, что приводило к разобщению вчерашних родственников и соседей. Были случаи переселения и за пределы войсковой территории: в частности, на Дальний Восток.

Снижался уровень дисциплины. Уже не стало привычной для казачества полной исполнительности уставов общины. Все чаще к нарушителям применяются меры наказания. Если казак не исполнял повинности или не отдавал вовремя долг, то решением Станичного Правления его наделенные земли вопреки его желанию могли быть сданы в аренду. В законе говорилось, что по отношению к отдельным членам станичного общества, неисправно отбывающим воинскую, земские и станичные повинности или являющимися неисправными неплательщиками лежащих на них

долгов в войсковые и общественные суммы, Станичный Сбор имеет право: 1) распоряжаться доходом с принадлежащего сим лицам недвижимого имущества, 2) отдавать их земли в посторонние заработки и распоряжаться выработанными суммами, 3) лишать права распоряжаться паем, 4) продавать недвижимое и движимое их имущество⁶². Но так как наделные земли разрешалось сдавать только членам общины, то за счет своих соседей стали обогащаться наиболее крепкие хозяева, увеличивая тем самым зажиточную прослойку в станицах.

Все больше становилось на казачьих землях переселенцев, разбавлявших казачье население и разрушавших замкнутость общины. Они охотнее селились в пограничных с соседними губерниями поселках, а также вблизи железных дорог, что значительно способствовало увеличению товарности их хозяйств. Не обремененные тяготами военной службы и не стесненные внутриобщинным распорядком, представители невойскового сословия быстрее приспосабливались к рыночным формам ведения хозяйства.

Реалии XX века и наличие на казачьих землях все возрастающего потока переселенцев заставили учитывать интересы невойскового сословия. В марте 1913 года казачий депутат Федор Крюков внес в Государственной Думе предложение о создании в казачьих поселениях самоуправляющихся органов двух разрядов, а именно: «1. Для управления хозяйством и чисто войсковым элементом и 2. Общеземский, куда могут входить по общности интересов и пропорциональной заинтересованности и участия в жизни общины элементы инородческие и иногородние. Правда, вопросы, относящиеся к области войсковых капиталов и имуществ, должны подлежать решению выборных только из казачьей среды»⁶³.

Товарное производство в своем развитии порождало в казачьей среде различные типы рыночных отношений, разрушавших изнутри общину, и особую роль здесь сыграли кооперативные общества: потребительские, кредитные, производственные. Кооперативные общества приобщали казаков

к рынку, разрушая замкнутость натурального хозяйства общины исподволь и без особого ущерба для производителя сельскохозяйственной продукции. Кооперация способствовала дальнейшей дифференциации казаков по имущественному признаку, поддерживала и укрепляла стабильные, зажиточные хозяйства, втягивала их дальше в систему товарно-денежных отношений, стимулировала предпринимательство.

Кроме того, кооперация ослабляла влияние общины на ее членов, поощряла самостоятельность и инициативу; объединяла сельских производителей на совершенно новом уровне, ибо в кооперацию вовлекались, хозяйства имевшие товарный излишек в результате использования сложной, передовой сельхозтехники; введения продуктивных, в том числе технических культур; новых приемов агротехники. Кооперация освобождала казака от принудительного однообразия в ведении хозяйства, а в целом от общинной зависимости.

Аграрная реформа, проводимая П. А. Столыпиным, предполагавшая уничтожение общины административными методами, вылилась, в известной степени, в насилие над крестьянством, которое в большей своей массе не было подготовлено ни психологически, ни в социально-экономическом плане к ее восприятию. Кооперация в своей последовательности и постепенности объективно содействовала разрушению общины и при этом без серьезных потрясений для общества, ибо казак, вступивший в кооперативное общество, не порывал с общиной, но был заинтересован в установлении новых производственных отношений, не связанных с общинными традициями. В дальнейшем общинные рамки неизбежно стали бы сдерживать его предпринимательскую активность и крепкий домохозяин самостоятельно пришел бы к выводу о необходимости перемен.

Российский капитализм, сделавший значительные шаги в промышленности, в начале XX века натолкнулся на сопротивление сельской общины. Но без вовлечения в рыночную структуру села капитализм, особенно в такой стране как Россия, не смог бы динамично развиваться. Поэтому вопрос разрушения сельской

общины, в том числе и казачьей, был вопросом времени.

Не вовлеченные в товарное производство плодородные черноземы, значительный войсковой земельный запас, отсталая система землепользования объективно сдерживали потенциальные возможности местных предпринимателей. К тому же возросшие издержки хозяйства и возросшая стоимость казачьей sprawy, выросший общий уровень потребностей населения требовали значительных денежных сумм на покрытие расходов, и казаки сами стремились к поиску различных путей увеличения доходов.

Под вопросом оказалось и само существование казачества, как военного сословия, составлявшего основу легкой кавалерии российской армии. Изобретение скорострельного стрелкового оружия, появление броне- и авиатехники поставило под вопрос целесообразность применения в открытых боевых действиях конницы, выступавшей все чаще в роли доступной мишени. «Прошло время, когда одни казачьи линии, выдвинутые к рубежу у азиатских окраин нашего Отечества, служили для них сами по себе достойной и надежной защитой. Новшества стратегии и техники военного дела и рост сил наших восточных соседей поставили на очередь заботы об иных, более современных способах защиты наших границ», — писалось в 1913 году в энциклопедии «Азиатская Россия»⁶⁴. То есть, как военная сила против развитых в экономическом, а следовательно, и в военном отношении стран, казачество в начале XX века изжило себя, что проявилось уже в русско-японскую войну. Поэтому царское правительство больше использует казаков для охраны южных и азиатских границ, а также для подавления антимонархических выступлений.

Вполне естественно, что российскому капитализму, в случае его политической победы, казачество, владевшее богатейшими землями, не вовлеченными с полной отдачей в товарный оборот, было в тягость и без всяких сомнений казачья община была бы им разрушена раньше, чем это произошло при Советской власти. Российская буржуазия решительно боролась против мешавших ей развиваться и обогащаться феодальных пережитков, а казачья

земельная община таковым являлась, как в политической, так и в экономической сферах и поэтому система производственных отношений, служившая опорой самодержавному политическому режиму, была обречена.

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ У КАЗАКОВ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Реформы Александра Второго за несколько десятилетий продвинули довольно значительно и без серьезных для общества потрясений Россию в сферу развития товарного производства. В силу специфики и традиций производства национального продукта, в России рынок мог получить динамику своего развития только после преобразований в деревне и дальнейший рост капитализма в стране был напрямую связан с развитием товарных отношений в сельском хозяйстве. В конце XIX—начале XX века в экономике России имели место самые различные уклады, заключенные в общую систему капитализма, и, в первую очередь, это отразилось на деревне: крестьянские хозяйства, несмотря на экономическую слабость и ориентацию на внутреннее потребление, все сильнее втягивались в систему товарно-капиталистического производства¹.

Увеличение валовых сборов, повышение товарности отдельных хозяйств, рост потребления продуктов питания на душу населения и другие позитивные процессы, происходившие в сельском хозяйстве, тем не менее не устраняли имевшиеся противоречия в экономике страны, не снимали остроты аграрного вопроса. В конце первого десятилетия XX века крестьянские хозяйства России начали постепенно изживать трехполье. Наблюдается развитие травосеяния, увеличивались площади под технические культуры, повсеместно происходила замена старого сельхозинвентаря на новый, развивались различные формы кооперации, расширялась агрономическая служба, зарождались новые направления аграрной науки, опиравшиеся прежде всего на кооперацию.

При практиковавшейся традиционно в общинном хозяйстве взаимопомощи, кооперация не явилась чем-то новым и необычным для российского земледельца. Кооперативные отношения не изменяли основ крестьянского хозяйства, они постепенно выделяли

из него некоторые стороны хозяйственной деятельности: сбыт произведенных продуктов, их первичную обработку, приобретение товаров промышленного производства, а также предоставление дешевого кредита, организацию прокатных пунктов и т. д., втягивая при этом сельских производителей в общероссийский и даже мировой рынок.

Вышеперечисленные тенденции были характерны в целом для развития сельского хозяйства страны, но в силу исторических особенностей и своеобразия землепользования они повсюду проявлялись по-разному. Различными были пути проникновения и утверждения капитализма на русском Севере и в сибирской деревне, не знавших помещичьего землевладения, и в черноземных районах Центра и Юга России, где в свое время было сконцентрировано основное количество помещичьих усадеб. Свою специфику имели эти тенденции и в казачьих землях, в частности, на Землях Оренбургского и территориально и климатически близкого к нему Сибирского казачьего войска.

Говоря в целом об уровне развития сельского хозяйства в казачьих районах, следует учитывать специфику собственно казачьего общества, а также исторические, географические и климатические особенности, которые не могли не оказывать влияния на состояние сельского хозяйства на войсковых территориях.

Имевшиеся льготы и привилегии не давали повода идеализировать материальное положение казаков, ибо на хозяйство ложились обязательные расходы в виде выплат в войсковые и губернские сборы, в пожарный капитал и т. п. В начале века повинности в переводе на деньги составляли 50 рублей на одного казака², а на хозяйство, где могло быть 2–3 взрослых мужчины, выходило по 100–150 рублей.

Централизованный характер образования войск, одновременность, а не постепенность заселения, как в стихийно возникших казачьих войсках, породил однотипность ведения хозяйства, несмотря на пестрый национальный состав казачьего населения, которое ранее, до становления казаками, на своих

коренных территориях безусловно практиковало разнообразные, традиционные для данной местности формы земледелия и скотоводства.

Территории казачьих войск были значительны: у ОКВ земельные владения занимали 7448304, 8 десятины³, у СКВ — 4957085 десятин⁴. С 1818 года земельный пай на одну мужскую душу утверждался в размере 30 десятин на достигшего 17 лет казака. Сюда входили и 6 десятин лугов, а при их отсутствии полагалась взамен двойная норма степи под сенокос в размере 12 десятин. По форме пользования эти земли делились на общинные, паевые, запасные (находившиеся в ведении войскового правления), офицерско-чиновничьи. (По СКВ в 1914 году офицерские земли располагались на 517723 десятинах)⁵.

На казачьих территориях сельское хозяйство велось преимущественно по экстенсивной технологии, причем это наблюдалось во всех войсках, традиционно практиковавших земледелие как основной источник дохода. Нововведения, имевшие место до 1917 года вследствие столыпинской аграрной реформы среди крестьян центральных и южных губерний, в казачьей среде приживались медленней. Военская служба, частые сборы и обывание войсковых повинностей отрывали казаков от домашних дел, не давали активно заниматься земледелием и подсобными промыслами, что предопределяло известный консерватизм ведения хозяйства и низкую его товарность.

Имеется множество свидетельств того времени, характеризующих казачью форму землепользования. В энциклопедии «Азиатская Россия» говорится, что «земледелие казаков стоит вообще на невысоком уровне и по технике своей ниже земледелия соседних крестьянских селений»⁶. Автору этого свидетельства И. Безсонову вторит известный впоследствии советский этнограф, член-корреспондент АН СССР, а тогда один из исследователей казачьего быта Д. К. Зеленин, проживший в 1906 году свыше полугода в одной из оренбургских станиц. Д. К. Зеленин пишет: «Главное занятие у оренбургских казаков — земледелие, ведется оно по системе более первобытной и

невыгодной, нежели обычное у наших крестьян трехполье, а именно по системе залежной»⁷.

Залежная система была традиционной формой казачьего землепользования⁸ и долго сохранялась благодаря обилию земли и даже несла определенные выгоды средним по достатку хозяйствам: расходы на новую технику, введение новых посевных культур, покупка удобрений не всем были по возможностям, а особого стеснения в земле не было.

Обычно залежная система землепользования представляла собой такую картину: распаханное поле 2–3 года подряд засевали пшеницей, затем один год держали под паром, потом опять 2–3 года засевали пшеницей. После этого держали 2–3 года поле под овсом и потом залежь на 6–8 лет. Когда на поле начинала произрастать клубника — это был сигнал, что поле отдохнуло⁹. Это надолго выводило плодородные земли из севооборота, но казаков, мало практиковавших товарные формы хозяйства и живших по сути натуральным его ведением, такое положение, в целом, устраивало. Войсковой агроном СКВ Н. Г. Овчинников сожалел, что «... казаки не получают от земли столько, сколько они бы получали при условии правильного ведения хозяйства, ибо технические приемы земледелия у них отстальные»¹⁰.

Земли забрасывались еще и от того, что казаки, будучи довольно-таки консервативными земледельцами, с недоверием относились не только к сложной, а следовательно непонятной в обращении, технике, но и к технике вообще. Казак Севастьянов Василий Алексеевич из поселка Колачевского ОКВ в статье, которая была опубликована в № 1 журнала «Оренбургское казачье хозяйство» за 1909 год, свидетельствовал: «Казачье население всякое нововведение в хозяйстве встречало со страхом и недоверием, с пренебрежением, и на каждое изменение решалось с большим трудом. Так, например: когда у нас появились молотильные машины, то говорили, что хлеб, пропущенный через машину, не всходит и солому скотина не ест, и считалось за великий грех молотить машиной. Кто первый брал железный плуг, того считали ленивым и пашню после такого плуга признавали плохой.

Жатвенные машины покупали с большой трусостью... У нас еще нет соломорежек, рыхлителей, почвоуглубителей, ни луговых борон, ни кочкорезов и многих других усовершенствованных машин и орудий»¹¹.

Политические и экономические потрясения второго десятилетия XX века мало повлияли на сложившиеся десятилетиями стереотипы в земледелии: даже после революции, в 1920 году, по Троицкому округу залежь занимала 34,2%. В Верхнеуральском уезде залежь даже превышала посев, но, видимо, здесь определенное влияние оказали последствия гражданской войны¹². В целом по Оренбургскому казачьему войску в 1915 году под пашней находилось 6% имевшихся земельных площадей¹³.

При возделывании зерновых культур казаки старались сеять традиционно яровые хлеба. Посев озимых, требовавших больших затрат дополнительного труда, не получил своего развития как в дореволюционный период, так и в более поздний. Н. Г. Овчинников, указывая на плохие семена и их высокую засоренность, отмечал, что ко всему казаки мало засевают озимых¹⁴. По Троицкому округу в 1909 году озимые составляли всего 0,1% от всех засеянных площадей, а по Челябинскому даже 0,02%. В 1920 году этот процент был ненамного выше: 0,5% и 1,3% соответственно¹⁶.

Что же касается других занятий, то авторы, описывавшие казачье хозяйство в дореволюционный период, постоянно указывали на неразвитость и нетоварный характер огородничества¹⁷, обращали внимание на «невзрачность» лошадей и малую продуктивность молочного скота. Довольно слабо в казачьих поселках было развито птицеводство.

В отчете о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1915 год сообщается: «Очень слабое развитие бахчеводства объясняется и главным образом уменьшением целинных земель и отчасти отсутствием доброкачественного посевного материала. Из отчетов инструкторов видно, что большая часть садов влечит жалкое существование и только как исключение попадают доходные сады. Развитию садоводства, особенно в южных землях, *препятствует существующая форма общинного*

землевладения и, главным образом, частые переделы земли, условие, при котором немислимо производить на разведение садов большие затраты, которые по существу своему могут окупиться только по прошествию нескольких лет»¹⁹.

Довольно серьезным препятствием для интенсификации сельского хозяйства было дальноеземелье, порожденное большими размерами наделов и компактностью поселений²⁰. Оно имелось в 45% хозяйств: 55,8% поселков в ОКВ с числом от 100 до 500 жителей и 32,6% поселков с населением свыше 500 жителей имели участки, расположенные дальше 20 верст от усадьбы²¹.

Также известные трудности в развитии земледелия происходили от распространенной во всех казачьих территориях чересполосицы. Как подчеркивал Н. Г. Овчинников: «Величайшим злом нынешнего „захватного“ землепользования в казачьих землях является чересполосица»²².

К началу века у казачества, несмотря на его специфичность, прослеживаются те же тенденции, что были характерны для сельского хозяйства всей страны, а именно: активное проникновение товарно-денежных отношений в хозяйственную деятельность самодеятельного населения. Как отмечает оренбургский исследователь Ю. С. Зобов, уже в конце XIX века в казачьих районах Южного Урала появляются хлебные рынки, что свидетельствует о наличии товарных хозяйств в регионе: Через Оренбург, Верхнеуральск, Троицк хлеб поступал в горнозаводские районы края, в другие регионы²³. У сибирских казаков развитию товарных отношений способствовало проложение через их земли Великой Сибирской железной дороги.

Побочные источники доходов, отличные от земледелия, у казаков были развиты слабо. В Приказе № 136 Войскового Наказного Атамана Сибирского казачьего войска в 1913 году отмечалось: «Разные мастерства и ремесла, столь необходимые в хозяйственном обиходе, распространены среди казаков в слабой степени; почти нет среди казаков ни плотников, ни столяров, ни кузнецов, ни шорников...»²⁴.

С целью улучшения положения казаков в области

землепользования Войсковые Правления постоянно проводили межевание и переселения, чтобы земельное обеспечение казаков не опускалось ниже нормы. В основном это происходило в лесостепных районах, где земли постоянно не хватало и она представляла в силу климатических условий большую ценность, чем в степных, которые находились в зоне рискованного земледелия. Шли прирезки земли из запасного фонда. Когда в 1912 году казакам Чесменского поселка ОКВ прирезали 311 десятин новой земли, то на 1301 жителя поселка, состоявших в казачьем сословии, пришлось 22369 десятин земли. В поселке Тарутино этой же станицы после размежевания на 1031 человека пришлось 30786 десятин, из них только под выгоны было отведено 5136 десятин²⁵. А вот на выселки казачество шло неохотно. В основном выселяли на не самые лучшие земли, ибо удобные земли распахивались казаками в первую очередь и постоянно состояли в общинном фонде. К тому же общее стадо и пастбище обходилось рядовым общинникам-владельцам скота дешевле; община всегда определяла начало и окончание работ, подтягивая нерадивых; много земель уходило под дороги и т. д.²⁶

Тем не менее количество выселков росло. Если в 1907 году по СКВ насчитывалось хуторов — 231, а заимок — 134²⁷, то в 1914 году хуторов было 417, а заимок — 285²⁸. В 1915 году хуторов по СКВ — 437, а заимок — 304²⁹. Иногда выделялись зажиточные казаки, чье предпринимательство и инициативу сковывали общинные рамки.

Что же касается развития предпринимательства и кооперации, то необходимо при анализировании учитывать специфику географического положения ОКВ и СКВ — последнее имело лучшие условия, ибо преобладающий климат лесостепной полосы, более плотное заселение территории предприимчивыми и опытными земледельцами — крестьянами-переселенцами, более благоприятные условия для сбыта продукции благодаря проходящей через войсковые территории Транссибирской магистрали стимулировали и втягивали казаков в систему рыночных кооперативных отношений быстрее, чем в

преимущественно степном, малозаселенном и отдаленном от основных железных магистралей южноуральском крае.

Что касается кооперации, то большая часть казачества СКВ и ОКВ была до революции вовлечена в маслодельные артели. Они не требовали дополнительных вложений — казаки сдавали молоко и получали деньги или масло. Масло имело высокий спрос внутри страны и за границей и поэтому артельщики не имели проблем со сбытом произведенного продукта, Союз Сибирских Маслодельных артелей, куда входили казачьи маслодельные артели, в 1911 году насчитывал 250 тысяч членов»³⁰.

В 1910 году на территории 2-го и 3-го военных отделов ОКВ работало 104 маслодельных завода, давших около 200000 пудов масла»³¹. В 1914 году их было уже 139. Только за сданное в эти кооперативы молоко в 1914 г. артельщикам было выплачено 1126462 рубля 71 коп.³² Молочная лавка при поселке Клястицком, используя молоко от 400 коров, приносила в год 2600 рублей дохода³³. Артельное хозяйство экономически было более выгодным, чем кустарное производство масла. В Кособродской станице за лето от 8 коров при помощи сепаратора было произведено масла на сумму 95 рублей, а сдача в артель молока от 7 коров принесла прибыль в 145 рублей³⁴. Для маслозавода рентабельным было наличие не менее 250 коров, поэтому артель охватывала 2–3 поселка и даже 8. Молоко свозили на расстояние до 10 и даже 15 верст³⁵.

В Сибирском казачьем войске, в силу уже названных причин, маслоделие было развито гораздо шире. Общий вывоз сибирского масла за границу давал до 50 млн. рублей прибыли, хотя в силу более низкого качества стоило это масло дешевле, в результате чего артельщики маслозаводов Сибири теряли ежегодно значительные суммы³⁶.

20 августа 1916 года на торгах в Лондоне за 1 пуд масла давали³⁷:

Датское — 18 руб.—18,60 руб.;

Ирландское — 178 руб.—17,84 руб.;

Новозеландское — 17,38 руб.—17,8 руб.

Сибирское — 15,25 руб.—16,77 руб.

Только в Омском казачьем округе в 1914 году 43 маслоартели произвели 7420 бочек масла из которых 3716 было отправлено в Лондон. Окупаемость масла составляла 12 руб. 52 коп. с пуда³⁸.

С конца XIX века практически все земледельческие казачьи войска сдавали свои запасные земли в аренду, что значительно пополняло войсковой капитал. По СКВ: в 1895 году сдавалось в аренду 343 участка, в 1906 — 483 участка³⁹, а в 1911 — 856 участков общей площадью 1301166 десятин, доход с которых составил 253851 руб. 82 коп.⁴⁰ В 1915 году в аренду сдавалось 944 участка общей площадью в 1354863 десятины, принесшие 568815 руб. 19 коп. дохода⁴¹. В этом же году СКВ получило за аренду под строения 10040 руб. 81 коп., а за аренду земли под добычу полезных ископаемых — 2231 руб. 71 коп.⁴².

Надо сказать, что по СКВ общая площадь сдаваемой в аренду войском земли не росла, а сокращалась (в 1893 году в аренду сдавалось 1451699 десятин). Но зато значительно росла плата за сдаваемую землю. Если в 1907 году средняя плата за 1 десятину составляла 8,28 коп.⁴³, то в 1914 году она составляла 37 коп.⁴⁴. В целом, перед войной в аренду сдавалось свыше 80% запасных войсковых земель. В Сибири этот процент был несколько выше, чем на Южном Урале, в силу большего притока, в связи с прокладкой железной дороги, переселенцев на казачьи земли. Иногда брали землю в аренду и сами казаки, имевшие достаточное количество техники, рабочих лошадей и возможности найма рабочей силы. В 1907 году урядник Кизильской станицы ОКВ Семен Резинин арендовал участок войсковой земли в 100 десятин, а в Усть-Уйской станице казак Дмитрий Петров в 1903 году взял в аренду 380 десятин для пастьбы скота и для сенокошения⁴⁵. Распространялся и найм работников. В начале века 7,4% хозяйств в Оренбургской губернии имели наемных работников, а в Троицком уезде — даже 8,5%⁴⁶.

Нельзя сказать, что Войсковые Правления не видели существовавшего низкого уровня казачьих хозяйств и не принимали мер. Даже, если мы проанализируем состав Войскового Правления,

то обнаружим должности Войсковых Агрономов и Лесничих. В 1913 году в ОКВ было 8 агрономов и 5 инструкторов, а в 1916 году уже 13 агрономов и 4 инструктора — по полеводству, садоводству, маслоделию и животноводству⁴⁷. На устройство зерноочистительных прокатных пунктов было выделено в 1915 году 1750 руб., а в 1916 году — 3 тысячи рублей. Всего их было организовано 24⁴⁸. Проводились учительские курсы по распространению агрономических знаний, устраивались немногочисленные опытные участки по сеянию кормовых трав, курсы по разведению садов⁴⁹.

Очень большие усилия прилагали Войсковые Правления, чтобы казаки при обилии земли чаще использовали сложные сельхозорудия, которые могли бы намного повысить продуктивность и товарную отдачу казачьего двора. Через кредитные товарищества закупалось значительное количество техники. С 1910 по 1915 год кредитные товарищества на казачьей территории ОКВ закупили: буккеров — 14, почвоуглубителей — 1, однолемешных плугов — 20, многолемешных — 15, сенокосилок — 826, конных граблей — 786, жней-лобогреек — 486, самосбросок — 22, сноповязалок — 564, молотилок — 25, приводов к ним — 12, сеялок — 93, веялок — 45, куклеотборников — 35⁵⁰. В 1914 году Покровское сельхозобщество организовало прокатный пункт для жителей 9 поселков с оборудованием на сумму 1200 рублей⁵¹.

Приказами губернаторов и атаманов казакам предписывалось: где, что и когда сеять, как содержать скотину, производить лесопосадки в степной полосе. Станичным обществам предлагалось поощрять не только за хорошую службу, но и за образцовое ведение хозяйства — лучшим хозяйствам выдавались премии от 150 до 250 рублей⁵². Правда, премии выплачивались не за достижения в агрокультуре, а за количество засеянных площадей. Администрации даже вменялось в обязанность «принуждать к лучшему хозяйству» казаков⁵³.

Существовавшие в войсках Хозяйственный и Поземельно-строительный отделы, содержавшие при себе Старшего и Младшего Землемеров, отдавали много сил агропросвещению

казаков⁵⁴. Все это лишний раз подтверждает заинтересованность войсковых органов в улучшении хозяйственного положения казаков, в увеличении валового продукта земледелия и животноводства, а соответственно и доходов.

Очевидна и позитивная направленность указов и решений, подготавливаемых агрономами и советниками по сельскому хозяйству при Войсковых Правлениях, но, спускаемые сверху, они не получали поддержки в казачьей среде, так как социальные и экономические предпосылки предполагаемых изменений еще не сформировались к тому времени, и повсеместно господствовавший способ производства в целом устраивал казаков. Высокие цены на мясо и традиционные зерновые культуры (пшеницу, рожь, овес), значительные земельные наделы и отсутствие серьезной конкуренции со стороны крестьянства в условиях развивавшегося рынка придавали некоторую устойчивость казачьим дворам.

Проникновение рыночных отношений и развитие соответствующих структур, появление мелких частных предприятий и кооперативных объединений не могло не отразиться на изменении имущественного положения и отношений внутри общины. Сложившиеся на протяжении десятилетий хозяйственные традиции начинают трансформироваться под внешними влияниями. В казачьей среде это привело к усилению имущественного неравенства и социальной дифференциации населения.

Перед мировой войной повсеместно прослеживается тенденция к увеличению беспосевных и малосеющих групп среди казачьего населения. В советской историографической науке принято выносить в основные показатели социальной дифференциации крестьянства размер посева и количество рабочего скота на одно хозяйство. По ленинской схеме, классифицирующей крестьянские хозяйства по их потенциальным возможностям, беспосевных и сеющих до 5 десятин следует отнести к беднякам, сеющих от 5 до 15 десятин — к середнякам, свыше 16 десятин — к богатым⁵⁵. Исходя из обеспеченности рабочим скотом к бедным, маломощным относились дворы, не имевшие лошадей или имевшие 1–2 лошади. Имевшие 3–4 рабочие

лошади уже относились к середнякам, а имевшие 5 и выше — к зажиточным.

Однако данная классификация не дает полной картины благосостояния казачьего хозяйства, ибо для более ясного представления необходимо также учесть среднюю урожайность, состав семьи, наличие побочных источников дохода.

Говоря о существенных показателях мощности подворья необходимо учитывать расход зерновых для поддержания в течение года необходимого жизненного уровня. По подсчетам М. Д. Машина⁵⁶ можно определить потребности казачьего хозяйства в зерне. Если исходить из того, что средняя казачья семья в начале века состояла из 6 человек (5,98)⁵⁷, а сбор зерна в среднем по СКВ и ОКВ в 1909–1913 годах составлял 37–40 пудов с одной десятины, то для пропитания одной семьи необходим был посев в 3 десятины⁵⁸. Для засева такой площади при норме высева 7,6 пуда на одну десятину требовалось 22,8 пуда семян, еще 0,6 десятины засевалось на прокорм скоту, включая сюда как минимум одну строевую лошадь — при урожайности не менее в 35 пудов с одной десятины для одной лошади требовалось не менее 8 пудов в год⁵⁹.

Но кроме того, на казачьем хозяйстве лежали расходы на приобретение военного снаряжения, на что расходовалось до 250 рублей. Казаку также необходимо было выплачивать внутривойсковые налоги, покупать сельхозинвентарь и товары повседневного спроса. Исходя из стоимости одного пуда пшеницы перед войной в один рубль, казачья семья могла прожить за счет земледелия не менее, чем при 15-десятинном посеве⁶⁰.

Маломощное хозяйство, чтобы обеспечить прожиточный минимум и уплату сборов, при том же среднем составе семьи, но при меньшем количестве скота и меньших расходах, должно было засевать не менее 5 десятин на двор. Это подтверждается контрольными подсчетами из подворных карточек, которые отражают соотношение между размером посева количеством рабочего скота, приходившимся на одно хозяйство⁶¹.

Было выявлено и введено в оборот несколько тысяч карточек

по шести станичным юртам, расположенным в трех основных климатических и географических зонах: лесной, лесостепной и степной.

Поселки Кумлякский, Соколовский и Травниковский были расположены в северной части ОКВ — здесь находились плодородные поля, пастбища и луга, позволявшие при незасушливом, достаточно влажном климате получать весомую отдачу от занятий земледелием и скотоводством. Эти занятия в данной местности были довольно выгодными, приносили стабильный доход. Земля здесь была в цене и земельные споры, особенно в начале XX века, носили довольно острый характер. Именно в лесной зоне к первой мировой войне оформилась тенденция к сокращению размеров казачьих владений на уровне земельных паев до 20, а в некоторых станицах до 12 десятин на душевой пай⁶².

Поселок Михайловский (северс-восток Троицкого уезда) находился в равнинной, степной местности с небольшими, в основном, березовыми лесами. Поселки Чесноковский и Мертвецовский располагались в южной, степной полосе, находящейся в зоне рискованного земледелия и поэтому, несмотря на самые большие наделы, доходы местных казаков были менее стабильны. Постоянные засухи не способствовали повышению урожайности и не случайно именно для этих районов в большей степени была присуща залежная форма земледелия, хотя процент применения сельхозинвентаря здесь был зачастую выше, чем в лесной зоне, что, впрочем, не меняло экстенсивной сути хозяйств.

При подробном анализе обследованных поселков, расположенных в различных природных и экономических районах войска, обнаруживается, что 58,4% хозяйств имели от 34,5 до 53,3 десятин на двор, а 41,6% — от 68 до 150 десятин на двор. Если сравнить обеспеченность землей казаков и проживавших рядом крестьян, то разница будет довольно значительной. Но сами по себе большие размеры надельной земли неадекватны понятию «благополучие». В Мертвецовской станице казаки имели самый большой земельный надел — 42 десятины на душу (в основном

неудобные земли), но и здесь же была наиболее глубокая социальная дифференциация населения.

Многие казаки перед войной полностью порвали с земледелием и считались выбывшими из станицы. Данная тенденция была характерна и для других казачьих войск. Например, в Донском войске из 230 тысяч казачьих хозяйств примерно 33 тысячи (15%) земледелием не занимались⁶³. Из 193 «отсутствующих», выявленных по данным подворных карточек, 84 приходились на Мертвецовский и Чесноковский поселки. Из 42 «отсутствующих» 30 дворов содержали свои наделы в запустении, 8 дворов имели по 2 пая или по 84 десятины и целиком сдавали их в аренду. Растущая потребность в денежных средствах ставила перед Войсковыми Правлениями вопрос о сдаче в аренду запасных земель. Запасные войсковые земли сдавали в аренду частным лицам: полевые земли сдавали в аренду на срок до 12 лет участки под сады, огороды и рудники — свыше 24 лет. Под заводы, фабрики и паровые мельницы — до 99 лет⁶⁴.

В тех казачьих землях, где не было «отсутствующих», также наблюдается заметное различие между размером земельного пая и уровнем хозяйственной самостоятельности. Казаки Вытишкин и Арбузов засевали по 2–2,4 десятины, не имели рабочего скота и инвентаря. В то же время, живший в одном с ними поселке казак Петрищев имел 42,5 десятин посева, 3 рабочие лошади, 26 волов, 7 коров, 14 телят, 2 свиньи, 30 овец и 5 единиц сельхозтехники.

Анализ этих данных подтверждает тезис о том, что благосостояние казачьих дворов не находилось в прямой зависимости от количества надельной земли, ибо лишенный рабочего скота и инвентаря казак предпочитал сдавать свой надел в аренду (в некоторых случаях его заставляло это сделать Станичное Правление) или бросал земли, подыскивая себе другие источники существования⁶⁵.

Если исходить из величины посева, приходившейся на одно хозяйство, то видно, что несеющих вместе с «отсутствующими» и сеющих до 5 десятин было 33,4% от всех хозяйств, 43,8% дворов засевали от 5 до 15 десятин, а 22,8% засевали свыше 16 десятин⁶⁶.

Примерно такое же соотношение казачьих хозяйств приводит Л. И. Фурторянский: по его подсчетам перед первой мировой войной было 29% маломощных, 46% середняцких и 25% зажиточных, что еще раз подтверждает тенденцию⁶⁷.

Зажиточные хозяйства, а их процент в казачьих районах был выше, чем среди крестьянского населения, играли значительную роль в экономике края и являлись основными товаропроизводителями. В их руках было сосредоточено 46% всех лошадей и 56,3% всех засеваемых площадей. Они имели в среднем 27,3 десятины посева и 5,5 рабочих лошадей на одно хозяйство⁶⁸. Среди зажиточных дворов выделялись и очень крупные, имевшие свыше 30 десятин посева и более 10 голов рабочего скота. Эти крупные хозяйства не превышали 5–8% от общего количества казачьих дворов, но они имели 15% всей засеянной площади, арендовали 26% от всей сдаваемой в аренду земли, в их руках находилось 41,3% всех плугов, 23,7% жнеек, 42,1% косилок, являвшихся довольно сложным и дорогостоящим сельхозинвентарем⁶⁹.

Беспосевные и малосеющие хозяйства имели невысокую доходность и вынуждены были часть дефицита своих денежных средств покрывать за счет сдачи земли в аренду, от продажи продуктов животноводства, а также продажи своей рабочей силы. На двор у казака этой группы приходилось 6,9 голов мелкого и крупного скота, что было в несколько раз меньше, чем в зажиточном хозяйстве, и 2,9 десятины посева⁷⁰. Для казаков этой группы проводы на службу были прямым разорением. В газете «Голос Приуралья» от 31 сентября 1907 года писалось: «Никогда почти не упоминается о положении казаков, которое местами хуже крестьянского. Каждый с 15-летнего возраста должен платить в войсковой капитал на обмундирование — первый год 15 рублей. Иногда случается, что за эти 15 рублей, живя в работниках у богатого казака, он работает круглый год. На второй год он уже должен уплатить 30 рублей. Всего же он должен уплатить в капитал 85 рублей, да, кроме того, ему нужно приобрести строевую лошадь, цена которой не меньше 75 рублей. Таким образом бедный казак

с 15 лет уже закабаляется в работники и до поступления на службу этот бедный труженик находится в рабской власти богатого казака и власти атаманов». Цена же sprawy в 1916 году составляла около 350 рублей — этой суммой оценивался средний казачий двор⁷¹.

Группа среднесеющих дворов включала в себя крепкие хозяйства, имевшие 37,6% всех посевных площадей (по СКВ середняки засевали 53% от всей площади)⁷². У них было 42,8 % рабочих лошадей, 43% общего количества скота. Будучи самой многочисленной в процентном отношении, эта группа хозяйств при дальнейшем расслоении пополняла как бедняцкую, так и зажиточную прослойку.

Из приведенных доказательств видно, как под воздействием рынка шел процесс имущественного и социального расслоения в станицах и поселках. Увеличение численности иногороднего населения — в станицах ОКВ проживало 14%, а в СКВ — 11% иногородних⁷³ —, которое традиционно арендовало у казаков землю, привело к тому, что будучи в неравных с казаками условиях, но не связанные общинными регламентациями, крестьяне проявляли большую предприимчивость не только в обработке земли, но и в развитии кустарных промыслов и в создании разного типа предприятий, значительно пополнявших их бюджет. Большая часть мыловаренных, кожевенных, свечных, кирпичных, пивоваренных и других заводов принадлежала лицам невойскового сословия⁷⁴.

В целом же можно констатировать, что общий уровень мощности казачьего хозяйства, его потенциальные возможности до революции были выше крестьянского: казаки лучше одевались и питались, имели больше не только земли, но и скота, сельхозинвентаря.

Л. А. Селивановская приводит сравнительную таблицу по обеспеченности рабочим скотом, как одним из главных показателей мощности хозяйств казачьих и крестьянских дворов в конце XIX века⁷⁵:

Количество рабочих лошадей	Оренбургская губерния	Нижегородская губерния	Орловская губерния	Воронежская губерния
без лошадей 1 лошадь	39,5%	68%	56,4%	65%
2-4 лошади	35,7%	29,8%	36,4%	3,2%
свыше 5 лошадей	24,8%	2,3%	7,2%	3,2%

Из приведенной таблицы видно, что обеспеченность рабочими лошадьми у казаков была заметно выше, а число хозяйств, имевших свыше 5 лошадей (зажиточных) в несколько раз превышало крестьянское в сравниваемых губерниях. Довольно стабильный уровень жизни казачьего населения поддерживался в основном за счет налоговых льгот и земельных наделов, вызывавших зависть у крестьянства. Продуктивность же засеянной десятины у казаков была ниже, иногда вдвое, что не могло не вызывать беспокойства у имперского правительства и войсковой администрации.

Но все же, даже маломощные казачьи хозяйства значительно отличались от бедняцких крестьянских, к тому же число подобных дворов было меньше, чем среди крестьянского населения, где они достигали до 65–69% от общего количества. Данный вывод подтверждает профессор Л. И. Футорянский, который пишет, что «средняк представлял более распространенную фигуру в станицах, чем в деревне. Более значительный вес середняка свидетельствовал о том что процесс разложения казачества шел медленнее»⁷⁶.

Проникновение любого рода нововведений и изменений должны были трансформировать не только хозяйственные, но и жизненные устои казачьего общества, и главным тормозом на пути производительных сил являлась казачья община с присущей ей системой производственных отношений.

Не подлежит сомнению вывод о том, что в эпоху развития капитализма казачество переживало те же процессы, которые происходили в крестьянском секторе России. Однако естественное

расслоение казачьих хозяйств шло более медленными темпами, чем в крестьянской среде. Практиковавшаяся казаками переложная система землепользования, в результате которой значительная часть земли временно выпадала из севооборота, замедляла товарное производство хлеба на казачьих территориях. Бесправное по существу положение казаков, принявшее устойчивую тенденцию дальнейшего имущественного расслоения, возрастающая за счет постоянного переселения крестьян из центральных районов численность иногороднего населения осложняли социальную обстановку на войсковых территориях. К тому же само существование казачьих войск, их поддержка со стороны царского правительства, не устраивало российскую буржуазию, стремившуюся со своей стороны скорее преодолеть феодальные пережитки в сельском хозяйстве и отсталость всех остальных звеньев народного хозяйства, которые сдерживали темпы развития рыночной экономики и препятствовали накоплению первоначального капитала на местах.

Глава 4

КАЗАЧЬИ ТЕРРИТОРИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

Перед первой мировой войной хозяйства Российской империи достигли своих наивысших показателей по сравнению с предыдущими периодами своего развития на рельсах капиталистических преобразований. Столыпинские аграрные реформы придали мощный импульс процессу деформации общинного способа производства и, в то же время, укрепили промышленное производство, в целом повысили средний уровень благосостояния российского народа. Средний процент выделившихся из общины крестьянских дворов по стране превышал 22%. Стал претерпевать изменения и менталитет общинника-земледельца. Усилилась социальная дифференциация внутри когда-то еднного сельского общества. Начавшаяся первая мировая война значительно ускорила процесс разложения общины.

Изъятие из хозяйства в связи с войной значительного количества взрослых мужчин (во всех Оренбургских строевых частях находилось 26,8 тыс.¹, а в Сибирских казачьих частях 11,5 тысяч человек²) предопределило некоторое снижение производительности труда и товарной отдачи казачьего хозяйства, ибо нелегкий, в основном ручной, труд земледельца перекладывался на плечи подростков и женщин. Заметно отразились на семейных бюджетах сами проводы на войну — несмотря на разовое денежное пособие, при возросшей дороговизне снаряжение становилось непосильным для хозяйств среднего достатка, а ведь из семьи иногда уходило на войну и двое мужчин. Сборы на службу существенно подорвали экономический потенциал многих дворов.

На территории Оренбургского казачьего войска в связи с мобилизацией иногородних, основных арендаторов запасных казачьих земель, сократилось количество засеваемых площадей, что, в свою очередь, сократило доходы в военную казну от

арендной платы. Если в 1914 году было арендовано 114343 десятин военных земель, то в 1915 году только 76116 десятин³. В СКВ существенного снижения аренды не произошло, так как Сибирь получила от военного ведомства значительные заказы на поставку продовольствия в действующую армию, что произошло в немалой степени благодаря пролегающей через хлеботорные районы железной дороги. К тому же, в Западной Сибири переселенцев было значительно больше, чем на Южном Урале, и в арендаторах недостатка не было.

Война сократила покупательную способность основных слоев населения. В силу этого и ранее незначительные побочные доходы казачьего двора сократились, ибо отлучки из поселков на заработки допускались не более, чем на три месяца и только с разрешения атамана этот срок можно было увеличить до года⁴. Но такое разрешение мог получить казак, не имевший общинных и войсковых долгов и нашедший замену для несения своих повинностей. Таких домохозяев было немного. За годы войны многие хозяйства снизили свою продуктивность, пришли в упадок. Сибирский исследователь Л. М. Горюшкин, анализируя тенденции в казачьем хозяйстве в период войны, отмечая, что валовое производство сельхозпродукции даже выросло (военные заказы), в то же время подчеркивал, что «в малосостоятельных хозяйствах казаков с посевом до 3-х десятин в годы войны уменьшилось количество рабочих лошадей и коров, сократилась аренда, снизились показатели по всем уровням. Излишков хлеба во многих хозяйствах не было и казаки для покрытия дефицита вынуждены были прибегать к отходничеству, сдавать себя в наем»⁵. Общий процент бедняков стал расти за счет середняков — зажиточные хозяйства, в целом, сохраняли свои мощности. М. М. Горюшкин к 1917 году определяет количество бедняков в 47–48%, середняков — 33–34%, а зажиточных 19–20%⁶. За годы войны в два раза выросло безземельное казачество и составило по данным Л. П. Ермолина 6,5%⁷. В 1917 году в Тобольской губернии переселенцы имели в среднем 16,5 голов различного скота на одно хозяйство, а у казаков было 5,7. Без скота у переселенцев было 4,6% хозяйств, а у казаков — 14,3%⁸.

Усиливалась внутриобщинная дифференциация. Сокращение работников в хозяйствах, в первую очередь молодых мужчин до 30 лет, являвшихся в основном домохозяевами, привело к сокращению посевов в казачьих хозяйствах, а также повлекло за собой сокращение голов рабочего и молочного скота.

Автором выявлены и обработаны личные карточки-анкеты членов сельсоветов казачьих станиц Верхнеуральского и Троицкого уездов бывшего ОКВ, где имеются данные об имущественном положении анкетированных в 1914, 1917 и в 1926 годах. Наше внимание привлекли главные показатели мощности и благосостояния хозяйства — по посеву, количеству голов рабочих лошадей и коров.

В полосу исследования попали следующие сельсоветы: Алексеевский⁹, Арсинский¹⁰, Богодакский¹¹, Боборыкский¹², Веринский¹³, Верхнеуральский¹⁴, Владимирский¹⁵, Кассельский¹⁶, Кацбахский¹⁷, Карагайский¹⁸, Красинский¹⁹, Кирсинский²⁰, Ново-Воронежский²¹, Ново-Озерский²², Ново-Замотохинский²³, Остроленковский²⁴, Спасский²⁵, Урлядинский²⁶.

Сравнительные данные за 1914 и 1917 годы дают возможность на основе анализа анкетных листов выявить следующую картину снижения урожая среднего благосостояния казачьих станиц: за годы войны только 11,8% всех обследованных хозяйств увеличили посевы, тогда как 43,8% хозяйств сократили посевную площадь. У остальных (44,4%) изменений не произошло — посевы 1917 года соответствовали посевам 1914 года.

Если на основе произведенных цифровых подсчетов (всего обработано около 500 карточек-анкет) проклассифицировать мощности казачьих хозяйств по размерам посева и обеспеченности рабочими лошадьми, то получим следующее:

Площадь посева	1914 год	1917 год
до 2-х десятин	16,6%	25,7%
до 4-х десятин	33,3%	39,5%
свыше 4-х десятин	66,7%	60,75%
свыше 10 десятин	39,6%	29,5%

Отмечая общее сокращение площадей посева, мы наблюдаем существенное увеличение количества маломощных хозяйств и тех, кто засеивал от 2-х до 4-х десятин земли: с 16,6% до 25,7% и с 33,3% до 39,5% соответственно. В меньшей степени снизилось количество крепких хозяйств, засевавших от 4 до 10 десятин, и довольно серьезное снижение произошло в среде богатых хозяйств (на 10%), имевших свыше 10 десятин посева.

Изменились показатели обеспеченности рабочими лошадьми в хозяйствах:

Количество рабочих лошадей и хозяйств	1914 год	1917 год
безлошадные и с одной лошадью	16,9%	20,7%
2 лошади	19,2%	18%
свыше 3-х лошадей	63,9%	61,25%

Обращая внимание на главный показатель потенциальной работоспособности казачьего двора — количество рабочих лошадей в хозяйстве — можно проследить подтверждение тенденции к ослаблению хозяйств: за период с 1914 по 1917 годы увеличили количество рабочих лошадей 15,1% хозяйств, а сокращение мы обнаруживаем у 33% казачьих дворов.

Вполне объясним тот факт, что сокращение поголовья рабочих лошадей шло медленнее, чем посевных площадей — семьи ждали возвращения работников с войны, и сохранение рабочего скота было гарантией дальнейшего, послевоенного расширения посевных площадей и, следовательно, улучшения материального положения в семье казака.

По таблице мы видим, что количество хозяйств, имевших 2-х лошадей, снизилось ненамного — с 19,2% до 18%. Это была группа небогатых дворов, не имевших излишнего скота сверх своих потенциальных возможностей и сокращать им, по сути, было нечего.

Что же касается зажиточных хозяйств, владевших 3-мя и более лошадьми, то они почти сохранили свой уровень, что прослеживается из подсчетов — их количество сократилось всего на 2,65%. Зато количество дворов, не имевших лошадей или имевших только одну лошадь, увеличилось на 4%. Средняя обеспеченность рабочими лошадьми на один двор среди обследованных в 1914 году составила 4,1, а в 1917 году — 3,9.

Заметно сократилось поголовье молочного скота, в немалой степени определявшего благосостояние казачьей семьи. Увеличение числа коров за годы первой мировой войны наблюдается у 12,4% хозяйств, а сократили их количество 24,3% — в 2 раза больше.

Тенденции к общему снижению производства и ослаблению потенциальных мощностей подтверждается и на примерах отдельных хозяйств. Казак Тюрин Трофим Михайлович (поселок Кацбахский, Варшавский станичный юрт) засеивал в 1914 году 8 десятин и имел 5 лошадей в хозяйстве. В 1917 году он же имел посев в 3 десятины и держал в хозяйстве 3 лошадей²⁷. В хозяйстве богатого казака поселка Верхнекизильского станицы Магнитной Емельянова Ивана Митрофановича в 1914 году засеивали 80 десятин при наличии 30 лошадей. В 1917 году посев сократился до 40 десятин, а лошадей в хозяйстве находилось всего 10²⁸.

Такое положение характерно было для всех войсковых территорий даже несмотря на то, что войсковые органы выделяли для поддержки малоимущих хозяйств небольшие денежные пособия: по ОКВ до конца 1915 года их получили 7522 казачьи семьи — около 6% всех семей²⁹.

Станичные Правления старались помочь семьям фронтовиков в обработке пашни, в уборке урожая, выделяли семенной материал, оказывали помощь в заготовке кормов. Но

войсковые капиталы заметно уменьшались в годы войны и в силу этого сократилась возможность поддерживать те казачьи семьи, на которых тяготы военного времени отразились сильнее.

Уже Временное Правительство начало предпринимать попытки к улучшению землеобеспечения рядовых казаков. В октябре 1917 года было изъято у офицеров и чиновников свыше 100000 десятин излишне замежеванных земель⁴¹. Изымались «незаконно запроектированные излишки земли». Процесс перераспределения офицерских земель наглядно прослеживается по следующим числовым показателям: если в 1900 году из 52,3 млн. десятин казачьих земель в СКВ 73% относилось к станичным, 5,7% — офицерско-чиновничьи и 21,3% всех земель были отведены в войсковой запас. В 1917 году станичных земель было уже 93,7%, войсковых — 8,3%, а офицерам и чиновникам принадлежало всего 0,1% земель⁴².

Переход в руки казаков дополнительного количества как правило удобных земель привел к тому, что в казачьих районах увеличились закупки сложной техники. В заявке 1917 года по ОКВ значилось: сенокосилок 578, конных граблей 576, плугов 1133, буккеров 189, борон 157, сеялок рядовых 120, разбросанных 120, триеров 124, веялок 293, молотилок конных 57, фургонов парных 123⁴³. Причем эти поставки проходили только по линии кредитных товариществ.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что война заметно повлияла на состояние казачьего хозяйства в сторону его ослабления, но не затронула самих основ существования общины — произошедшие изменения отразили в основном количественное сокращение производимой продукции. Сокращение посевов и поголовья рабочего и молочного скота в отдельных хозяйствах не привело к голоду или заметному обнищанию и разорению казачьих дворов. Некоторые хозяйства даже сумели увеличить посев и количество скота, что еще раз говорит о дальнейшей углубляющейся дифференциации в казачьей среде.

Февральская революция 1917 года в первую очередь изменила структуру административного управления казачьих войск.

Вместо прежних централизованных органов были сформированы новые, более демократичные, чем был нанесен удар по сложившемуся на протяжении многих поколений общинному распорядку. Высшим законодательным и распорядительным органом становится Войсковой Круг, избираемый на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. В статье 3-й нового варианта «Положения о войсковом самоуправлении» отмечалось: «Войсковой Круг и Войсковое Правительство в ряду общегосударственных органов самоуправления соответствуют в области местной земско-хозяйственной жизни губернским земским учреждениям, окружные съезды и окружные правления — органам волостного земства»³⁰. Высшим исполнительным органом провозглашалась Войсковая Управа, председателем которой являлся Войсковой Атаман³¹. Упразднились и прежние Станичные Сборы — вместо них образовывались Сходы, в которых принимали участие казаки, достигшие 18-летнего возраста. В работе Схода принимали участие и иногородние, если разбирались касающиеся их вопросы. Впервые в истории казачества женщины получили равные с мужчинами права, что наносило ощутимый удар по сложившемуся традиционному казачьему менталитету³².

Во время гражданской войны еще сильнее стала ощущаться нехватка рабочих рук в хозяйствах в связи с формированием белых и красных отрядов, насильственными мобилизациями как с одной, так и с другой стороны, а пожары, разрушения и боевые действия привели к еще большему упадку казачьих дворов. В стране почти полностью прекратилось производство сельхозинвентаря и удобрений, импорт сельскохозяйственных машин был прекращен полностью, особенно если учесть, что 1/3 всех привозных орудий поступала из Германии и Австро-Венгрии³³. Постоянные реквизиции лошадей, проводившиеся обеими воюющими сторонами, сильно подорвали конское поголовье. Не обрабатывалась значительная часть пахотных земель, а проходившие в отдельных местах земельные переделы носили самовольный и неупорядоченный характер. Потери в земледельческом инвентаре на Урале составили к 1920 году не

менее 50% всей наличности 1916 года³⁴. В Оренбургской губернии площадь посева 1920 года составила 83,3% от 1916 года³⁵, а количество лошадей на одно хозяйство в 1920 году было 1,07 против 2,6 в 1917 году³⁶. В 1917 году в Троицком уезде в 29% хозяйств не было даже однолемешных плугов, а многолемешные были только в 7% хозяйств³⁷. В Омском округе СКВ посев 1920 года составил 852117 десятин против 942057 году³⁸. Там же количество лошадей в 1920 году было 343185 против 396974 в 1917 году или 85,9%. Количество коров составило в 1920 году 90,1% от 1917 года³⁹.

Война серьезно затронула территории обеих войск, но тем не менее, даже ее тяготы не отвлекали земледельца от своего основного занятия. Новые структуры власти на постоянно переходивших из рук в руки территориях еще не имели авторитета, опыта и серьезной поддержки со стороны казачьего населения и основной их задачей была борьба за элементарное выживание, а также проведения комплекса мер, направленных на укрепление РККА.

Надо отдать должное, что старые органы войскового управления на контролируемых ими территориях проявляли заботу о будущем урожае, а, следовательно об источнике существования жителей станиц и поселков. Так, на заседании земельной комиссии 3-го очередного Войскового Круга области войска Оренбургского от 17 марта 1919 года было принято Постановление:

1. Об отпуске из армии на полевые работы текущего года казаков старшего возраста.

В силу мобилизации казаков до 55-летнего возраста, в предстоящем полевом периоде должен сказаться в войске недостаток рабочих рук, отчего, несомненно, должно произойти сокращение посевной площади на войсковой территории, а потому земельная комиссия находит необходимым возбудить ходатайство перед Верховным Главнокомандующим об отпуске к началу полевых работ в текущем году из числа мобилизованных казаков Оренбургского войска старшие возраста, начиная с 40 лет, а если представится по военным обстоятельствам возможность, то и более младшие возраста.

2. Об обеспечении казаков семенами для посева в 1919 году.

Предложить окружным правлениям немедленно принять всевозможные меры к приобретению семенного хлеба для казачьего населения в достаточном количестве, с привлечением местных кооперативных организаций.

3. Об организации рабочих сил в станицах для обработки полей и уборки урожая в 1919 году.

Во избежание гибельных последствий, могущих произойти для местного казачьего населения от сокращения посевной площади хлебов в текущем году, а также вследствие уничтожения большевиками хлебных запасов в занятых ими станицах, необходимо заботиться об увеличении урожайности хлебов в остальной части войсковой территории. Одной из действительных мер для этого может явиться образование в станицах дружеских артелей для взаимопомощи рабочей силой, живым и мелким инвентарем при обработке полей и уборке урожая.

4. Об оказании помощи семьям мобилизованных казаков, оставшихся без работников и не имеющих средств произвести посевы в 1919 году за свой счет.

Обязать поселковые общества: 1) немедленно взять на учет семьи мобилизованных казаков, которые остались без работников и по недостатку средств не могут обработать в текущем году своих полей; 2) произвести посевы и уборку хлебов силами и средствами местного общества соответственно семейному положению от 1 до 3-х десятин казенной меры на семью на приготовленной в наделах земли и по указанию земельной комиссии на свободной общественной земле, по возможности вблизи селений и лучшего качества.

5. Об учете урожая прошлых лет.

Вменить Окружным Правлениям в обязанность взять на учет весь наличный запас как обмолоченного, так и необмолоченного хлеба урожая прошлых годов, разрешая вывоз хлеба в сторону только излишков.

6. О приобретении земледельческих машин и орудий.

Предложить Войсковому Правлению озаботиться

приобретением для предстоящего полевых периода сельскохозяйственных машин и орудий, запасных частей к ним и вязального шпагата⁴⁰.

Гражданская война усугубила положение в хозяйствах — возвратившиеся с фронтов и из плена казаки были втянуты в новую, еще более кровавую бойню и лишь окончание ее в 1919 году на территории ОКВ и СКВ внесло некоторое успокоение в станицы и дало возможность приступить к мирному труду. В 1920 году было проведено первое организованное советскими властями землеустройство.

Первые декреты Советской власти были встречены казаками настороженно, ибо они затрагивали довольно серьезно интересы казачьего сословия и основы казачьей общины. Во-первых: «Декрет о земле» провозгласил перераспределение всей земли на уравнилельно-трудовых началах; во-вторых: ликвидация казачьих войск, как специфического подразделения внутри Российской империи, привела к разрушению всех структур войсковых управлений; в-третьих: отныне было уничтожено характерное для полуфеодальных и феодальных обществ деление на сословия, что ликвидировало особое положение казачества среди остального населения как в военно-политическом плане, так и в сфере экономических отношений, а декретом от 25 марта 1920 года на казачьей территории распространились все действовавшие в Советской России общие правила о землеустройстве и землепользовании.

В одном из первых декретов, касавшихся управления казачьими областями, указывалось, что «земли, находящиеся во владении казачьих войск, по основному закону о социализации земли должны оставаться в пользовании трудящихся, оседло проживающих на войсковых территориях, занимающихся сельским хозяйством лиц и общин по нормам и в порядке, указанном в законе... Впредь до окончательного землеустройства, войсковые запасные земли и бывшие частновладельческие, офицерские, церковные и прочие участки поступают в ведение войсковых земельных комитетов и передаются им для распределения между

нуждающимися в земле соответствующим местным земельным комитетам или используются по их усмотрению в интересах общевойсковых и государственных с неременным принятием всех мер против уменьшения посевной площади»⁴⁴.

Декретом ВЦИК от 18 ноября 1920 года «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» подчеркивалось, что земельные участки трудовых хозяйств местного населения казачьих областей остаются без изменений, если они даже превышают норму, установленную для наделения землей в данном регионе⁴⁵. Надо сказать, что серьезного внутреннего перераспределения земель на том этапе не произошло — шла прирезка офицерских и чиновничьих земель. Эти изменения в землевладении имели и социальные последствия — шло социальное выравнивание, рост трудовых хозяйств. За счет перераспределения офицерских и части запасных земель в 1918 году в отдельных местах площадь посева даже увеличилась. Например, в Омском уезде в 1918 году посев составил 263 тысячи десятин против 219 тысяч десятин в 1917 году⁴⁶.

Надо отметить, что земли бедного и среднего казачества остались в неприкосновенности почти на всей территории бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск, что можно объяснить достаточным количеством земли на бывших войсковых территориях⁴⁷. К тому же надо учесть, что в результате прошедших войн, а также эмиграции части казачества в Китай, количество домохозяев сократилось, что также предопределило известный излишек земельных площадей. Если на территории Оренбургской губернии в 1917 году насчитывалось 112389 дворов, то в 1920 году всего 105170⁴⁸.

Тенденции к снижению валовой продукции сельского хозяйства мы видим на территории всей Советской России в период гражданской войны и, несколько не стимулирующей крестьянина, проводимой в то время политики «военного коммунизма». По стране объем сельскохозяйственного производства составил в 1920 году 67% от 1913 года. Даже по сравнению с насыщенным боевыми действиями 1919 годом сбор зерна упал с 50,5 млн. тонн

до 45,5 млн. тонн. Понижилась в значительной мере и урожайность зерновых: с 6,2 центнеров с десятины в 1919 году до 5,7 центнеров в 1920 году⁴⁹.

Снижение основных показателей прослеживается и по казачьим территориям. Казачьи дворы, особенно те, которые попали в зону боевых действий, испытывали серьезные трудности. В Челябинской губернии в 1920 году безлошадных хозяйств насчитывалось 15,08% от общего количества, с одной лошадейю — 25,48%⁵⁰. Запущенность сельского хозяйства была очевидной; отсутствие материальных стимулов в период «военного коммунизма» не способствовала развитию индивидуальных хозяйств. Крестьянство под нажимом советских органов власти заседало необходимые для выплаты продразверстки и своего существования земельные площади, не заботясь о расширении посевов. Отсюда и снижение урожайности, а следовательно, и общего сбора зерновых. Минимум засеянных площадей в посевную 1920 года, в основном для удовлетворения насущных потребностей, таил в себе для территорий, находившихся в зоне рискованного земледелия, опасность большого голода, о чем неоднократно предупреждали донесения с мест. Хронические неурожаи предыдущих лет в отдельных, в основном в степных районах (с 1915 по 1921 год а юге Троицкого уезда⁵¹), не позволили создать даже небольших, ранее подстраховывавших казаков запасов.

Вышеперечисленные тенденции не были случайными и не являлись исключением только для Южного Урала — они прослеживались по всей стране. Если ранее в советской историографии господствовала точка зрения, заключавшаяся в том, что упадок хозяйства в описываемый период связан с последствиями двух войн, то сегодня можно однозначно сказать, что в немалой степени народное хозяйство было разорено политикой «военного коммунизма», в частности не последнюю роль в этом сыграла продразверстка.

Принятая от нужды, она имела оправдание в годы смертельной опасности для Советской Республики, ибо в момент

чрезвычайной опасности происходит максимальная мобилизация сил и ресурсов; государство идет на любые жертвы, способные обеспечить функционирование основных его звеньев. В этот решающий момент в жертву сверхзадаче приносятся и ранее продекларированные стратегические планы и личные интересы, реализация которых в сложившейся ситуации может привести к крушению правящего режима.

Советская власть не сразу прибегла к жестким мерам регулирования экономикой страны. В годы «военного коммунизма» в стране был искусственно прерван уже начавшийся в первые месяцы революции процесс развития народного хозяйства, основанный на экономической заинтересованности производителя, предполагавший и товарное производство и денежные рычаги управления экономикой.

Насильственное вмешательство в экономические процессы привело к разрушению существовавшей системы производственных отношений. Следствием запрета на аренду и найм рабочей силы, а также на найм рабочего скота и инвентаря, было сокращение валового производства зерновых. Повсеместно забрасывались пашни, забивался скот. Запрет на частное предпринимательство и торговлю, отсутствие материальной заинтересованности как у рабочего, так и у сельского труженика, в большей степени разрушали хозяйство страны, чем боевые действия и постоянные реквизиции в пользу городов и воюющих армий.

Обстоятельства, сложившиеся в результате тяжелого военного и экономического положения Советской Республики, предопределили введение продовольственной диктатуры и хлебной монополии, нормирование потребления продовольственных продуктов, установление твердых цен и запрещение частной торговли продуктами первой необходимости. Это было обусловлено нехваткой продовольствия в стране в результате отсечения от Центра во время боевых действий многих зерновых районов, а также сокращением засеваемых площадей (только по ржи в 1919 году на 26%³²) и снижением урожайности — по пшенице с 41,7

пуда до 21,9 пуда с десятины⁵³. В результате произошло почти двукратное снижение валового сбора зерновых.

Такое положение вызывало озабоченность у советских органов, тем более что их главная социальная опора — бедняки — сами едва сводили концы с концами. Уравнилельное перераспределение земли, передача в руки инвентаря, изъятого у помещиков и кулаков, по замыслу советских властей должно было предоставить равные стартовые возможности для бедняцких и остальных слоев производителей сельскохозяйственной продукции.

Но реквизируемый инвентарь и лучшие из конфискованных земель не всегда попадали к умелым и работающим хозяевам — значительная часть бесплатно получаемого инвентаря была перекуплена у бедноты зажиточными хозяевами, а земли иногда оставались необработанными в силу отсутствия у новых хозяев необходимых мощностей, а иногда и просто нежелания их возделывать. Об этом достаточно ярко свидетельствует постановление Троицкого уездного исполкома, изданного в марте 1920 года. В нем, в частности, отмечалось: «По поступившим из уезда сведениям видно, что наиболее зажиточные жители, казаки и мусульмане намеренно уменьшают свою посевную площадь, воздерживаются от производства большого посева, который они могли легко произвести, имея зерно и хлеб на обсеменение. Рядом с этим явлением стоит и другой факт: деревенская беднота, получившая для посева скот и зерно, в некоторых местах уже занялась распродажей таковых в других местах. Полученных лошадей употребляют для праздных разездов, а не для полезных сельских работ... всех граждан землеробов, под разными предлогами уменьшающих свои посевы, отныне мы будем считать преступниками против власти трудового народа, ибо злостным уменьшением производства хлеба они хотят похоронить в ужасах голода Советскую власть... Деревенскую бедноту, правящую всем, которая полученных лошадей, зерно, машины или не пускает в производство или делает попытки преступно сбыть, мы также сочтем государственными преступниками и думаем, что происшедшие случаи имели место по недоразумению»⁵⁴.

Приведенные документ наглядно показывает ту сложную и противоречивую обстановку, которая складывалась в станицах и поселках в период первых реформ Советской власти. Последующие репрессии не только против классового врага, но и против отдельных бедняков, как мы видим, имели под собой серьезные основания и были вызваны бессилием низовых структур новой власти прекратить творящийся беспредел и неспособностью организовать производственный процесс согласно с установками вышестоящих органов и реальными нуждами государства.

К тому же, уповая на всеильность пролетарской диктатуры, которая по тогдашним представлениям должна была гарантировать необратимость установившихся коммунистических принципов в распределении, многие считали, что собственность изжила себя и новые отношения будут доминировать и в дальнейшем в производстве и остальных сферах экономики. Поэтому государственная поддержка мелкого производителя в то время не носила последовательного характера, ибо она не соответствовала стратегической линии Советского государства, выраженной в «Положении о социалистическом землеустройстве», где говорилось, что «на все виды единоличного производителя следует смотреть как на преходящие и отживающие»⁵⁵.

Тяжелое положение с продовольствием в стране вынудило советские органы прибегать к насильственному изъятию хлеба у сельских производителей. Уже весной 1918 года в Западной Сибири стали создаваться уездные продотделы, которые формировались из представителей совдепов, профсоюзов и фабзавкомов. Второй Общесибирский съезд Советов принял постановление «О заготовке хлеба», в котором говорилось, что голод обусловлен неурожаем в некоторых областях России, нежеланием крестьян из хлебных районов вывозить хлеб ввиду отсутствия товаров для обмена; отсутствием денег; спекуляцией на хлеб частных торговцев; сознательным саботажем врагов Советской власти, а также расстройством транспорта. Улучшить ситуацию делегаты съезда считали возможным при соблюдении следующих условий: доставка в деревню предметов первой необходимости и, в первую

очередь, сельскохозяйственного инвентаря; установления твердого учета, реквизиции и конфискации товаров, имеющих на рынке, для доставки их в деревню с последующим обменом на продовольствие. Далее предлагалось снабдить заготовительные структуры достаточным количеством денег, устранить от хлебозаготовок всех частников и саботажников. Делегаты вынесли предложение по взятию всего имевшегося на тот момент хлеба в Сибири на строгий учет, причем в каждой местности должен быть выяснен излишек хлеба для распределения его между населением бесхлебных местностей. Распределение излишков хлеба должно было совершаться строго по определенному плану во избежание излишней загруженности транспорта⁵⁶.

Сибирское и Оренбургское казачьи войска находились на территориях, традиционно поставлявших хлеб на российские хлебные рынки. Поэтому не случайно именно сюда были отправлены в июле 1919 года телеграммы за подписью Председателя Совнаркома В. И. Ленина: «Голодающий Север вступил в полосу тягчайших продовольственных затруднений, Красный Петроград вынужден сократить хлебный паек рабочим... Москва уже десять дней не получает хлеба... от ваших усилий и напряжений зависит не только продвижение Красной Армии... но и дальнейшее укрепление завоеваний мировой социальной революции. Грозный час продовольственных испытаний требует принятия всех мер и напряжение всех усилий в целях всемерного увеличения снабжения голодающего Севера»⁵⁷.

Продразверстка в большинстве районов началась сразу же после изгнания колчаковцев. Ответственность за ее выполнение сначала возлагалась на ревкомы, которые формировали отряды для уборки и сдачи хлеба государству с полей, оставленных ушедшими с белыми казаками-домохозяевами. Уже в августе 1919 года Челябинский ревком отправил на уборку полей 1526 человек, а в октябре на брошенных полях уже трудились 15 отрядов, силами которых было убрано 10 тысяч десятин пшеницы, 6,5 тысяч десятин овса, заготовлено большое количество сена для кавалерийских полков 5-й армии. Более 4000 десятин брошенных

полей было обнаружено в Верхнеуральском уезде, 1815 десятин — в Троицком. «Несмотря на громадные трудности, — отмечалось в отчете земельного отдела Троицкого ревкома, — уборку всех полей бежавших закончили своевременно»⁵⁸.

В первую очередь необходимо было накормить все увеличивавшуюся в своей численности Красную Армию. Челябинским Губпродкомом за 4 месяца 1919 года был отправлен 1441 вагон с хлебом — всего 1340 тысяч пудов⁵⁹. Троицкий уездный продовольственный комитет отправил к 1 октября 1919 года 60 вагонов хлеба⁶⁰. Ревкомы по нарядам райпродкома организовали сдачу 1476 голов крупного рогатого скота, пшеницы — 33598 пудов, сена — 7000 пудов, муки — 4895 пудов, проса — 448 пудов, овса — 758 пудов⁶¹. Оренбургская губерния только в августе 1919 года отправила Западному фронту 70 вагонов зерна⁶². В хлебосеющих районах Сибири продразверстка прошла с меньшим напряжением, так как излишки хлеба у населения имелись. В феврале 1920 года было исчислено, что в Омском уезде имеется излишком 9430000 пудов пшеницы и 2050000 пудов фуража. Было решено изъять 6600000 пудов хлеба и 1430000 пудов фуража. Населению оставляли по 8 пудов ржи на десятину, пшеницы — 12 пудов, овса — 12 пудов, ячменя — 10 пудов. На едока оставляли по 14,5 пудов зерна.

В дальнейшем заготовка, а также снабжение голодающего населения продовольствием и предметами первой необходимости были переданы в местные органы Наркомзема. Под их контролем создавались продотряды, не отличавшиеся по степени вооруженности от регулярных частей РККА: их численность не могла быть менее 75 человек и на вооружении полагалось иметь 2–3 пулемета⁶³.

Подорванное войной и неурожаем сельское хозяйство не в состоянии было выполнить завышенные, не учитывавшие тяжелое положение с хлебом, особенно в степных южных районах, нормы сдачи хлеба. Сокращение посевной площади, снижение поголовья рабочего скота, изношенность сельхозинвентаря не могли не сказаться на урожайности и валовых сборах. К тому же у крестьян

и казаков от урожаев прошлых лет почти не осталось запаса — даже по официальным данным на одного едока приходилось всего по 19 пудов (в 1916 году — 50 пудов)⁶⁴. По сути бесплатное отнимание хлеба привело к тому, что казаки сокращали посевы. В Наследницкой станице в 1920 году 70% казацких хозяйств засеяли по 1–2 десятины, 25% по 3 десятины и лишь 5% по 4–6 десятин, то есть только эти хозяйства сохранили минимальный уровень 1916 года⁶⁵. По данным Лейпцигского станисполкома от 14 марта 1920 года по приказу уполномоченного изъят весь хлеб в счет установленной продразверстки⁶⁶. В станице Каракульской из положенных к разнарядке 70235 пудов хлеба, население сдало на сыпные пункты всего 1700 пудов и «больше хлеба у них нет»⁶⁷.

Данные документы наглядно свидетельствуют о положении с хлебом в отдельных станицах. Казаки не привыкли к таким изъятиям хлеба, а подстраховывавших их запасов зерна не осталось, ибо хлебные магазины в результате реквизиций во время гражданской войны были опустошены.

Уездные исполкомы и райпродкомы зимой и особенно ранней весной 1920 года почти ежедневно получали заявления и ходатайства от волостей и станиц об уменьшении хлебной разверстки или об ее снятии. В связи с фактами саботажа обмолот зерна был взят под контроль продкомитетов. Уездные отделы управления провели регистрацию кулацких и других нетрудовых элементов, запретив им выезд за пределы волостей и станиц⁶⁸. Факты укрывательства хлеба зажиточными казаками подавались советской прессой как сознательный саботаж всех, кто имел хлеб, но не желал с ним расставаться. Газета Троицкого исполкома «Трудовой набат» на своих страницах обозначила две главные задачи, стоявшие перед советскими органами в отношении деревни: «1. Хлеб изъять, во что бы то ни стало, ибо излишек хлеба в деревни имеется; 2. Расслоить, наконец, крестьянство, разбить на два лагеря, при малейшем столкновении которых губительно стинет класс кулаков. Это расслоение создаст благоприятные условия для общего проведения наших советских мероприятий в деревне»⁶⁹.

Установление твердых цен на хлеб в ничем не обеспеченных денежных знаках было и по форме и по существу ограблением сельских производителей. Всякое уклонение от сдачи хлеба наказывалось, само изъятие происходило в условиях, близким к боевым. В начале 1920 года была на места отправлена телеграмма — приказ за подписью наркомпрода А. Цюрупы. «Предписываю губпродкомиссарам, упродкомиссарам, райпродкомиссарам незамедлительно предъявить требования к председателям и членам президиумов волостных, станичных, сельских и поселковых исполкомов и коммунистических ячеек немедленно, безоговорочно сдать полностью все продукты, причитающиеся по разверстке. Не сдавших немедленно арестовывать и препровождать для содержания в губернскую тюрьму. Приказ этот широко опубликовать, об исполнении его сообщить по установленным десятидневкам. За точностью выполнения приказа отвечают губернские, уездные и районные продкомиссары. Продовольственное положение республики рабочих и крестьян, голодающих в Центре, требует энергичной работы и беззаветной преданности продработников»⁷⁰.

Три грозных приказа, следовавших на основе этой телеграммы, отразили напряженность той суровой обстановки. «С этого дня продработник, не исполнивший боевого приказа, — подчеркивалось в документе, — будет судиться так же строго, как солдат, отказавшийся идти в бой; продработник, не делающий своего дела, будет приравнен к тем, кто сознательно помогает врагам Советской власти. Все, кто будет мешать работе по выполнению продразверстки, будут беспощадно отстраняться с пути»⁷¹. Власти жестко требовали принятия райпродкомами срочных мер по выполнению продразверстки в установленные сроки. Через каждые три дня, к 18 часам, им предписывалось сообщать в губстатбюро «точные краткие цифровые сводки о выполнении разверстки, приравняв их к оперативным». За любые промедления в исполнении этого приказа виновным грозило предание суду Ревтрибунала.

В Приказе № 2 говорилось, что все советские учреждения

обязаны выделить необходимое количество ответственных работников для оказания помощи в выполнении разверстки исполкомам волостных, станичных и сельских советов. «За неприятие решительных мер для получения хлебных излишек виновные арестовываются и передаются губчека», — сообщалось в документе. В Приказах были определены сроки выполнения продразверстки. Руководство всей работой, особо подчеркивалось в Приказе № 2, возлагалось на районных чрезвычайных уполномоченных, их помощников и командиров продовольственных отрядов.

Приказ № 3 предоставлял чрезвычайным районным уполномоченным право немедленного ареста отдельных продработников, а также членов волостных и станичных исполкомов совета и коммунистических ячеек, не принимавших необходимых мер для срочного выполнения продразверстки. «Малейшая непредусмотрительность и заминка в работе, — подчеркивалось в этом документе, — будет караться, как тяжкое преступление по должности»⁷².

Жесткий тон приказов не оставлял никаких надежд на благополучную перезимовку. Рьяно взявшись за выполнение продразверстки, продотряды забирали иногда даже семенной фонд. Поставленные в жесткое положение продработники вынуждены были в процессе работы пересматривать продовольственные задания — если какое-либо хозяйство было не в состоянии выполнить разверстку, то его план перекладывался на другое, хотя и уже выполнившее задание. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные послания с мест. В селе Екатерининка продотряд взял в счет разверстки 38 голов крупнорогатого скота, 90 овец, 5 свиней, что вдвое превышало установленные задания. В деревне Александровка вместо 57 голов скота им было реквизировано 114, через несколько дней отряд вернулся и взял еще 18 коров, 88 овец и одну свинью⁷³.

Надо учитывать, что изымался не только скот и хлеб. Под продразверсткой подразумевалось выполнение 23 ее видов: хлебная, мясная, масляная, картофельная, яичная, мясо птицы, а

также кожа, шерсть, рога и копыта и т. д.⁷⁴ Активное исполнение этих приказов приводило к тому, что вывозить в Центр изъятое продовольствие продотряды не успевали, а скот умирал с голоду. На Макарьевской базе в Оренбургской губернии в декабре 1920 года пало свыше 600 голов рогатого скота, картофель и другие продукты померзли на глазах у крестьян, у которых их отобрали⁷⁵. В то же время, продотряды рапортовали о перевыполнении установленных норм. Газета «Советская правда» сообщала о том, что Есаульская станица перевыполнила план продразверстки на 110%, Сосновская станица — на 109%, Севастьяновская станица — на 108% и т. д.⁷⁶

Непосильная продразверстка, переход к трудовой повинности и мобилизация, запрещение продавать на рынке излишки продовольствия и некоторые другие меры Советской власти привели к очередному обострению политического положения на войсковых территориях. В казачьих районах стали появляться повстанческие отряды, уничтожавшие продотрядцев, раздававшие населению изъятый хлеб. Объектами нападения повстанцев стали первые колхозы и совхозы, активисты новой власти, пункты хранения собранного продовольствия. Казачьи офицеры, возглавившие восстания, убивали советских работников, мстили красноармейцам, восстанавливали станичные правления⁷⁷. Очень часто звучали лозунги типа «Да здравствует Советская власть без коммунистов», «Долой продразверстку». В Сибири мятежников возглавлял бывший казачий офицер Соколовский, в Оренбургской губернии крупные силы противников возглавлял Сапожников⁷⁸. На территории Челябинской губернии известны были отряды Луконина, Макарова, Выдрина, Миронницкого и др.⁷⁹

Многочисленные выступления крестьян по всей России подтолкнули к решениям, приведшим к будущим реформам в экономической стратегии Советского правительства. Одной из главных причин побудивших большевиков пересмотреть свою экономическую политику, было отсутствие товарности народного хозяйства. Ограниченные поставки не обеспечивали даже потребностей Красной Армии. В первую очередь, без сырья

задохнулась легкая промышленность, а далее пошла цепная реакция. Материальные стимулы к труду были ликвидированы как буржуазные, а моральные, основанные на предполагаемой поголовной сознательности, к тому времени, как и в последующем, не вызрели. Не сложилась к тому времени и репрессивная система, способная подчинить общество воле руководства партии и страны.

В правительстве тоже понимали, что силовыми методами экономику не поднять и поголовного благополучия не обеспечить. За политикой «военного коммунизма» не было будущего: забегание вперед, основанное на стратегической установке на мировую революцию в ближайшее время, не оправдала себя. Европейский рабочий класс не ставил перед собой задачу установления Советской власти, и это побудило Ленина убедить большинство ЦК партии в необходимости смены курса. Государство рабочего класса вынуждено было менять свои ориентиры. В первую очередь надо было восстановить и укрепить мелкое крестьянское хозяйство — основной источник поступления сельхозпродуктов и налогов в казну государства.

Крестьянские хозяйства вынесшие на себе основной груз гражданской войны и экономических экспериментов первых лет власти большевиков, прошли определенный период эволюции. Претерпели определенные изменения и казачьи хозяйства. Они испытывали в некоторых случаях большую нагрузку, ибо новая власть недоверчиво относилась к когда-то привилегированному сословию, верой и правдой служившему прежнему свергнутому режиму.

Начавшийся еще до революции процесс разложения казачьей общины в годы войны был заторможен, но не прерван. Объективно, после разрушения общинных, сдерживающих его возможности, связей казачье хозяйство должно было эволюционировать в фермерское, ибо его экономический потенциал, основанный на владении значительным земельным наделом при наличии постоянного количества наемных работников и наличия сложной сельхозтехники, был достаточно велик. Об этом говорили успехи первых казачьих кооперативных объединений и

производственные показатели отдельных зажиточных хозяйств, количество которых до революции неуклонно увеличивалось.

Советская власть не вела сознательной борьбы с общинной формой ведения хозяйства — она больше боролась против сопротивления со стороны казачества ее реформам. Однако общее ухудшение экономической обстановки в стране в результате гражданской войны и политики «военного коммунизма» подорвало и без того ослабленное казачье хозяйство, что, в целом, ускорило процесс трансформации общины.

Надо отметить, что новая власть последовательно боролась со всем, что напоминало о старом режиме. После отмены сословных различий слово «казак», как и слово «станица», практически выходит из употребления в официальной печати, а само понятие «казачье сословие» отходит в историю. Не вызывает сомнения тот факт, что ликвидация казачьего сословия, как и других сословий (дворянства, духовенства, купечества и т. д.), носила объективный характер, ибо само деление общества на сословия, то есть на группы людей, наделенными особыми правами, изжило себя. Но неправильным было бы приравнивание понятий «казачье сословие» и «казачье население», так как этнические особенности казаков, включающие в себя традиции, быт, образ жизни, мировоззрение, культуру и способ ведения хозяйства остались, и отличия от остального населения должны были сохраниться, покуда могла существовать и материальная основа существования казачества — казачья община, а также люди, выросшие и сформировавшиеся в атмосфере общинных отношений и продолжавшие жить после разрушения общины и ликвидации казачьего сословия.

Постепенная трансформация общины в сторону отмирания неизбежна должна была привести к утрате специфики казачьего образа жизни, базировавшегося на определенном способе производства и соответствующем ему типу производственных отношений, к естественной ассимиляции казачества среди остального населения. В 20-е годы в станицах и поселках жили люди, по праву называвшие себя казаками и гордившиеся этим. В

личных карточках членов сельсоветов за 1926 год, упомянутых выше, в графе «социальное положение» среди перечисленных наименований не было наименования «казак» (в перечне стояло: рабочий, служащий, крестьянин, ремесленник, мещанин, купец, духовное звание), но от 30 до 60% избранных в сельсоветы своей рукой дописывали «казак» или «из казаков», исправляя якобы случайно допущенный пропуск. Например, в Краснинском сельсовете казаками себя указали 29 из 35 членов сельсовета⁸⁰.

Одним из самых сложных и трудных вопросов для Советской власти был крестьянский вопрос. При всем недоверии к крестьянству, его частнособственнической природе, при постоянном обвинении крестьянства в контрреволюционности разрыв города с деревней неизбежно привел бы к гибели самого государства диктатуры пролетариата.

Для укрепления союза рабочих и крестьян, как стратегической цели, необходимо было создать благоприятные условия для восстановления мелкого крестьянского хозяйства. Подъем сельского хозяйства обеспечивал продовольственную базу для восстановления и развития промышленности. Необходимо было спасти от голода города, поднять производительные силы страны, восстановить и развить товарооборот между городом и деревней и овладеть им как основой развития.

Но сближения города и села могло быть достигнуто только на основе личной заинтересованности мелкого производителя в подъеме своего хозяйства или предприятия, что предполагало в то время восстановление и развитие товарных отношений, в том числе и в казачьих станицах.

КАЗАЧЬИ РАЙОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ
ПОСЛЕ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

Новая экономическая политика Советского государства была по форме своей не продвижением вперед, а возвращением к более раннему периоду — периоду не только первых месяцев новой власти, когда при формально сохранявшемся рынке были запрещены аренда и найм, объявленные формами эксплуатации, а к еще дооктябрьскому времени. Прогрессивные начинания Временного Правительства, когда значительно ограничивался в интересах большинства народа произвол крупных землевладельцев, в том числе, применительно к казачеству и Войсковых Правлений, были не забыты российским народом.

Теперь перед Советским Правительством стояла довольно трудная задача: при сохранении своей основной стратегии, предполагавшей отмену частной собственности и всех проявлений эксплуатации, взять на вооружение новую тактику, при которой допускалась и эксплуатация трудовых элементов и частная собственность на средства производства. Поэтому в первые годы НЭПа перед местными администрациями не ставилась задача непосредственного и немедленного перехода к созданию в крупных масштабах социалистических форм производства (для деревни — совхозов) и осуществления социалистического принципа распределения. Главная проблема, вставшая перед Совнаркомом на период проведения новой экономической политики, заключалась в том, чтобы при наличии многоукладности в хозяйственном организме страны, при преобладании в нем мелкотоварного крестьянского производства провести такие мероприятия, которые обеспечили бы подъем этого хозяйства, позволяя в то же время осуществлять контроль над этим хозяйством, обеспечили бы укрепление социалистического сектора в экономике, а в дальнейшем и его победу.

Приоритетность реконструкции отношений между городом

и деревней не вызывала сомнений. Перестройка общественно-экономических отношений в связи с введением НЭПа должна была распространиться на целый ряд явлений социально-экономического порядка: в первую очередь, предполагалось изменение технической базы сельского хозяйства, а также развитие кооперации, частной торговли, кредитной системы и т. д. Эти новые направления проводились в строго установленных государством рамках. Реального капитализма в описываемый период не могло быть даже теоретически: тогдашний рынок не имел будущего и не был страшен Советской власти, ибо в руках государства сохранялись командные высоты как в области производства, так и в области обращения и торговли, собственность на землю. К тому же, все структурные изменения и реформы проходили в условиях диктатуры, которая являлась гарантом социалистического курса преобразований.

Правительство вынуждено было признать, что только материальная заинтересованность конкретного производителя способна вывести экономику страны из тупика. Заменявший продразверстку налог выгодно отличался тем, что производитель приобретал стимул для повышения товарности своего хозяйства, развития товарооборота, а государство получало возможность приступить к восстановлению промышленности и укреплению национальной валюты. Однако на практике проведение в жизнь новой экономической политики столкнулось с рядом объективных и субъективных факторов, определивших специфичность реализации постановлений в различных районах и сферах народного хозяйства. Свою особенность реализации новой экономической политики имели и казачьи территории, в том числе и бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск.

Начало осуществления преобразований на землях бывших казачьих войск в силу объективных и субъективных причин, таких, как разруха после гражданской войны, голод, рецидивы «военного коммунизма» и т. п. по существу пришлось на 1923 год, что впрочем можно отнести и ко всему не получившему к этому времени серьезной материальной и, в первую очередь, технической помощи сельскому хозяйству страны, также пострадавшему прямо или

косвенно от последствий неурожая 1921 года. Подорванное войной и продразверсткой казачье хозяйство не могло сразу залечить раны и поэтому надежда на автоматизм действия рыночных законов, выталкивающих на поверхность сильного и топивших слабого, оказалась несостоятельной, ибо подлинного рынка, предполагавшего риск и самостоятельность в действиях, а в результате весомую законную прибыль, не было.

Тем не менее, именно при Советской власти крепкий хозяин-казак, в основном из тех, кто и до революции имел прочное хозяйство, получал большую свободу для предпринимательства и увеличения побочных от земледелия доходов, а бедняцкие слои получали к тому же материальную помощь со стороны государства как в кредитах, так и при налогообложении.

В то же время меры, направленные на возрождение экономики, были насторожено встречены в казачьей среде, ибо и в этот раз, хотя они объективно отвечали потребностям общественного развития, реформы были спущены сверху и в народном сознании понимались как выгодные, в первую очередь, властям. Власть, взятая силой и державшаяся на силе, вызывала больше опасений, чем доверия, и новая экономическая политика рассматривалась зачастую как уловка большевиков, направленная на очередное изъятие хлеба у земледельца.

Надо отдать должное советским властям, которые старались проявлять последовательность в своих действиях по реформации сельского хозяйства: была отменена обязательная норма посева; взимаемый продналог составлял примерно половину от размеров прежней продразверстки¹; местные органы, сократив арсенал методов насилия, активно применяемых ранее, активизировали пропагандистские и агитационные приемы, принимали меры по улучшению землепользования и стимулирования мелкого производителя.

Одним из самых острых вопросов, вставших перед новой властью, оставался вопрос землеустройства на землеобильных территориях казачества. Земли требовали крестьяне-арендаторы, земли нужны были для колонизационного фонда, необходимым

было проведение внутреннего землеустройства. Его выгоды были очевидны: во-первых, уничтожение межселенной и внутриселенной чересполосицы, дальнотемелья, вклинивания, неправильной дорожной сети, возникших от неорганизованного, зачастую хаотичного и беспорядочного передела земли сразу после революции; во-вторых, землеустройство проведенное в рамках социальной справедливости и профессионально с точки зрения агрокультуры, давало значительную экономию средств (сокращение расходов на транспорт), приближение земли к ее пользователю, замена многих мелких и узких полос немногими, но широкими².

Советская власть при переделе земельных фондов старалась соблюдать принцип социальной справедливости, оправдать свое название «народная власть» в Сибири был принят ряд постановлений, касающихся землеустройства. В частности: Приказ Сибревкома от 2 декабря 1919 года, Обращение Сибревкома о порядке наделения и пользовании землей от 6 марта 1920 года, Декрет от 18 ноября 1920 года «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях», по которым трудовое казачье население не ограничивалось в пользовании землей, надел сохранялся в пределах трудовой нормы. Все войсковые земли переходили в государственный фонд, из которого наделались как казаки, так и крестьяне. Туда же поступали земли офицеров и чиновников³. На землях бывшего Оренбургского казачества в пользование трудовым казакам было отведено 298675 десятин земли, что в целом увеличило количество земли» (удобной и неудобной) на один двор. В среднем в Оренбургском уезде на один казачий двор приходилось 49 десятин, по 54–60 десятин в Троицком и Челябинском уездах, по 89 десятин — в Орском, где меньше всего было удобных земель⁴.

По данным Наркомзема на Южном Урале было изъято у казаков и передано иногородним 247тысяч земель⁵. Более 100 тысяч десятин только по Оренбургской губернии было изъято в колонизационный фонд⁶.

По Омской губернии в колонизационный фонд было взято

273544 десятины. По Омскому уезду, где было сконцентрировано казачье население бывшего СКВ, 40539 десятин.

Но и после проведенного землеустройства казачество имело больше земли, чем переселенцы. По Омскому округу у казаков в среднем приходилось 37,07 десятины на двор, а у переселенцев — 31,13 десятины⁷. В 1921–1922 гг. передел земли практически прекратился и до коллективизации серьезных землеустроительных работ уже не проводилось. Сохранение за казаками прежних земель преследовало и политические цели — недопущение новых выступлений⁸.

Казачество, верное устоявшимся традициям, довольно ревниво отнеслось к распределению запасных земель среди переселенцев, количество которых после гражданской войны неуклонное возрастало. К началу НЭПа в казачьих землях Сибири было около 30 тысяч «самовольцев» — неземлеустроенных переселенцев, которые нередко захватывали пустующие земли, чем вызывали серьезное недовольство и сопротивление со стороны казачества⁹. Казаки, привыкшие безраздельно распоряжаться своими землями, не могли сразу смириться с потерей самоуправления и прав на землю. Наблюдались попытки создавать параллельные хозяйственные управленческие органы и распределение земельных наделов по установившимся дореволюционным порядкам. В докладе об образовании станичных земотделов на территории бывшего Сибирского казачьего войска от 21 апреля 1920 года говорилось: «некоторые казачьи поселки самовольно организуют у себя земотделы, считая свое селение по-прежнему самостоятельной станицей, чем вносят дезорганизацию в работу земорганов. Так, например: поселок Усть-Заостровский не желает подчиняться Черемховскому станичному земотделу и заявляет, что будет содержать земельный отдел на «собственные средства»¹⁰.

После гражданской войны в сельском хозяйстве страны прослеживаются две довольно противоположные тенденции. С одной стороны мы наблюдаем тягу к увеличению земельных наделов, что выразилось в необходимости проведения масштабного

перераспределения земель 1920 года, а с другой стороны мы видим повсеместное сокращение посевной площади как на казачьих, так и на крестьянских полях. Посевная площадь Омского округа в 1920 году составляла 60,9% от посевов 1917 года¹¹. Сбор хлеба в 1921 году составил 4398 тысяч пудов против 38712 пудов в 1917 году¹². Количество скота по Омской губернии сократилось на 633 тысячи голов, изношенность инвентаря по отношению к довоенному периоду составила 50%¹³. Лошадей в казачьих хозяйствах в 1920 году осталось 72,6%¹⁴ от уровня 1917 года. Если в 1917 году по Омскому уезду в среднем приходилось по 14,19 десятин посева на одно хозяйство, то в 1921 году мы имеем только 7,06 десятин¹⁵.

Не лучше обстояло дело и на Южном Урале. Недоверие новой экономической политике большевиков носило повсеместный характер и этим можно объяснить тот факт, что казаки не спешили засеивать заброшенные за годы войны пахотные земли и значительно сократили посевы. Так по Оренбургской губернии площадь посева 1921 года составила 48183896 десятин (в 1920 году — 66903187 десятин)¹⁶. По Челябинскому округу посев 1921 года составил 106174 десятины против 456762 десятины в 1920 году (24%). По Троицкому округу результаты были еще разительнее — 65905 десятины в 1920 году против 453300 десятины в 1920 году (14,5%)¹⁷. По Верхнеуральскому уезду на одну душу населения в 1920 году приходилось 0,86 десятин посева, а в 1921 уже 0,21 десятина посева¹⁸.

Казачьи дворы за годы войн заметно снизили свое благосостояние. Не знавшие государственных налогов казаки теперь были уравнены с крестьянством. В начале 20-х годов они обязаны были выплачивать сразу несколько налогов: натуральный, денежный, подоходный, подворный, самообложение, различные займы и взносы. На казачье население распространялась и принудительная работа в трудовых армиях. Оказавшиеся в непривычных условиях казаки сокращали не только посевы, но и количество скота в хозяйствах. В Омском округе в 1920 году количество рабочих лошадей составило 79,8% от уровня 1917 года, а коров соответственно 61,7%¹⁹.

Первый год новой экономической политики был и самым тяжелым для сельского хозяйства страны, для всего населения Советской Республики. С трудом начавшее подниматься сельское хозяйство было подорвано невиданным до этого голодом 1921–1922 годов, охватившем обширные районы южной полосы черноземов страны, полностью затронувшем земли бывшего Оренбургского казачьего войска и ряд казачьих районов Сибири, а именно: Тарский, Тюкалинский, Калачинский, частично Омский уезды²⁰.

Небывалая засуха, поразившая многие регионы страны, была объявлена официальной причиной низкого урожая. Троицкая газета «Красный пахарь» летом 1921 года писала, что состояние хлебов в крае плохое. В Кирсинском поселке погибла вся рожь, в Боборыкском поселке засухой повреждено 208 десятин. В Верхнеуральской станице поздние посевы не взошли, а из раннего сева погибли на 128 десятинах. Дождей нет совсем. В Карагайской станице погибло 600 десятин хлеба, травы посохли²¹.

Засуха, навалившаяся на ослабленные хозяйства, несомненно усугубила ситуацию, но не только она явилась причиной голода. Засухи в южных районах Урала и Сибири явление довольно регулярное и привычное для земледельцев. Низкую урожайность, а в 1921 году она составила по стране 5 центнеров с десятины (для сравнения: в 1920 году — 5,7 центнеров, а в 1922 году уже 7,6 центнеров)²², можно было предположить заранее, ибо налицо были такие факторы, предопределившие результат, как значительное снижение поголовья скота, изношенность сельхозинвентаря, слабая на тот период помощь со стороны государства, нехватка рабочих рук, в первую очередь мужских, в хозяйствах и плюс ко всему недоверие к новой экономической политике большевиков со стороны казачества. К тому же положение было осложнено низким урожаем 1920 года на Южном Урале, который не дал возможности создать запас продовольственных и семенных фондов на следующий год. Александровский сельсовет сообщал уездным властям в феврале 1921 года, что обеспеченность рабочими лошадьми составляет всего 50%, семенного материала не имеется

совсем и продовольствия тоже не хватает. Нет фуража и начался падеж скота²³.

Сложившаяся ситуация была известна уездным, окружным и губернским властям. Земорганы, обеспокоенные возможным срывом посевной кампании из-за нехватки рабочего скота, старались оказать посильную помощь попавшим в нужду хозяевам. Специальным указом Челябинского Губземкомжива за февраль 1921 года запрещался убой скота в частных хозяйствах. Если хозяин был не в состоянии содержать скот — скот забирался до весны для содержания на государственный счет²⁴. Таким образом советские органы пытались сохранить продуктивный рабочий и молочный скот от забоя оголодавшими хозяевами.

Масштабы голода были невиданными в казачьих землях, а нерасторопность и бессилие местных властей зачастую только усиливали последствия. Одной из причин голода было и то, что местные власти, собирая продналог, забирали зачастую последнее. К тому же при сборе продналога еще нередко применялись методы «военного коммунизма». В Постановлении Троицкого Губпродсовещания от 12 марта 1921 года предписывалось воссоздать уездные продсовещания, перед которыми ставилась задачи по сбору налога, наложенного на уезд Центром. Кроме агитационной работы в деятельности продсовещаний предусматривались и карательные меры: аресты неисправимых неплательщиков налога, предание суду, взимание пени, закрытие местных рынков, привлечение к гражданской, партийной и административной ответственности отдельных лиц, независимо от положения и рода занятий. О решениях суда, в целях назидания, предлагалось широко информировать население²⁵.

О надвигающейся беде знали. Для местных представительных и исполнительных органов голод не был неожиданностью. В докладной записке Челябинского Губисполкома весной 1922 года сообщалось, что «в 1921 году Челябинская Губерния выполнила продразверстку в 10 млн. пудов в условиях крайне неурожайного года, вступает в 1922 год с полностью исчерпанными запасами, при недосеве в 405447 десятин

и сокращении вдвое посевных площадей. Остаток хлеба в 11 млн. пудов предполагает не более 3-х месяцев довольствия — дальше голод. Подсчитано, что в Верхнеуральском уезде из 115201 человек населения уже голодают 87915 (77%). Из них 60–70% имеют крайнюю степень истощения. Столько же голодает в Троицком уезде»²⁶.

Советские чиновники, вышедшие в большинстве своем из средних или низших слоев трудового народа, понимали трагизм свершавшегося у них на глазах. В отчете Оренбургского Губпродсовещания с известной долей искренности было написано: «Продналог, несмотря на все трудности, был нами собран полностью, хотя надо сознаться, что мы взяли действительно все, что можно было взять у крестьянина. И этой мерой мы, достигнув одной цели, не достигли другой, не менее существенной: мы перегнули палку и, подорвав непосильным налогом крестьянское хозяйство, не закрепили смычки города с деревней. Но это не наша вина — мы выполняли волю вышестоящих»²⁷.

Голод достиг своих самых больших масштабов весной 1922 года — смертность по станицам на Южном Урале достигала от 30 до 40%²⁸. Все, что было пригодно в пищу, потреблялось. Людоедство становилось обычным явлением. В отчете Уйского волбюро сообщалось: «Зимой голод принял невероятные размеры, и крестьяне, чтобы спасти свою жизнь, стали продавать скот и продавать за хлеб даже дома. И все же этого не хватало, и на почве, голода начались грабежи, убийства. Казаки стали поедать кошек и собак, разразились болезни тифа, умерших зарегистрировано с февраля по 1 июня 729 человек. В настоящее время население питается в большинстве травой и если есть корова, то молоком...»²⁹

«В феврале месяце 1922 года, — сообщал исполком Наследницкой станицы, — ежедневно умирает по 10–20 человек. Трупы убирать некому, настроение у населения паническое. Собаки, кошки съедены. Развивается людоедство. 19 февраля в поселке Наследницком выяснено, что гражданки Прасковья и Елена Новиковы зарезали троих детей в пищу, взяв их из детской столовой

под видом согреть у себя дома. Масса случаев убийства своих детей»³⁰. В станице Черниговской было зарегистрировано 13 случаев людоедства, в Великопетровской — 11, в Магнитной — 5, в Полоцком — 5, в Кизильской — «массовое трупоедство»³¹. В Краснинском, Арсинском, Остроленковском поселках в апреле 1922 года смертность доходила до 15 человек в сутки. Кассельский сельсовет сообщал, что 35 трупов лежат не захоронены — некому хоронить»³².

По сведениям современных исследователей за 1921 год в Челябинской губернии умерло от голода 28074 человека, по состоянию на апрель 1922 года голодающих насчитывалась — 421352 человек взрослых и 368330 детей — всего 789682 человека³³. Всего по неполным данным отдела управления Челябинского губисполкома и комитета «Помгола» в губернии от голода умерло более 70 тысяч человек³⁴.

Население, в основном недавние переселенцы, стало стихийно перебираться в центральные губернии и на Украину³⁵. Только из Оренбуржья выехало в другие районы свыше ста тысяч человек³⁶. Положение ухудшалось с каждым днем. В Каширинском уезде Оренбургской губернии население сократилось на 45,9%³⁷. Отчеты станичных исполкомов были полны просьб о немедленной помощи умирающему населению. В Оренбургской губернии, находящейся большей своей частью в степной, засушливой зоне, голод достиг наиболее впечатляющих размеров: из 677034 жителей голодало 604104³⁸.

Советская Республика, победившая в гражданской войне, оказалась перед еще большей, чем внутренняя война, бедой. На советские органы легла тяжелейшая в тех условиях работа по преодолению голода и его последствий, а также подготовка новой посевной кампании в условиях отсутствия семенных фондов, сокращения поголовья скота и, в первую очередь, рабочих лошадей, и просто нехватки пахарей. Возможности оказать помощь из местных фондов не было, и задача состояла в том, чтобы выпросить скудную помощь из Центра и по возможности справедливо распределить ее среди голодающего населения. Но

на всех голодающих помощи не хватало, потому что напряженное положение с продовольствием наблюдалось во всех областях страны.

Государство прилагало усилия, чтобы сгладить последствия голода, спасти тех, кого еще можно было спасти. У церкви было изъято свыше 100 тысяч пудов золота и серебра для закупки продовольствия за границей³⁹. Имелись случаи продажи художественных ценностей. В декабре 1921 года в Оренбург — центр наиболее охваченных голодом районов прибыло 5000 пудов крупы и 125000 пудов хлеба⁴⁰. В марте 1922 года в Оренбургскую губернию было доставлено 761000 пудов хлеба и закуплено еще за границей 852000 пудов зерна и 210000 пудов семенного картофеля. Кроме того, сбором средств в пользу голодающих занимались благотворительные организации. Общественная помощь голодающим Оренбуржья в декабре 1921 года составила: сало, хлеб, продукты — 1853 пуда, мясо — 119 пудов, картофеля — 400 пудов, капусты — 50 пудов, ценных вещей — 87 штук, золотых и серебряных вещей — 7020 штук, денег — 385 млн. рублей⁴¹.

Местными властями вводились специальные налоги в пользу голодающих: например, за прописку взималось по 1000 рублей с рабочих и служащих и по 2000 рублей с частных лиц. Специальными налогами облагались питейные заведения, отпуск топлива, производились надбавки на розничные цены⁴². Часть населения смогли организованно вывезти в Орел, Киев, Смоленск, Туркестан — туда, где острой нехватки продовольствия не было.

Менее пострадавшие от голода казачьи территории Западной Сибири помощи из Центра не получили — все полномочия по борьбе с голодом были делегированы Сибревкому и Сибцентросоюзу. На 1 апреля 1922 года по данным Сибцентросоюза для помощи голодающим было заготовлено: хлеба — 5230130 пудов, масличных семян — 550183 пуда, мяса — 1014577 пудов, масла сливочного — 65249 пудов, овощей — 522103 пуда, рыбы — 210459 пудов⁴³. На уровне товарообменных операций из Самарской губернии было завезено 70 вагонов различных товаров. Повсеместно был организован сбор добровольных

пожертвований в наиболее благополучных с хлебом районах — добровольно было пожертвовано 10377 пудов хлеба⁴⁴.

Активно подключилась к кампаний помощи голодающим сибирская потребительная кооперация. Коллективы рабочих и служащих районных отделений и единых потребительских обществ Сибири к апрелю 1922 года отчислили 1826 муки и товаров на 33 млн. рублей, около 500 млн. рублей денежными знаками 1921 года и 3592 рубля 54 копейки золотом. На содержании кооперативных организаций находилось 225 детей, вывезенных из голодающих районов⁴⁵.

В местах бедствия по возможности открывались бесплатные столовые, в первую очередь для детей и тех взрослых, которые утратили работоспособность в результате истощения. В Верхнеуральском уезде действовали 93 столовые, где питалось 18300 детей⁴⁶. Комитет помощи голодающим (Помгол) начал в уезде распределять пайки голодающим — на одного человека выдавалось 1/4 фунта хлеба и 32 золотника мяса⁴⁷.

Особенно бедствовала сельская интеллигенция, не имевшая своих наделов, а зачастую и личных подворий. В голодающих районах закрывались пункты по ликвидации неграмотности, что имело следствием лишение продовольственных пайков работавших в них учителей. Не работало 50% всех школ из-за отсутствия в них персонала. Реально помочь голодающей интеллигенции не было возможности, и снятие налогов и отмена трудовой повинности у этой категории служащих, конечно, не могли облегчить положения.

В контексте разговора об усилиях, направленных на борьбу с голодом, особо надо отметить деятельность миссионеров из АРА (американской ассоциации помощи голодающим), доставившим бесплатно продовольствие из США во многие пострадавшие от голода районы республики. Отношение к американцам со стороны населения было благожелательным, но их деятельность была серьезно стеснена советскими органами, видевших в сотрудниках АРА агентов американского империализма⁴⁸. Также направлялись обвинения в адрес АРА в том, что значительную часть помощи она направляет на поддержку кулачества — потенциального врага Советской власти.

Кроме АРА голодающим помогали американские религиозные организации: Джойнт, католики и менониты, но их помощь была направлена, в основном, своим собратьям по вере. Менониты, например, кормили только тех кто принадлежал к их секте (в Покровском районе)⁴⁹. Активную помощь голодающим районам Оренбуржья оказывал Красный Крест — через его представителей питание получили 20000 человек.

Помощь осуществлялась вплоть до лета 1923 года. Несмотря на колоссальные трудности, совокупная помощь помогла спасти десятки тысяч жизней на Южном Урале и в Западной Сибири. Челябинский губпомгол, отчитываясь о своей работе, докладывал в мае 1923 года, что в этом месяце отпущено 94007 детских пайков, получено по линии АРА. 83612 детских и 63367 взрослых пайков; через миссию Нансена получено 2 вагона сахара и 11 вагонов селетки; от Межрабкома — 14960 детских пайков; из Сибири — 86351 пуд хлеба и 20360 пудов другого продовольствия; из ДВР — 23 вагона продовольствия; 8 вагонов получено из Харбина. Всего по губернии на 1 июня 1923 года насчитывалось 789675 голодающих⁵⁰.

Последствия голода были значительны для земель бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск, По Омскому округу общая площадь посевов 1922 года составила 355275 десятин против 852117 десятин в 1920 году⁵¹. Рабочих лошадей в 1922 году было 284202 против 343185 в 1920 году, коров 211189 против 260812 соответственно⁵². Количество хозяйств без всякого скота в 1921 было 3% от всех, а в 1922 году произошло увеличение таких дворов до 5,1% — рост на 70%. Количество небогатых дворов, где имелась одна голова скота, за этот же период выросло с 7,3% до 20,2%⁵³. Хозяйств, где была одна корова, стало на 7,5% больше, а крепкие хозяйства, державшие 3 коровы, сократились на 4,5%, а дворов, где содержалось 4 и более коровы, стало на 3,2% меньше⁵⁴. Общее количество дворов сократилось с 103130 в 1920 году до 95292 в 1922 году⁵⁵. Такое же положение, усугубленное во много раз более тяжелыми последствиями прошедшего голода, было на Южном Урале. Некому и нечем было пахать и засеивать землю:

площадь посевов в Челябинской губернии в 1922 году была в 4 раза меньше, чем в 1920 году⁵⁶. На треть сократилось поголовье скота по отношению к 1921 году, а по отношению к 1916 году только по Оренбургской губернии сокращение составило с 5665849 голов до 2123310 голов в том же 1922 году⁵⁷. По Челябинскому округу количество лошадей составило 46,4%, а коров 55,7% от поголовья 1920 года⁵⁸. По Троицкому округу 34,8% и 45,7% от поголовья 1920 года соответственно⁵⁹.

Анализируя состояние казачьих хозяйств, мы видим, что тенденция к сокращению поголовья скота в хозяйствах Челябинской губернии носила постоянный характер на протяжении всех военных и голодных лет, что наглядно следует из таблицы⁶⁰:

Годы	Рабочих лошадей	Коров	Овец	Свиней
1916	2,43	2,27	5,42	1,2
1920	1,94	1,84	3,87	0,67
1921	1,48	1,45	3,31	0,22
1922	1,1	1,0	2,2	0,1

В среднем на одно хозяйство в 1922 году приходилась одна рабочая лошадь и одна корова. В 1916 году — 2,5 лошади и 2 коровы.

Не лучше обстояло дело с поголовьем скота в некогда преимущественно скотоводческом Оренбуржье⁶¹:

Годы	Рабочих лошадей	Коров	Овец	Свиней
1917	199900	156658	841557	82902
1920	167856	149186	476003	62289
1921	156816	118873	224783	57136
1922	77426	77848	91864	1095

Трагедия 1921–1922 годов не была случайной. Засуха и обирание казаков с помощью нереального по своим размерам в

тогдашней ситуации продналога (а методы его сбора мало чем отличались от сбора продразверстки) были причинами той трагедии, которая разыгралась в южных районах бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск. Вывод очевиден: кроме объективных причин голода 1921–1922 годов неизбежно были задействованы и субъективные факторы, заметно осложнившие ситуацию.

Очевидно, что во времена реформ, направленных на изменение способа производства, когда созидательные силы нового, прогрессивного были вынуждены часть своего потенциала тратить на подавления сопротивления уходящих форм хозяйствования, что имело место не только в России, но и в других странах, оказавшихся в подобной ситуации, всегда в первое время наблюдался известный спад производства, вызванный тем, что старые формы и приемы ведения хозяйства начинают утрачивать свою продуктивность, а новые силы еще только развиваются. В этот период любая случайность усиливает свое влияние на прогресс (голод 1921–1922 годов), нередко становясь серьезной преградой для дальнейшего развития. Совокупность подобных случайностей может надолго приостановить процесс реформирования. В то же время, голод 1921–1922 годов одновременно явился мощным стимулом, способствовавшим пересмотру отношения казачества к ведению своего хозяйства, ибо в немалой степени одной из причин голода была экстенсивность казачьего хозяйства, неразвитость и общая отсталость.

Теперь целенаправленная политика советских органов все чаще стала смыкаться со встречным желанием казаков изменить привычную систему земледелия, расширить ассортимент посевных культур, в том числе и технических, развивать товарное садоводство, огородничество, повышать продуктивность животноводства. Только в повышении товарной отдачи хозяйств, а не в регулярной помощи со стороны государства, прослеживалась возможность избежать новых неурожаев и их губительных последствий.

Анализируя причины столь сложного положения в сельском

хозяйстве страны, земорганы вышли с предложением о введении единого сельхозналога и поэтому указом ВЦИК и СНК от 16 марта 1922 года на подотчетный 1922/1923 год был установлен единый сельхозналог вместо существовавших натуральных налогов на продукцию сельского хозяйства⁶². Натуральный налог исчислялся и выражался в единой весовой мере — пуде ржи или пшеницы, как эквиваленте. В силу различной мощности и продуктивности облагаемых дворов размер налога определялся для каждого хозяйства в отдельности и исчислялся по количеству пашни на едока и по урожайности с десятины для данной местности.

В этих целях устанавливалось 11 разрядов по урожайности, от 25 до 75 пудов и более на десятину, и 7 групп хозяйств по количеству пашни на одного едока в хозяйстве. Для установления общей суммы налога, падающей на хозяйство, подесятинная ставка увеличивалась во столько раз, сколько десятин пашни имелось в хозяйстве.

Таблица обложения хозяйств единым налогом выглядела следующим образом:

Размер обложения одной десятины в пудах при урожае:

Пашни в хозяйстве	до 25		25-30		30-35		35-40		40-45		45-50		50-55		55-60		60-65		65-70		70-75	
	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф
До 0,3 десятин на едока		10		10		10		10		30	1	10	1	30	2	10	2	30	3	10	3	30
0,5-1,0		10		10		20	1		1	20	2		2	20	3		3	20	4		4	20
1,0-1,5		30	1	10	1	30	2	10	2	30	3	10	3	30	4	10	4	30	5	30	6	10
1,5-2,0	2		2	20	3		3	20	4		4	20	5		5	20	6		6	20	7	
2,0-3,0	3	20	4		4	20	5		5	20	6		6	20	7		7	20	8		8	20
3,0-4,0	5		5	20	6		6	20	7		7	20	8		8	20	9		9	20	10	
4,0 и более	6	20	7		7	20	8		8	20	9		9	20	10		10	20	11		11	20

Из таблицы видно, что налогообложение носило классовый характер, ибо налог ложился основной тяжестью на середняцкие и зажиточные хозяйства, количество которых и без того сократилось за период голода 1921–1922 года. Надо отметить, что для районов, пострадавших от голода и гражданской войны, куда относились земли бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск, были предоставлены льготы при сборе единого сельхозналога⁶³.

Казачество, на долю которого выпали небывалые для бывшего сословия испытания, имело меньший иммунитет к их преодолению, чем привычное к поборам и постоянной борьбе с трудностями крестьянство. Отсюда и более высокий уровень проявления недовольства. По казачьим поселкам ходили воззвания, в которых однозначно звучали призывы к расправе над коммунистами. «Долой коммунистов. Что ты смотришь, крестьянин, и даешь свой последний хлеб этим деспотам, которые сами не хотят работать» — говорилось в одном из них. В другом автор обращается к односельчанам: «Христиане, посмотрите, что делают эти изверги-нехристи. Долой коммунистов»⁶⁴. Оперативные сводки милиции свидетельствуют о широком размахе движения под лозунгами «Долой поборы», «Да здравствует свободная торговля», «Советы без коммунистов» и т. д. К тому же, казаки испытывали на себе определенное идеологическое давление со стороны советских органов, которые не забыли им участия в колчаковской армии.

Усилились в первые годы Советской власти трения между казачьим населением и крестьянством из-за земли, всплывали старые обиды. По данным Сибревкома у казаков южных районов бывшего СКВ были серьезные конфликты с киргизами (казахами), пытавшихся захватить не только войсковые, но даже надельные, юртовые земли⁶⁵. Казаки, лишённые былого покровительства со стороны верховной власти, вынуждены были подстраиваться под победившую и утвердившуюся политическую систему. Начавшаяся новая экономическая политика, ликвидировавшая грабительскую подразверстку, давала шанс не только на

выживание, но и надежды на поправку хозяйств, их дальнейшее развитие и подъем. В связи с этим пошло на снижение и открытое сопротивление. Если в 1921 году в Сибири действовало 250 повстанческих групп, насчитывавших около 30 тысяч человек в своих рядах, то в 1922 году уже 29, в 1923 — 17, а в январе 1924 года их насчитывалось 4⁶⁶. Казачество вступало в новый этап своей истории, уже не как воинское сословие, а как приравненная к крестьянству группа сельских производителей, сохранявшая часть своих специфичных особенностей быта и способа производства.

Глава 6
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ПО
РЕАЛИЗАЦИИ
НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
НА ТЕРРИТОРИЯХ БЫВШИХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК

События голодного года (лето 1921—лето 1922 гг.) и связанные с этим чрезвычайные меры, на время затормозили развитие рыночных отношений, столь необходимых для пострадавшего сельского хозяйства, в том числе и в казачьих районах. Весна 1923 года выдалась неблагоприятной — в южных районах ощущался недостаток влаги, а в северных посевная затянулась из-за долгого непрорыхления почв. К тому же везде прослеживалась необеспеченность семенным материалом и низкое его качество. В силу этого 1923 год не дал необходимых стартовых условий для резкого подъема казачьих хозяйств на Южном Урале, а в Западной Сибири валовые показатели заметно снизились даже по сравнению с 1922 годом.

Посев, в основном, был произведен на легких для обработки наиболее засоренных и истощенных старопахотных землях, в результате чего всходы оказались слабыми и забитыми сорняками. В степных районах Оренбуржья и юга Челябинской губернии на одну квадратную сажень в отдельных местах приходилось до 70 кустов полыни. 280 — осота, 130 — просянки и 110 кустов задавленных ими пшеницы¹. По некоторым районам только из-за засоренности недобор зерна составил 20 и более процентов².

Повсеместно ощущался недостаток в рабочем скоте, технике, в рабочих руках (в районах, пострадавших от голода наиболее сильно), в агрокультуре. Таковы были стартовые условия, с которых необходимо было поднимать сельское хозяйство в казачьих районах, где вместе с казаками тяготы испытывало и проживавшее вместе с ними в поселках иногороднее население — в основном недавние переселенцы. Тем более удивительным кажется последующий подъем производства по всем сельским

районам, пик которого приходится на 1925 год, когда по основным показателям продуктивность сельского хозяйства достигла уровня 1917 года.

Этого удалось достичь в известной мере благодаря целенаправленной политике советских органов, обеспокоенных неудовлетворительным состоянием сельского хозяйства, тормозившим, в свою очередь, прямо или косвенно дальнейшее развитие всех отраслей промышленности. Трудности с продовольствием для некогда вывозившего в другие территории хлеб и скот региона бывшего Оренбургского казачьего войска (только с территории 2-го и 3-го военных отделов войска в 1916 году было вывезено за пределы 30 миллионов пудов зерна³) были не только последствиями голода, но и проявлением «военного коммунизма». Западносибирский регион, традиционно бывший продовольственным донором страны, смог в целом сохранить свой сельскохозяйственный экономический потенциал.

Подведя итоги и подсчитав убытки, столкнувшись с пассивностью и неумелостью сельского населения в поисках выхода из сложившейся ситуации, местные органы советской власти взяли под контроль не только снабжение станиц семенами, техникой и кредитами, но и занялись активной пропагандой и внедрением передовых, прогрессивных методов земледелия, распространением агротехнических знаний.

Помощь носила ярко выраженный классовый характер, что отражало стратегическую линию партии большевиков на поддержку бедняка как естественного союзника и опору советской власти на селе. Поэтому ее получали в первую очередь маломощные хозяйства, которым выплачивалась компенсация за потери и конфискации в годы гражданской войны, им же оказывалась бесплатная помощь в ремонте сельхозинвентаря или его ремонт производился по низким ценам⁴. В силу того, что недоимки накапливались, в первую очередь, у наименее обеспеченных слоев населения, имевших невысокую мощность хозяйств, Правительство указом от 23 июля 1923 года освободило малоимущих от задолжностей. В газете «Трудовой набат» от 11

августа 1923 года сообщалось о решении государства ликвидировать недоимки: «Крестьяне просили сложить с них недоимки. И крестьянские просьбы о сложении недоимков уже удовлетворены декретом советского правительства от 23 июля сего года. По декрету со всего сельского населения слагаются недоимки по всем натуральным налогам за 1921 год, по налогу 1922 года на молочные продукты и еще по всем семенным ссудам, а также по ссудам, выданным весной 1921 года. Таким образом, все деревенское население освобождается от старых долгов. А беднейшим крестьянам и семьям декрет дает еще и по семенной ссуде»⁵.

В постановлении Оренбургского губисполкома от 9 ноября 1922 года отмечалось, что данную на увеличенный льготный срок скидку в 5% необходимо использовать исключительно для беднейшего населения. В последующих инструкциях было разъяснено, что 6% поступившего из других районов овса и ячменя необходимо распределять только среди бедняков⁶.

Бедняков наделяли лучшей землей, для чего под контролем партийных органов проводилось землеустройство. Советские органы активно практиковали кредитование маломощных хозяйств, что давало возможность последним выжить, не впадая в зависимость от богатых соседей. Причем, по мере укрепления сельского хозяйства в целом, кредит этот возрастал. Если по Челябинскому и Троицкому уездам государственный кредит беднякам на землеустройство в 1925 году был равен 14 тысячам рублей, то в следующем в 1926 году он составил 151482 рубля⁷.

На состоявшемся 30 апреля 1925 года Пленуме ЦК РКП(б) в содокладе С. И. Сырцова «О положении казачества», подчеркивалось, что для скорейшего проведения землеустройства и развития хозяйства казачьим областям предоставлялись государственные ссуды и кредиты. Землеустроительные работы в первую очередь должны производиться для бедняцких хозяйств. В 1925–1926 годах на эти цели было выделено 38% от всей суммы⁸. Задачи Советской власти состояли в скорейшем подъеме на ноги бедных хозяйств, с целью получения от них товарной продукции, в

необходимости снять побыстрее с себя довольно тяжелое бремя по постоянному финансированию убыточных дворов с полуголодным населением. К маломощным относились хозяйства, где посев составлял меньше 1/2 десятины на едока при урожайности до 10 пудов с десятины, а также в хозяйстве имелись всего одна корова и одна лошадь⁹. Специальным постановлением земорганов по Челябинскому округу в 1925 году 25% семенной ссуды распределялось исключительно среди данных дворов и рекомендовалось также снижение для них налога до 12–18% вместо 35%¹⁰.

Политика поддержки Советской властью своего естественного союзника в деревне — бедняка носила последовательный и направленный характер. В частности, в резолюции по докладу Оренбургского губземкома за отчетный 1924–1925 год подчеркивалось, что необходимо ввезти в губернию 300000 пудов озимого семенного зерна для удовлетворения потребностей маломощных хозяйств; возбудить перед Центром ходатайство об отсрочке взимании яровой ссуды за 1923–1924 годы до осени 1925 года, чтобы по выявлении платежеспособности отдельных, более мощных хозяйств, данные долги собрать и отработать в весеннюю ссуду 1925 года, распределяя ее исключительно среди маломощных хозяйств при обязательном участии и поручительстве местных комитетов оказания взаимопомощи (ККОВ). Предлагалось отсрочить уплату задолженности Госсельскладу за взятые в рассрочку машины до осени 1925 года; признать необходимым в обязательном порядке создание местных семенных запасов путем расширения общественных запасек сельскому обществу в размере одной казенной десятины каждым сильным хозяйством. Часть урожая с этих десятин должна была поступить в общественный фонд для оказания помощи нуждающимся¹¹. Из приведенного документа мы видим, что общинные отношения еще довольно сильны в казачьей среде, в частности, круговая порука и взаимопомощь, вполне устраивавшие местные исполнительные органы, ибо с их помощью заметно облегчался сбор продналога и накапливавшихся недоимок.

А они были значительны. По Верхнеуральскому району к 1925 году в зерновом исчислении общая задолженность населения составляла 129213 пуда, 23/2 фунта¹².

Землеустроительные мероприятия 1920 года были только начальным этапом большого земельного передела на казачьих территориях. Количество собственно казачьего населения заметно сократилось, но на когда-то принадлежащие им земли постоянно прибывали переселенцы из России, к тому же земли в собственность требовали себе бывшие арендаторы войсковых земель — иногородние крестьяне. Не только селяне, но и горожане перебирались на пустующие земли и основывали выселки с неоформленным землепользованием. Хозяйства дробились и это тоже требовало правильного землеустройства. По-прежнему преобладали дальнотемелье и чересполосица.

Казачество ранее неохотно шло на выселки — общинные связи держали довольно цепко. Добровольцев выселяться было немного, чаще исход дела решался на Станичном Сборе. Община заботилась о качественном составе населения поселков и старалась избавляться от пьющих и ленивых домохозяев, отправляя их на хутора, подальше от основных казачьих селений. Журнал «Оренбургское казачье хозяйство» сообщал, что в начале века от станицы Ключевской были образованы выселки: Кондратенковский, Сунаминский, Ключевинский, Харлушевский, Лебединский и Погорельский. Земли большей частью на выселках были не лучшие. В заметке говорилось, что «живут они в очень плохих избушках, нет достатка в инвентаре, на правильную разработку своих наделов не хватает сил: нет нужного количества скота и машин. Паровая обработка полей большей частью отсутствует. Земли много сдают в аренду. Своих же полей стараются обработать больше, а на качественную сторону обращают нуль внимания. Пашня настолько засорена молочаем, осотом и другими сорными травами, что трудно сказать, какой хлеб посеян». Далее сообщалось, что «выселковские казаки любят выпивать водку, что они порядочные лентяи, мало заботятся о своих хозяйствах...»¹³.

Теперь же выселки становятся все более распространенной

формой проживания и землепользования — необходимо было запускать в оборот пустующие землю. Первый Верхнеуральский районный съезд Советов созыва 1924 года заслушав доклад по земельной политике, постановил признать необходимость скорейшего проведения в жизнь земельной регистрации и требований Земельного кодекса, точно определяющих границы, размеры и качества угодий землепользования; призвал к скорейшему выделу излишков в наделных землях и производству переделов земель между отдельными дворами в порядке законности и справедливости. Отдельно в Постановлении подчеркивалась необходимость создания выселков и утверждения их земельных размеров: «Подтвердить наивыгоднейший размер землепользования выселков в 5–15 дворов с площадью от 200 до 1000 десятин (для маловодных районов)»¹⁴. По Троицкому уезду межселенному землеустройству подверглось 3239 тысяч десятин, и внутриселенному — 120,6 тысяч десятин земли. По Челябинскому — 709,1 тысяч десятин и 64 тыс. десятин соответственно¹⁵.

В Западной Сибири процесс образования выселков шел интенсивнее, но и здесь казаки менее охотно переселялись на отдаленные от больших поселений земли, чем это делали крестьяне-переселенцы. Казачество Сибири все больше искало другие источники дохода, помимо земледелия, и надобности отделяться от поселков, где развивалась кооперация и промыслы, подпитываемые близостью железной дороги, попросту не было.

Но все же главной задачей местных администраций была не только регулярная, зачастую без дальнейшей отдачи, помощь маломощным хозяйствам, не разрешение постоянно возникавших земельных споров и заселение запущенных за годы войн и голода земельных территорий, а активная пропаганда прогрессивных методов ведения земледелия и скотоводства. В Западной Сибири Сибревком ставил перед селькомами задачи: улучшение угодий, переход к многополью и травосеянию, забота о семенах, ранний взмет паров и вспашка под зябь, забота об инвентаре, сохранение и улучшение животноводства, борьба с сельскохозяйственной

неграмотностью, помощь в обработке земель красноармейцев и маломощным хозяйствам¹⁶. Верхнеуральский Райисполком (РИК) настойчиво советовал сельсоветам, хорошо зная ситуацию на местах, улучшать качество обработки почвы (ранний пар и т. д.), переходить на многопольную систему и принять меры к разведению наиболее засухоустойчивых культур, активно заниматься сортировкой и протравливанием семян, развивать травосеяние, усилить снабжение населения сельхозмашинами и орудиями¹⁷.

В оренбургской газете «Степная правда» как о крупном достижении сообщалось, что 60 человек обучаются на организованных земорганами курсах мелиорации, а коммуны «Красная звезда», «3-й Интернационал» и «Победа» вводят у себя многопольную систему севооборота¹⁸. В другом номере газеты рассказывалось о кукурузе, новой для края культуре, доставленной в Оренбуржье американской ассоциацией помощи голодающим (АРА), помещались рекомендации по ее разведению и возделыванию¹⁹. Интерес селян вызывала рубрика «Крестьянская взаимопомощь», где публиковались советы агрономов, обобщался опыт передовых единоличных и коллективных хозяйств. На страницах газеты появляются призывы отказаться от однобокого ведения хозяйства, ориентированного преимущественно на выращивание зерновых культур, часто страдающих от постоянных засух, а расширять огородничество, которое требует в течении всего лета систематического ухода, что может способствовать сокращению безработицы, продукты же с огорода помогут компенсировать нехватку хлеба²⁰.

Советская власть не только агитировала, но и направляла хозяйства на новые пути, разъясняя полезность нововведений, в первую очередь, для самих казаков. Земорганы создавали опытные показательные участки, через сельсоветы пытались контролировать выполнение постановлений и предложений по улучшению агрокультуры. В 1923 году в Омском уезде в штате содержалось 11 агрономов и 9 инструкторов, действовала селекционная станция, полеводческая и машиноиспытательная станции, а также под контролем находилось Купинское опытное

поле²¹. В Троицком уезде в 1925 году обучали казаков приемам земледелия 12 агрономов, 3 помощника и 3 контролера-ассистента²².

Челябинский губисполком в своем постановлении от 16 ноября 1921 года предлагал начать обработку почвы исходя из советов агрономов и тем самым предохранить поле от засухи и неурожаев, вводить вместо залежи многопольный севооборот и предлагался пятипольный его вариант: 1) пар; 2) озимая рожь со вспашкой и зябь этого клина после уборки ржи; 3) пшеница, ячмень; 4) пропашные корнеплоды, просо, кукуруза, лен и конопля, 5) овес, гречиха, травосеяние. Таким образом каждый предыдущий клин подготавливал почву для будущего года, способствовал восстановлению плодородия земли. Вспашка пара рекомендовалась ранняя, в апреле-мае. При многопольном севообороте, разъяснялось в предложениях, почва с каждым годом получает новые питательные вещества, поддерживается во взрыхленном состоянии, удерживает в себе влагу и дает хорошие урожаи²³.

Введение многопольных севооборотов действительно было решением столь острой в областях рискованного земледелия, куда относились казачьи территории Южного Урала и Западной Сибири, проблемы истощения почвы и подъема урожайности. В резолюции IV губернского съезда Советов Оренбуржья отмечалось, что в основе аграрной работы должны быть положены: пропаганда многопольных севооборотов с травосеянием, широкое распространение черных и ранних паров, развитие полевых и огородных культур, семеноводство, создание государственного семенного фонда губернии, пропаганда расширенного посева озимых, требующих больших затрат труда, но дающих более высокие и стабильные урожаи, чем яровые хлеба, в засушливых зонах края²⁴.

Советские органы старались активно воздействовать на процессы изменения и улучшения сельского хозяйства, разрушать поколениями сложившиеся стереотипы традиционного казачьего способа ведения хозяйства, всячески стремились повысить его

товарную отдачу и продуктивность. Например, в Семипалатинской области закупались породистые лошади, а в западных районах Уральской области — семена клевера для улучшения кормовой базы. Ранее неразвитое травосеяние начинает принимать в отдельных районах, в основном лесостепных, промышленные масштабы²⁵.

Значительно подорванное животноводство требовало особой заботы и все эти меры должны были обеспечить увеличение поголовья рабочего и молочного скота, повышение его продуктивности, в чем конкретно были заинтересованы и единоличные производители и земельные органы, хотя мелкие производители смутно представляли перспективы своего дальнейшего прогресса в рамках ограниченного диктатурой Советской власти рынка, и поэтому инициатива укрепления индивидуального казачьего хозяйства в большей степени принадлежала администрации, чем являлась самодеятельностью самих домохозяев.

Большое внимание уделялось со стороны земорганов мелиорации в южных районах, где были самые низкие урожаи из-за постоянных засух. В тогдашних условиях и при существовавших технологиях, разговор не шел об орошении хлебных полей — в основе проводимой работы лежало водоснабжение садов, огородов и бахчевых плантаций. Для удержания воды в почве насаживались лесополосы. С этой целью строились лесопитомники, организовывались курсы лесоводов.

Отдельной заботой советских органов в первые годы новой экономической политики было снабжение земледельческих районов сельскохозяйственным инвентарем. Площади, переданные под контроль местных земорганов, были обширны. При нехватке рабочих рук, снижении поголовья рабочего скота и залежной системе землепользования ставка на расширение использования машин и сложных орудий была единственно возможным выходом из сложившейся ситуации. Количество же самой техники, имевшейся в руках земледельцев до НЭПа, резко сократилось, что и было причиной низкой урожайности, уменьшения площадей

посева и следовательно, невысоких валовых показателей, что не могло не сказываться на сборе единого сельхозналога, за что все структуры власти несли персональную ответственность. В 1923 году по Омскому округу выработка сельхозмашин составила всего 11 млн. рублей. Для сравнения: в 1926 году, когда ощутились последствия целенаправленной деятельности земорганов на закупку и рационального использования техники, она составила, уже 76 млн. рублей в сопоставимых ценах²⁶. За 1925 год в округ было ввезено машин на 375 тысяч рублей, а уже в последующем, 1926 году — на 750 тысяч рублей. Но и этого для многоземельного края было недостаточно. Если плугами, главными орудиями земледельца, округ в целом был снабжен, то сложных и продуктивных орудий, и машин заметно не хватало: борон, молотилок и жаток имелось только 60% от необходимого. По-прежнему на полях преобладал традиционный для казаков „непродуктивный в основе своей ручной труд.

Правительство уделяло большое внимание подъему сибирского сельского хозяйства и постановлением ЦИК и СНК от 11 января 1924 года «О мерах по облегчению для крестьян покупки сельскохозяйственных орудий» Сибири отпускался дополнительный кредит в 250000 рублей²⁷.

Довольно сложным было положение на Южном Урале. В Троицком округе перед началом НЭПа, в 1920 году имелось у казаков-земледельцев: плугов — 39776, борон — 80865, сеялок — 2319, жнеек — 9420, молотилок — 6726. В 1924 году, на третий год проведения новой экономической политики в крае, мы видим картину заметного снижения сельхозтехники в хозяйствах земледельцев: плугов — 27922 (70,2%), борон — 6383 (79%), сеялок — 1656 (71,4%), жнеек — 5714 (60,66%), молотилок — 2254 (101,7%)²⁸.

Не лучше обстояло дело и в многоземельном Верхнеуральском районе, где поднять значительно валовый сбор зерновых реально возможно было только при расширенном применении сельхозмашин. В решениях сессии Верхнеуральского Совета от 6 декабря 1926 года особо отмечалось, что из-за

отсутствия планомерности в деле снабжения сельхозмашинами и орудиями труда хозяйств и, учитывая нехватку техники, в особенности уборочных машин и запасных деталей к ним, просить ОКРЗУ (окружное земельное управление) решить вопрос о возможности открытия в Верхнеуральске отделения Сельмаша²⁹.

О постоянной нехватке сельхозтехники на полях говорит следующая сводка по Челябинскому округу за 1925 год³⁰

Сельхозтехника	Имеется	Не достает по пашне.
плугов	44130	828
борон	2040	2557
сеялок	1737	6361
сенокосилок	8328	282
молотилок конных	3531	174
триеров	229	66

Аналогичное положение прослеживалось на землях бывшего казачьего войска и в Оренбургской губернии. Здесь на 100 десятин посева приходилось³¹:

Год	Плугов	Борон	Сеялок	Косилок
1923	12,85	22,8	1,7	7,8
1925	9,7	17,1	1,6	1,3
1926	8,1	15,6	1,3	1,3

Потребность в плугах в губернии составляла 2580, в сеялках — 1280, в боронах — 10003, в косилках — 645 штук. Требовалось 2538 сортировальных машин³².

Вышеприведенные цифры свидетельствуют о значительном снижении обеспеченности техникой посевных площадей, что было

вызвано не только нехваткой машин для полевых работ, но и общим увеличением запашки.

Подобное положение было и на других казачьих территориях, опаленных войной. В Ставрополье, на землях кубанских казаков, в голодный 1922 год шла массовая распродажа инвентаря и утилизация его в других целях, не связанных с использованием в сельском хозяйстве. Так, количество плугов на Кубани сократилось на 61,5%, борон — 47,8%, сеялок — 35,9%, веялок — 41,7%³³.

Партийные и подконтрольные им земельные органы Западной Сибири и Южного Урала считали задачу снабжения машинами села одной из главных условий восстановления и дальнейшего функционирования сельского хозяйства. Под их непосредственным контролем находился завоз в губернии и распределение сельскохозяйственных машин и орудий, запасных частей к ним. В тот же Троицкий округ на 1924 год был выделен кредит в сумме 93415 рублей для закупки необходимой техники³⁴. В силу нехватки у населения наличных средств, земорганы старались реализовать продукцию заводов, производящих сельхозинвентарь, через кооперацию, чем добивались и другой поставленной цели — вовлечение в кооперативные объединения наибольшего количества производителей сельскохозяйственной продукции. В Челябинском округе через кооперацию в 1924 году было продано сельхозмашин на сумму 356000 рублей, а в 1925 году — на 415000 рублей³⁵.

Для того, чтобы меньше оставалось незасеянных площадей из-за нехватки рабочего скота, местные органы власти начинают в многоземельных районах открывать прокатные машинные пункты и ремонтные мастерские. Повсеместно организуются финансируемые государством краткосрочные сельскохозяйственные курсы и кружки — только в Троицком округе в 1925 году действовало 83 таких сельхозкружка, в которых занималась 13622 человека³⁶. Было проведено 763 лекции-беседы, на которых присутствовало 19719 слушателей. В 43 библиотеки роздано для сельхозкружков 6019 книг на сумму 510 рублей. При

Нижне-Санарском поселке были организованы краткосрочные курсы с 20 февраля по 3 марта для 26 слушателей. В программе 150 часов уделялось теории, а 160 часов — практике³⁷.

Власти следили за улучшением содержания рабочего скота, который по-прежнему оставался главной движущей силой в поле и подворье. Владельцам скота выделялось по 500 рублей на устройство теплых скотных дворов, что должно было сократить ежегодный падеж скота, вызываемый неблагоприятными условиями содержания.

В результате мероприятий советских местных органов и страха местного населения перед возможным повторением голода ситуация стала меняться к лучшему. В Омском округе площадь посева от 355275 десятин в 1922 го-ду выросла до 385233 десятин в 1924 году и до 462155 десятин в 1925 году. Балльная оценка урожайности также поднялась с 1921 года по 1925 год по культурам: рожь озимая — с 1,4 до 2,3; пшеница — с 1,3 до 2; овес — с 1,3 до 3,2; просо — с 1,8 до 2,1³⁸. По Челябинской губернии посевная площадь выросла в 1923 году до 826642 десятин против 359800 десятин в 1922 году³⁹. В Оренбургской губернии посевная площадь 1924 года составила 426876 десятин, тогда как в предыдущем 1923 году она была всего 335660 десятин⁴⁰.

Кредитование приоритетных направлений развития сельского хозяйства становится все более значительным. Для дальнейшего подъема сельского хозяйства в 1924 году Уралсельбанк выделил 220000 рублей. Из них: 90000 рублей на закупку рабочего скота, по 60000 рублей на развитие маслоделия и клеверосеяния, 10000 рублей на устройство теплых скотных дворов. Было также закуплено 12066 рабочих лошадей, 10000 пудов селекционных материалов, коими было засеяно 160000 десятин. Площади под кормовыми травами увеличились на 200–300%⁴¹. В следующем, 1925 году, Уралоблисполком затратил на приобретение рабочего и племенного скота уже 821000 рублей, на развитие травосеяния — 73100 рублей, на закупку семян — 200000 рублей, на приобретение новых машин — 250000 рублей, на устройство теплых скотных дворов — 300000 рублей⁴².

Потребности в увеличении своих доходов, развитие рыночных и товарных отношений, усилия властей по качественному изменению отношения к ведению хозяйства стали приносить результаты. С 1923 года наблюдается увеличение активности земледельцев, возрастает понимание ими необходимости перемен в обслуживании хозяйств, усиливается дальнейшее вхождение казачьих дворов в рыночные структуры. Казаки все чаще переходят к расширенному севообороту, подъему зяби, сортировке зерна, чаще применяют удобрения.

Исследовавший казачьи хозяйства в 1925 году и обобщивший свои выводы в специальной работе М. Д. Голубых, писал: «Казаки начинают убеждаться, что необходим переход от экстенсивного способа ведения хозяйства к интенсивному, что нет смысла стремиться к увеличению посевной площади без качественного улучшения почвы. В первую очередь, неизбежно придется населению приняться за удобрение своих полей имеющимся навозом и повести борьбу за переход от парово-залежной системы с пестропольным севооборотом к четырехполью с выводным клином, к увеличению травосеяния и технических культур»⁴³.

Сельский труженик (и казаки не составляли исключения) всегда настороженно относился к нововведениям и традиционно являлся консервативной фигурой в системе народного хозяйства страны. Неграмотный и аграрно необразованный производитель сельскохозяйственной продукции не мог предполагать реальных перспектив развития своего будущего и инстинктивно его опасался. Поэтому местные власти держали под постоянным контролем процесс изменений в сельском хозяйстве и постоянно инструктировали сельсоветы, как активизировать дальнейшее распространение агротехнических нововведений в казачьих хозяйствах. Так, на сессии Верхнеуральского Совета от 6 декабря 1926 года признавалось, что увлечение овсяно-пшеничными посевами подрывает в корне бюджет индивидуального хозяйства, а поэтому необходимо страховать его разнообразием культур, вводя в посевную площадь озимую рожь, ячмень, картофель и кормовую свеклу. Признавалось необходимым применять в широких

масштабах снегозадержание на посевах озимой ржи, учитывая их запоздалое, слабое развитие и возможность вымерзания. По району предписывалось дальнейшее образование показательных участков через сельхозкружки, используя для этого школьные участки при обязательном учете прибавки урожая от того или иного технического введения. По-прежнему акцентировалось внимание на борьбу с головней, кобылкой, сорными травами. Для каждого земельного общества это являлось обязательным и фиксировалось приговорами с наложением взыскания за неисполнение⁴⁴.

Как видно из приведенного документа, решения земорганов не носили рекомендательного характера, а подлежали обязательному исполнению, что было продиктовано необходимостью скорейшего подъема и стабилизации сельского хозяйства.

Местным органам власти предлагалось со стороны Райисполкомов в целях сбережения посевов от гибели применять боронование люцерны и вести наблюдение за этой культурой, учитывая важное экономическое значение люцерны в развитии животноводства и полеводства. Предлагалось устраивать конкурсы на выращивание молодняка для распространения племенного скота среди хозяйств. Для улучшения породы рабочих лошадей предлагалось обратить внимание на организацию коневодческих товариществ, используя для этого уже отведенные участки.

Архивные материалы свидетельствуют и о том, что в середине 20-х годов у казачьих хозяйствах все активнее и масштабнее развивается садоводство, бахчеводство и огородничество. Притом не только как путь удовлетворения личных потребностей, но и конкретно с целью производства товарной продукции, что еще раз подтверждает тенденцию к рыночной ориентации хозяйств⁴⁵. Например, если в 1920 году в Оренбуржье под бахчевыми было задействовано 3946,9 десятин, то в 1923 году уже под бахчами было 8131,7 десятин, в 1924 году — 10920,8 десятин, в 1925 году — 12707,6 десятин, в 1926 году — 14161,4 десятин. Общий прирост окультивированных площадей

бахчевых к 1926 году составил 358% по сравнению с 1920 годом⁴⁶. Если раньше казаки не уделяли должного внимания огородным культурам, которые обычно высаживались только для внутренних нужд семьи, то теперь огородничество начинает расширяться, пополняя своими продуктами местные рынки. О расширении огородничества говорит тот факт, что если в той же Оренбургской губернии в 1924 году под огородами было занято 10088,5 десятин, то уже через год, в 1925 году, 12063,1 десятины⁴⁷.

Земельные органы совместно с сельсоветами проводили работу по улучшению пород скота, мелиоративные работы, помогали в выращивании ягодных кустарников и фруктовых деревьев. Чтобы наглядно представить сдвиги в улучшении хозяйств, полученных в результате целенаправленной деятельности местных властей и встречного движения наиболее активных сельских тружеников, можно рассмотреть список премий за успехи в улучшении своих хозяйств в Орском уезде Оренбургской губернии (населенном в основном, казаками) в 1924 году, которые распределяли местные земорганы. Например, сельхозкоммуна «Свободный труд» была награждена за семипольный севооборот, сплошную вспашку под зябь, широкорядный посев сортированным зерном. Дополнительной премией в 20 пудов награждалась она же за улучшение рабочего скота новыми производителями, при чем особо подчеркивалось, что молодняк воспитывался в хозяйстве. С. А. Ушенин получал премию в 30 пудов за опытно-показательное поле, вспашку под зябь, пропашной клин в севообороте. М. А. Кольченко награждался за плодовый питомник, где было 1000 корней яблонь, за посев аниса, кориандра и мяты по 5 десятин. Далее мы видим, что премии присуждались: за улучшение породы лошадей, разведение фруктовых деревьев, вишен, образцовое огородничество и бахчеводство, разведение свиней йоркширской породы, за травосеяние и ранний пар, разведение ягодных садов, выращивание шиповника и малины, за шестипольный севооборот с выводным клином. Всего в списке было 144 награжденных, из них большинство составляли владельцы личных усадеб, но наряду с ними премировались коммуны, артели, сельхозтоварищества⁴⁸.

Премирование, стимулировавшее казаков, взявших в практический оборот новые приемы земледелия, расширявших ассортимент выращиваемых культур, проводилось на всех территориях бывших казачьих войск. В 1925 году Верхнеуральский райисполком выдал поощрительные премии селянам за посев очищенным и протравленным зерном, за расширение посевов лекарственных растений и озимой пшеницы, за улучшение культуры хмельников, плодовых и ягодных садов, за применение в хозяйстве электроэнергии⁴⁹. Примерно по тем же статьям премировали и сибирских казаков, вставших на путь интенсификации своих хозяйств. Например, за хорошее содержание скота премии в 10 рублей каждый получили И. И. Михайлук из поселка Степнинского, И. Г. Ерыкалов, А. В. Захаров, Г. В. Щербаков, Е. И. Сальников из поселка Мельничий. Премии за испытание семян, также в размере 10 рублей, получили А. А. Ливанов (поселок Ново-Атамановский), И. М. Дьяков (поселок Покровско-Иртышский), А. П. Гутев (поселок Черемуховский)⁵⁰. А вот Н. Ф. Штанину, жителю бывшей Омской станицы, который в условиях Сибири смог вырастить виноград и южные, незимостойкие сорта яблонь, было указано: «Вне всякого сомнения, что эта опытно-исследовательская работа с заведением сортов винограда и яблонь, не принесет дохода хозяйству, к тому же требует чрезмерных затрат средств и сил»⁵¹.

И все же приведенные свидетельства как нельзя лучше говорят о сдвигах в сознании и деятельности казаков-земледельцев, поиске ими путей увеличения доходности своих дворов, разрушении общинной скованности и проявлении самостоятельности, овладении передовыми хозяйствами разнообразным арсеналом новых приемов ведения сельского хозяйства.

С большим трудом, но от года к году все рельефней, стали вырисовываться тенденции к модернизации. В экономической жизни казачьих хозяйств в 20-годы прослеживаются заметные изменения, появившиеся вследствие проведения новой экономической политики Советской власти. Наряду с рыночными структурами формировался социалистический сектор хозяйства при значительной поддержке его со стороны государства. Но

построение нового общества не ограничивается только изменениями в экономической сфере — необходимо было внести перелом в общественное сознание, воспитать работника нового типа, соответствующего условиям функционирования планово-распределительной экономики.

Годы гражданской войны и последующий голод 1921–1922 годов нанесли серьезный удар образовательному процессу и культурному строительству на казачьих территориях бывших ОКВ и СКВ, но уже в годы новой экономической политики Советская власть повела по мере имевшихся возможностей борьбу с безграмотностью, за обучение новым, передовым приемам земледелия, за утверждение новых идеологических стереотипов.

Накопленный человечеством в результате социальных и промышленных революций опыт учит, что сложнее всего поддается перестройке не хозяйственный организм общества, а общественное сознание, и что в сфере идеологии проявляются наиболее сложные, а зачастую неразрешимые проблемы. Проблема выработки нового мышления на базе формирующихся социалистических производственных отношений по замыслу большевистской власти должна была решаться параллельно с реализацией хозяйственных планов новой экономической политики, а впоследствии планов первых пятилеток. Но если в городе в первые годы Советской власти утверждение новых приоритетов проходило в довольно сложных формах, выливаясь во внутривластные споры, в столкновение литературных течений и т. д., то для деревни необходимо было решить прежде всего главный вопрос: преодолеть элементарную неграмотность и необразованность сельского населения.

В этом отношении жители казачьих станиц были в несколько более выгодном положении — уровень грамотности до революции здесь был заметно выше, чем среди крестьянства, вследствие последовательной политики войскового руководства. Полной грамотности, однако, не было и здесь. Поэтому вопрос обучения грамоте не был последним в казачьих районах, так как переход к новым формам хозяйствования требовал грамотного исполнителя.

К тому же знание грамоты облегчало доступ к печатным средствам массовой информации, в данном случае к советской и партийной печати, пропагандировавшей социалистический образ жизни.

Главным центром агитации и пропаганды на селе в это время становится изба-читальня. Можно было бы упрощенно сравнить ее с современным клубом или дворцом культуры, но функции избы-читальни были гораздо шире. Например, изба-читальня при Грязнушенском сельсовете Кизильского района кроме непосредственной читки газет (а было еще подразделение на тихо-и громкочитальни: для грамотных и неграмотных) занималась также ликвидацией неграмотности, здесь постоянно проводились заезжими лекторами лекции по международному положению, а также по земельным вопросам, санитарии, гигиене⁵².

При избе-читальне выпускались стенгазеты, была библиотека, ставились спектакли силами местных драмкружков. Спектакли шли в основном революционные, «хотя в отношении уровня самих постановок дело еще слабое»⁵³. В инструкции, распространенной Омским губотделом, избачам рекомендовалось проводить читку газет не менее 3 раз в неделю, организовывать «справочные столы», выпускать «устные газеты», организовывать вечера, где в программе стояло: доклад, устная газета, спектакль, пение, декламация. Библиотека должна была насчитывать не менее 100–200 книг, где упор делался на изучение марксизма и политграмоты⁵⁴. Эта политическая библиотека постоянно обновлялась — в 1925 году из библиотек при избах-читальнях были изъяты все книги 1921–1923 гг. издания⁵⁵. Кроме того на избу приходило минимум 3–5 газет для читки и 2 журнала⁵⁶.

Изба-читальня отвечала за проведение советских праздников, многие из которых сегодня уже забыты. Например; 18 марта — день МОПРа, 12 марта — день свержения царизма, день освобождения от Колчака и т. д. Большая работа проводилась по изменению положения женщины в семье и обществе. К 8 марта драмколлектив при избе-читальне готовил агитпостановку, существовал уголок женщины-казачки (крестьянки), уголок матери

и ребенка, куда приглашались из райцентра фельдшера и акушерки, проводился цикл бесед: «Женщина и кооперация», «Женщина в Советах», «Женщина и советское законодательство».

По-прежнему большой проблемой для земледелия в казачьих районах была низкая продуктивность пахотных земель. Последствия голода 1921–1922 годов заставили активизировать деятельность советских земорганов по расширению агротехнических знаний у населения. Поэтому отдельной заботой у сельсоветов были сельхозкружки при избах-читальнях. В Кизильском районе они наиболее активно действовали в Обручевском, Кизильском и Амурском поселках⁵⁷. В Омском уезде действовало около 100 сельхозкружков и из них 30 только по изучению основ кооперации⁵⁸. Названия кружков говорят сами за себя: «Ручная и машинная обработка», «Сельскохозяйственные машины». «Использование кредита на получение машины», «Государственная, кооперативная и частная торговля», «Излишки крестьянского хозяйства и их сбыт», «Трехполье и многополье», «Почва и ее обработка», «Отчего бывает засуха и как с ней бороться»⁵⁹. Занятия в кружках носили не добровольный, а обязательный характер. На занятиях поднимались вопросы о парах, травосеянии, борьбе с сорняками и кобылкой, о пользе лесополос для задержания влаги на полях и т. д.

Кроме того, на избы-читальни всей своей тяжестью ложилась очередная выборная кампания, подписка на периодические издания, организация военных кружков и соревнований (хотя они не шли ни в какое сравнение с дореволюционным военным обучением казаков), работа по вовлечению в кооперацию, атеистическая пропаганда (к примеру: кружок «Безбожник» при Грязнушенском сельсовете), кружок селькоров, борьба с хулиганством и пьянством (на уровне разъяснительной работы), справочная работа и доведение до населения содержания новых законов и постановлений. Один только этот перечень говорит о той роли, которую должна была играть изба-читальня в станицах и поселках в первые годы Советской власти

Но полной реальной отдачи от работы изб-читален было

добиться сложно. Одной из главных причин этого была нехватка средств. В Омском уезде годовой бюджет избы составлял 387,7 рубля, а месячная зарплата — 19 р. 22 коп., что заставляло всех избачей искать приработки. Уровень образования избачей по уезду был невысоким: высшее — 1%, среднее — 14%, начальное — 34%, совпартшколы — 15%. Остальные избачи были без образования⁶⁰. В отчете отдела народного образования сообщалось, что более половины изб-читален не были отремонтированы, и работу в них нельзя было проводить. Были случаи (Коршлевский РИК) когда избач каждый вечер бегал «занимать лампу для работы в сельсовет»⁶¹. Некоторые райисполкомы (РИКи) пытались на лето сокращать избачей. Для сельсоветов эти, не приносящие дохода и требовавшие расходов, заведения были в тягость и от них избавлялись в первую очередь во время тяжелых испытаний; если на январь 1922 года по уезду было 1042 избы-читальни, то в январе 1923 года — всего 8. Библиотек — 305 и 82 соответственно⁶².

Не лучше обстояло дело в казачьих районах на Южном Урале. В отчете за 1925 год по Кизильскому району отмечалось, что текучесть среди избачей является по-прежнему высокой, что объясняется тяжелым материальным положением избачей, отсутствием живого и письменного руководства⁶³. То есть, выполнение возложенных на избы-читальню функций не подкреплялось конкретной помощью, в первую очередь, материальной. Избы-читальни содержались за счет местного бюджета и общественных запасок (редко больше 3-х десятин)⁶⁴, поэтому материальное обеспечение, как самих идеологических центров, так и их сотрудников, оставляло желать лучшего. Если ставка учителя в районе в 1925 году была 31 рубль, то у избача — 21 рубль в месяц⁶⁵. К тому же на избача ложилась и вся хозяйственная работа — ремонт, заготовка дров, отопление и т. д.

В докладной записке отдела образования при Оренбургском губиспол-коме сообщалось, что «центром культурной работы становится город, ибо деревня не может выносить материальных тягот, сопряженных с деятельностью культурно-просветительных

учреждений, если последней пытаются придать современное состояние... Средства парализуют всякие попытки к рациональной постановке клубной работы. Клубы обратились в места театральной халтуры. Нужны постоянные руководители, труд которых оплачивать нечем»⁶⁶.

Трудности в работе изб-читален в немалой степени объяснялись и настороженностью, недоверием со стороны казаков, значительная часть которых служила у Колчака. Отсюда и невысокий процент участия казачьего населения в выборной кампании — до 40% от общего числа избирателей в лучшем случае. Осенью 1924 года в результате неявки избирателей Омский губком проводил повторные выборы. То же произошло и в Оренбуржье, в тех местах, где явка избирателей была меньше 35%⁶⁸.

Тем не менее, избы-читальни, несмотря на то, что они находились не при всех сельсоветах (в Троицком округе на 154 сельсовета приходилось 76 изб-читален, а в Челябинском округе на 192 сельсовета — 95⁶⁹. В Западной Сибири одна изба-читальня приходилась на 6600 жителей, тогда как по РСФСР — на 550)⁷⁰, сыграли определенную роль как в пропаганде; советского образа жизни, так и в подъеме общего производственного и культурного уровня казачьего населения Южного Урала и Западной Сибири.

Что же касается системы школьного образования, то повсеместно наблюдалось снижение уровня грамотности и посещаемости школ, что также в немалой степени объяснялось тяжелым положением народного образования в материальном плане. К тому же после разрушения старой (для казаков обязательной) системы обучения определенная часть населения посчитала обучение грамоте для себя ненужной. В 1923 году в Омской губернии действовало 338 ликпунктов, где обучалось всего 10480 человек — 4% от всех неграмотных, Всего на 1924 год в Омской губернии насчитывалось 257774 неграмотных⁷¹. На школу в среднем приходилось по 2 учителя и 52 ученика⁷².

По казачьим поселкам бывшего Оренбургского казачьего войска, ранее отличавшихся своей грамотностью, посещение школ

детьми школьного возраста составляло в среднем около 40%, а в отдельных поселках еще ниже. На 1 января 1925 года в Троицком округе из 40846 детей в возрасте от 8 до 11 лет в школу ходило 18500 детей, по Челябинскому округу — 27621 из 54883⁷³. По Западной Сибири охват детей в школах сельской местности составлял 27,8%⁷⁴.

Так же как и избы-читальни, поселковые школы содержались за счет местных бюджетов и общественных записок, редко превышавших 3-х десятин на школу. Некоторые сельсоветы из-за нехватки средств и учителей не имели вообще школ, как, например, Ново-Замotoхинский сельсовет Верхнеуральского района.

Отношение к Советской власти у казачьего населения было неоднозначным. В докладных записках с мест сообщалось: «Необходимо отметить, что казачество является более аккуратным исполнителем всех распоряжений правительства, в силу традиций как военного сословия, пропитанного военной дисциплиной. В то же время наблюдается желание обособиться в отдельную территорию, создать свое правление, создать отдельные; военные казачьи части»⁷⁵.

У большинства казаков проводимая советской администрацией политика вызывала недоверие и разочарование, к тому же моральный облик отдельных представителей советской власти зачастую был далек от идеала. В отчете Ново-Замotoхинского сельсовета за 1926 год указывалось: «Политически масса вообще не воспитана. Люди недовольны тем, что ведется слабая борьба с ворами, которых желательно присуждать к расстрелу. Недовольствуют на повышение налога, на слабое наказание провинившихся коммунистов, а также на то, что рабочих, мол, обеспечивают, а крестьян предоставили самим себе»⁷⁶.

Как прослеживается из приведенных документов, недовольство казаков имело под собой вполне объяснимые основания, потому что беспомощность и непоследовательность советских органов сами подпитывали эти настроения и избы-читальни с их длинным перечнем обязательных политических мероприятий этому не могли помешать.

В области земельных отношений наблюдалось недовольство казачества по поводу «отрезки лучших земель без согласия казаков крестьянскому населению, проживающему вблизи казачьих поселков, что понимается как игнорирование их (казаков) экономических интересов»⁷⁷.

Анализируя приведенные документы и архивные данные, можно заключить, что в период первой половины 20-х годов основные усилия советских органов на местах были направлены на подъем и укрепление мелкотоварного единоличного хозяйства, внедрение в традиционное казачье земледелие новых приемов агрономии, улучшение материальной базы сельского производителя. Прослеживается даже определенная зависимость привыкших ранее решать административными методами поставленные задачи земорганов от этого самого, мелкого производителя, потому что коллективные производственные объединения не были в состоянии вносить хоть сколько-нибудь значимую долю в валовую продукцию села. Повсеместная борьба за повышение отдачи с засеянной десятины велась многопланово, стимулирующие методы в эти годы преобладали над принудительными, широкая пропаганда и агитация сочетались с конкретной работой по обучению новым приемам аграрного дела — сельхозкурсы, опытные участки и т.д.

Заметные сдвиги в преодолении консерватизма в ведении хозяйства, в выращивании новых культур, в разведении улучшенных пород скота, придание скотоводству и огородничеству товарности в немалой степени явились результатом деятельности советских руководящих и исполнительных органов как на местах, так и на уровне районов и губерний.

В то же время, параллельно с сознательной деятельностью советских властей, направленной на возрождение и укрепление сельского хозяйства, действовали стихийно утверждавшиеся в казачьей среде рыночные законы и рыночные структуры, чье воздействие проявлялось в экономическом принуждении земледельцев к активному пересмотру своего отношения к традиционному воззрению на ведение хозяйства. Встречное движение дало свои результаты.

ИЗМЕНЕНИЕ В АГРОКУЛЬТУРЕ И ТРАДИЦИОННОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА

Казачье станичное общество всегда имело значительное количество земли в своем владении и могло себе позволить выделять довольно крупные земельные наделы для каждого общинника, обеспечивая ему относительное безбедное существование. Казак был освобожден от большинства налогов, которые выплачивало крестьянское население страны. Большинство организационных и других расходов брало на себя Войсковое Правление, которое их покрывало в немалой степени за счет сдачи в аренду обширных запасных земель. Обилие земли вносило стабильность и некоторую успокоенность в экономическую жизнь казачьего общества. Практически натуральный тип ведения хозяйства, некоторая изолированность от внешнего мира, относительная сытость не стимулировали развития экономического потенциала казачьего двора и производственных отношений как внутри казачьей общины, так и за ее пределами. Гарантированный материальный достаток плюс жесткая регламентация поведения рядовых казаков со стороны Станичного Общества как в быту, так и в сфере хозяйственных инициатив, порождали неактивность, лень, общую пассивность казаков в политике и экономической жизни страны. Такое положение было характерным для XIX века, пока разбуженное реформами Александра Второго российское общество, заметно отстававшее от европейских эталонов, не пришло в движение.

Общее удорожание тех видов промышленных товаров, которые казаки вынуждены были использовать в своем хозяйстве, повысившиеся расходы на справу и строевых коней заставили жителей станиц и поселков расширять посевные площади, искать дополнительные источники увеличения своих доходов. Надо учитывать и тот факт, что будучи относительно грамотными, казаки имели доступ к периодической печати и имели больший кругозор, чем крестьянство, что не могло не повлиять на

формирование нового, более высокого уровня потребностей и эти потребности требовали также дополнительных затрат на их удовлетворение.

Но даже незначительное расширение товарной массы сельхозпродукции, которую казаки могли направить на рынок, сталкивалось постоянно с резко возросшим товарооборотом из хозяйств крестьян, поселившихся рядом с казачьими территориями или арендовавших войсковые земли, и живших в одних поселках с казачьим населением. Благодаря более бережному и рациональному отношению к земле, благодаря применению передовых методов, машин и удобрений, благодаря тому, что крестьянство не было обременено службой и имело значительно больше времени для занятия хозяйством, крестьяне-земледельцы снижали себестоимость своей продукции и постоянно увеличивали ее товарность. Особенно сильно эта конкуренция ощущалась в Сибири, где собственно казачьего населения было меньше, чем крестьян-переселенцев. Здесь активнее развивались казачья кооперация, активнее шел переход к многополью и выращиванию технических культур. Близость Транссибирской магистрали облегчала проблему сбыта товарной продукции сельского хозяйства. Очень активно развивалась аренда, приносящая большие доходы в станичные и войсковой капиталы. Земли сдавались не только под посев, но и под заводы и фабрики, под разработку полезных ископаемых, под жилые строения, сады и огороды. Например, в 1915 году Сибирское казачье войско от арендных статей имело: аренда земельных участков (1354863 десятины) — 568815 рублей, 19 копеек, аренда под строения — 10040 рублей 81 копейка, аренда под добычу ископаемых — 2231 рубль, 71 копейка, рыболовные статьи (сдача водоемов под рыбный промысел) — 7955 рублей 19 копеек¹. Примерно теми же статьями подпитывались станичные капиталы.

На Южном Урале казаков было значительно больше, особенно во 2-м военном отделе Оренбургского казачьего войска, и проживали они компактно. Здесь рыночные общения развивались медленнее, к тому же южная часть территории была подвержена

частым засухам, находилась в зоне рискованного земледелия. Переселенцы старались искать себе более благоприятные условия — плодородные земли с устойчиво-влажным и теплым климатом и поэтому процент крестьян в казачьих районах (преимущественно южных) был меньше, чем в Сибири. Тем не менее и здесь товарные отношения становились реальностью и казаки старались вносить изменения в привычный способ производства с целью повышения продуктивности своих хозяйств. Развивались арендные отношения. Только за добычу золота на территории войска (2-й отдел: долина реки Уй с притоками, реки Гумбейка и Зингейка и т. д.) в войсковой капитал ежегодно из Государственного казначейства перечислялось по сто пятьдесят тысяч рублей ассигнациями в год².

Войсковые Правления, имея в своем распоряжении целый штат специальных отделов, старались всячески содействовать подъему продуктивности посевных площадей и скота, имевшегося у казаков. С большим трудом, наталкиваясь на неумелость и нежелание со стороны самих казаков-земледельцев, войсковые агрономические службы смогли сдвинуть дело с мертвой точки. В немалой степени тому помогло встречное движение отдельных хозяйств, не имевших возможностей или не желавших обеспечивать свои потребности за счет привычного способа земледелия.

Гражданская война на время затормозила процесс реформирования казачьего хозяйства, а в годы «военного коммунизма» оно окончательно пришло в упадок. Положение усугубил голод 1921–1922 годов и только с 1923 года мы прослеживаем подъем сельского хозяйства на казачьих территориях, вызванный в немалой степени стараниями местных советских, партийных и земельных органов. Консерватизм традиционного общинного способа производства постепенно отступал под напором требований времени и простого желания казачьего населения улучшить свое благосостояния, не допустить повторения страшных уроков прошедшего голода. Новая экономическая политика расширила возможности укрепления

хозяйств и повышения их доходности, разрешила снова, запрещенные в годы «военного коммунизма», аренду всех уровней (земли, инвентаря, рабочего скота) и найм рабочей силы, скота и техники.

Очень остро стоял на селе вопрос снабжения техникой, в первую очередь, сложной и дорогостоящей. Увеличение количества техники в поселках повышало и продуктивность и валовый сбор зерновых и технических культур. Сельский производитель начинал понимать, что на базе использования только ручного труда и бедности не выбраться, за требованиями новых экономических направлений не угнаться.

Уже в 1924 году новая экономическая политика смогла преодолеть стартовые трудности (голод, сложности перехода от политики «военного коммунизма» к товарно-денежным формам, последствия продразверстки, дефицит сырья и продовольствия), и процесс дальнейшего переустройства села приобрел динамику. Растет количество техники на полях земледельцев, о чем свидетельствует таблица данных по Уралобласти³:

Сельскохозяйственный инвентарь	1920 год (тыс.шт)	1926 год (тыс.шт.)
Сабаны	490,6	527,1
Плуги	238,6	438,9
Бороны	1187,7	1256,5
Сеялки	20,3	26,5
Сенокосилки	268	319
Вейлки	820	960

Мы видим, по данным этой таблицы, что к 1926 году количество орудий и техники неуклонно увеличивается. Если по боронам это увеличение составило 5,7%, то по плугам даже 83,9%.

Закупки сельхозинвентаря носили систематический характер. В Троицкий округ было ввезено машин на сумму в 281651 рубль. Из них 71% составляли сложные уборочные машины, необходимость в которых в многоземельном районе была довольно высока⁴. По Омской губернии количество сельскохозяйственной

техники в 1926 году по сравнению с 1916 годом удвоилась⁵.

На Урале хозяйства наличными или через кредитные структуры в 1926 году закупили сельхозинвентаря на 5,8 млн. рублей, а в следующем, 1927 году, эта сумма достигла 69,9 млн. рублей, притом основная масса инвентаря была закуплена в южных и лесостепных районах⁶. В Омской губернии в 1923/24 гг. только через систему потребителей кооперации было продано 365 плугов и 164 сельхозмашин⁷.

Наиболее сложную и дорогостоящую технику сосредоточили в своих руках зажиточные хозяйства. Так, например, зажиточный казак Захаров Григорий Игнатьевич из поселка Тимофеевского Еткульской станицы в 1925 году имел сельхозинвентаря на сумму в 540 рублей 70 копеек и еще потратил на его ремонт и приобретение новых орудий и машин 135 рублей. Для сравнения: Алексей Артемьевич Захаров, середняк, имел инвентаря только на сумму 63 рубля 75 копеек, а на ремонт и починку израсходовал всего 8 рублей 50 копеек⁸. Зажиточные хозяйства к середине 20-х годов значительно увеличили найм рабочей силы и расширили аренду.

Аренда, запрещенная в годы «военного коммунизма» и разрешенная при новой экономической политике, должна была исправить негативные последствия уравнительного распределения земли, когда земельные наделы распределяли не учитывая мощности хозяйств, естественных потребностей и желания новых хозяев с полной отдачей использовать полученные от новой власти земли. По своему классовому содержанию аренда представляет одну из форм получения нетрудовых доходов, что и вызывало неоднозначное к ней отношение со стороны большевиков. Рост арендных договоров напрямую вызывал увеличение товарной массы сельскохозяйственной продукции, способствовал вовлечению в русло производственной хозяйственной жизни большого количества пустующих земель, позволял более полно использовать имеющийся потенциал сельхозинвентаря. В то же время, арендные отношения усложняли отношения в поселках, способствовали дальнейшему расслоению казачьего населения.

В расширении аренды были заинтересованы земорганы, которые отвечали за увеличение валовых сборов и интенсификацию сельскохозяйственного производства. Аренда поощрялась со стороны советских органов еще и в силу того, что увеличилась налоговые поступления в местные и государственный бюджет. В Верхнеуральском районе, в 1924 году от сдачи в аренду 12619,5 десятин было получено 5137 рублей 94 копейки⁹. На следующий год, 1925-й, в аренду было сдано большее количество площадей: залога — 1075 десятин, пашни — 2757 десятин, сенокоса — 3201 десятина, выгона — 1598 десятин на общую сумму 7835 рублей¹⁰. В 1926 году в Оренбургской губернии среди хозяйств, засевавших от 3-х до 4-х десятин, арендовали землю 16,03% дворов, а в хозяйствах, имевших посев свыше 16 десятин, брали в аренду землю 66,4%¹¹. В целом по Оренбургской губернии в 1925 году арендовали землю 11,88% всех хозяйств, а в 1926 году — уже 19,62%¹².

Известны случаи, когда в аренду зажиточными, крепкими хозяевами брались земли разорившихся коммун и совхозов. Например, в 1925 году братьями Муртазиными был взят в аренду на 10 лет совхоз Ташказганский. Было взято: пашни — 168 десятин, лугов — 8 десятин, неудобной земли — 31 десятина, построек — 26, кожевенный завод, кузницу, 12 коров и 5 лошадей. Арендная плата должна была осуществляться пшеницей, а для установления размеров платы создавалась специальная комиссия. Муртазины ежегодно должны были выделять для Уземуправления бесплатно 50 кож крупного рогатого скота. Все государственные повинности (натуралог, гужевая повинность и т. д.) арендатор должен был выполнять наравне со всеми — в счет аренды они не входили. Особо было оговорено, что пахотные земли должны использоваться арендатором путем введения правильного севооборота: пар, озимь, пропашной клин, ярь, выводной клин с посевом многолетних трав. Пар обязательно должен был удобряться навозом, а во втором клину, в случае необходимости, допускалась замена озими посевом яровой пшеницы. Выплата аренды предусматривалась по восходящей линии: 1-й год — 50000

рублей в ценах 1922 года, 2-й год — 200 пудов хлеба, с 3-го по 7-й годы — по 300 пудов хлеба, с 8-го по 10-й — 320 пудов¹³.

Количественное увеличение арендуемой земли свидетельствует о том, что казачество, в первую очередь, крепкие, зажиточные слои поверили к 1925 году в необратимость реформ, твердо взяли курс на увеличение товарности своих хозяйств.

Соответственно увеличивался и найм рабочей силы, рабочего скота и сельхозинвентаря. Отношение к найму рабочей силы со стороны советских структур было настороженным — боялись возрождения масштабной эксплуатации человека человеком, против чего боролись с 1917 года на уровне официальной политической установки. К тому же условия найма, часто не подкрепленные трудовыми договорами, носили в отдельных случаях ярко выраженный кабальный характер и масштабы скрытой эксплуатации были значительными. Поэтому партийные структуры наряду с сельсоветом старались по возможности контролировать процесс. Например, Верхнеуральский сельхозсовет следил за тем, чтобы найм пастухов проходил только через союз сельскохозяйственных рабочих¹⁴.

Расширенный найм соответствовал расширяющейся аренде площадей. Его увеличение в годы НЭПа было реальностью и необходимостью, ибо крупные засеивщики просто не укладывались в сжатые сроки сева и уборки с имевшимися у них земельными наделами или техникой. Попробуем проследить динамику увеличения найма рабочей силы по Оренбургской губернии¹⁵:

Год	Процент нанимающих хозяйств	Количество дворов
1924	3,08%	2747
1925	3,51%	3297
1926	3,59%	5457

Мы видим, что количество хозяйств, которым не хватает работников при наличии возможности последующей с ними расплаты, неуклонно растет. Причем с 1925 по 1926 годы скачок составил свыше 65%.

Развитие рыночных структур в казачьем хозяйстве носило двусторонний характер: одни арендовали и нанимали, другие сдавали землю и нанимались. Процент нанимавших и нанимавшихся напрямую был связан с мощностью самих хозяйств. Уже приводимый в качестве примера зажиточный казак Захаров Григорий Игнатьевич на найм рабочих в 1925 году 64 рубля 10 копеек (семья состояла из 11 человек, из которых 8 были старше 20 лет), а казак Захаров Алексей Артемьевич (средняк) на аренду инвентаря и найм рабочей силы (семья состояла из 7 человек) потратил 37 рублей 80 копеек¹⁶.

Попробуем проследить уровень найма и аренды в Орском уезде в соответствии с мощностью хозяев (по посеву) из следующей таблицы¹⁷:

Площадь посева	Кол-во дворов	Найм	%	Аренда	%	Сдавали в аренд	%	Нанимались	%
Без пос.-0,1 д	4285	1	0,002	-	-	415	9,7	519	12,1
0,1-1,09 д.	6983	9	0,013	43	0,6	747	10,7	1231	17,6
1,01-2,09 д.	11130	10	0,09	111	0,1	1195	10,7	2455	22
2,01-3,09 д.	12154	57	0,47	122	1	1182	9,7	2374	19,5
3,1-4,09 д.	11256	39	0,3	135	1,2	753	6,7	1822	16,2
4,1-6,09 д.	16990	75	0,44	281	1,66	881	5,2	2326	13,7
6,1-8,01 д.	10478	177	1,7	443	4,2	530	5	1776	16,95
8,1-10,1 д.	6976	113	1,6	262	3,7	261	3,7	1002	14,3
10,1-16,1 д.	9889	289	2,9	744	7,5	320	3,2	1747	17,6
16,1-20,1 д.	2682	107	4	228	8,5	90	3,35	435	16,2
20,1-30,1 д.	2264	119	5,2	248	11	44	1,9	351	15,5
30,1-50,0 д.	603	30	4,9	79	13,1	10	1,65	78	12,9

При анализе приведенных данных мы видим, что среди хозяйств засевавших до 4-х десятин или не имевших посева совсем, средний процент найма рабочей силы совсем незначителен: 0,175% от всех хозяйств. Несколько большим является процент взятия земли в аренду: 0,58%. Зато в аренду свои земли сдавали 9,5% и нанимались 17,5%. Среди хозяйств имевших от 4 до 10 десятин

посева, которые можно условно отнести к середняцким, найм работников заметно выше — 1,24%. Арендовали землю 3,18%. А вот сдавали своих земель в аренду меньше — 4,63%. Нанимались тоже меньше — в хозяйствах нужны были рабочие руки: 15%. Наиболее высоким процент найма, что вполне естественно, имели хозяйства, засевавшие свыше 10 десятин, то есть зажиточные — 4,25%. Они же больше арендовали землю — 10,02%. Они же, имея излишки земель, сдавали их в аренду, но меньше, чем другие посевные группы — 2,5%. Что касается найма, то в этих хозяйствах сдача в найм инвентаря и рабочего скота превалировала над сдачей в найм рабочей силы, хотя и это имело место: зажиточные семьи, как правило, были многочисленными. По этой группе хозяйств процент сдаваемого в найм был 15,5%.

Аренда и найм в целом способствовали увеличению посевных площадей и общей товарности сельского хозяйства. Они же значительно повышали уровень доходов населения. Увеличению доходности хозяйств способствовало и уменьшение доли налогов в бюджетах сельских производителей, что также стимулировало развитие товарного производства. Если в 1923 году налоги составляли 15% от бюджета семьи, то в 1924 году они уже равнялись 11%, а в 1925 году — 6%.

Развитие арендных отношений в этот период стимулировало само государство, что соответствовало объявленному в 1925 году курсу «Лицом к деревне!». Данное направление сельскохозяйственной политики, выраженное в лозунге Н. Бухарина: «Обогащайтесь!»¹⁸, было кратковременным, охватившем в целом 1925–1926 гг., но именно в этот период развитие аренды и найма всех уровней достигает своего апогея и приносит заметные результаты. «С помощью аренды к 1926 году на Урале было восстановлено 27% от общего прироста площадей», — подчеркивает известный исследователь советской доколхозной деревни В. П. Данилов¹⁹.

Но вместе с тем, хотя расширение найма (особенно найма рабочего скота) и увеличило посевные площади, надо отметить, что это зачастую отрицательно сказывалось на качестве полевых

работ, ибо наемный работник работал с оглядкой, торопился — надо успеть еще и свой надел обработать, а при найме рабочего скота лошади предоставлялись, обычно, после завершения собственных полевых работ — упускались сроки.

Для традиционного казачьего способа земледелия не было принято возделывать озимые. При экстенсивной форме земледелия посев озимых не был выгоден казачьему хозяйству и имел ничтожный процент в общем объеме зерновых, а то и вовсе отсутствовал. Пахота под озимые в среднем требовала 4,3 дня труда работника и использования рабочей лошади в течение 5,5 дней. На дальнейшее боронование уходило 1,6 дня у работника и 2,1 дня использования лошади, уборка — 2,5 дня работника на косьбу и столько же на вязку снопов, перевоз снопов — 2,8 дня работника и 2,1 лошади. На весь цикл работ, связанных с десятиной озимых хлебов, казак затрачивал 15 дней работы лошади и 29,7 дня работы взрослого мужчины.

Яровые хлеба были легче и проще в производстве, зато не столь надежны и урожайны, как озимые. На полную обработку десятины яровых хлебов уходило 12,2 дня работы лошади и 23,2 дня работы работника (подсчеты В. П. Данилова).

Мы видим, что в годы НЭПа неуклонно увеличивается посев озимой ржи в казачьих хозяйствах и это еще не раз говорит об изменениях в привычном для казаков подходе к возделыванию земли. Ранее непопулярная, в силу перечисленных причин, культура после испытаний голодом получила повсеместно самое широкое распространение. По Омскому округу: в 1920 году — 4958 десятин, в 1921 году — 5399 десятин, но уже с 1922 года — 13422 десятины, 1923 год — 45982, 1924 год — 98887, 1925 год — 93799 десятин²⁰.

По Омскому уезду в 1922 году посевы озимых составили 148,9% от уровня 1917 года (100%)²¹. В 1923 году посев озимой ржи по уезду составил 18711 десятин, а в 1924 году — 45455 десятин: рост более, чем в два с половиной раза²².

По Южному Уралу положение также изменилось в сторону увеличения озими. Если в 1920 году посев озимой ржи составлял в целом 5% от всех засеянных площадей, то в 1925 году 14%²³. По

засушливому Троицкому округу рост озимых составил с 0,5% до 2,7% в 1922 году²⁴. Наглядней данную тенденцию можно проследить на примере конкретных казачьих станиц. Станицы Еткульская, Миасская и Усть-Уйская находились на территории бывшего 3-го отдела ОКВ. Это лесостепная зона Челябинского округа Уралобласти. Динамика роста посевов озимой ржи выглядела следующим образом²⁵:

Станица	1920 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Еткульская	266,2	772	2718,1	2948,4	2699	2541
Миасская	709	1229,3	3095,8	3755,2	3116,8	2764
Усть-Уйская	396,1	666,1	2456,1	2949,1	3509	3220

То же самое, но в процентном отношении посева озимой ржи ко всей площади посева²⁶:

Станица	-1920 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Еткульская	0,68%	8,31%	14,96%	9,1%	8,64%	6,89%
Миасская	1,76%	13,49%	14,79%	12,21%	9,19%	7,47%
Усть-Уйская	1,06%	13,74%	18,93%	14,9%	11,66%	11,56%

Прослеживая увеличение площади посевов озимой ржи по годам, следует обратить внимание на то, что резкое повышение озими по отношению ко всей площади начинается в 1922 году и в 1923 году достигает своего пика (от 14,79% до 18,93% от всего посева по станицам). После того, как угроза голода отодвинулась, наблюдается понижение площади озимых (от 6,89% до 11,56% по станицам) — казаки не сразу отвыкают от устоявшихся традиций.

В связи с голодом значительно расширяются посевы проса — культуры в целом не популярной в казачьих районах — казаки предпочитали сеять те зерновые, которые можно было использовать на корм скоту, — но дающей стабильные урожаи даже в засушливые годы. По свидетельству А. Н. Турковского жившего в 20-х годах в Орском уезде в одной из казачьих станиц, просо для посева завозили из Сибири, и по весу на десятину посева

его требовалось в 6–7 раз меньше, чем пшеницы²⁷.

Просо рассматривали как панацею от голода. Если в Оренбургской губернии посев проса в 1921 году составил 5% от всех посеянных культур (в 1920 году — 2,2%), то в 1922 году — 20,3%²⁸. В 1916 году по Челябинскому округу проса было собрано 80,1 тысяч пудов, а в 1924 году — 426,3 тысячи пудов. По Троицкому округу — 75,8 тысяч пудов против 228,4 тысячи пудов соответственно. В этом году просо составило от 4,8% (Троицкий округ) до 6,2% (Челябинский округ) всего валового сбора зерновых. В 1920 году этот показатель по округам равнялся 0,4% и 0,5% соответственно²⁹.

В Сибири положение с просом было аналогичным. В 1920 году его посев составлял 0,06% от всех посевов, а в 1922 году — 13,53%. В дальнейшем мы прослеживаем по годам понижение процентного состава проса в общем посеве: 1923 год — 8,08%, 1924 год — 5,85%, 1925 год — всего 1,81%³⁰.

Как мы видим, также как и в случае с временным увеличением посевов озимых, после того, как угроза голода отодвигалась, казаки постепенно начали сокращать просяные посевы. По тому же Троицкому округу «просяной процент» с 4,8% в 1924 году снизился до 2,37% в 1925 году³¹. Пшеница в 1925 году заняла 60,68% всех посевов. Казаки объясняли сокращение просяных посевов и увеличение посева пшеницы тем, что пшеница являлась своеобразной «валютой» при расчетах — ею расплачивались за технику и долги по ссудам, несмотря на ее подверженность засухе и неустойчивость урожая³². Просо же, по убеждению казаков, культура «малорыночная».

По целому ряду показателей мы видим, что хозяйства были вынуждены приспосабливаться к новым условиям, искать все новые и новые источники дохода за счет улучшения агротехники и расширения ассортимента посевных культур, что приносило свои положительные результаты. Расширяются, правда незначительно, посевы технических культур. Товарное производство для большинства казаков являлось делом новым, требовавшим особых знаний и дополнительных усилий, ранее не бытовавших в казачьей

среде. Отсюда и настороженность, и неприятие незнакомых культур и технологий их выращивания. Но на уровне экспериментов, опытных полей и показательных участков мы видим ростки нового отношения к агрокультуре, к ведению хозяйств в целом. Казаки больше стали сеять кормовые травы: клевер, люцерну, вику. Расширять посев технических культур, ту же самую коноплю, и даже сажать такие ранее малораспространенные растения, как анис, кориандр, мята и т. п.³³

Несмотря на известные сдвиги в традиционном отношении к землепользованию, по-прежнему существовало немало факторов, тормозивших прогрессивные начинания, продвижение вперед. Особенно это проявлялось в порядках чересполосного землепользования, неизбежно консервировавших экстенсивные формы севооборота и связывавших инициативу казаков в интенсификации своего хозяйства, удерживавших общину на уровне одинаковых и рутинных приемов агротехники. Чересполосица была довольно сильно распространена в казачьих районах, особенно в многоземельных южных станицах. Так например, результаты обследования Троицкого округа за 1923—1926 годы, подтверждают данное утверждение³⁴:

Кол-во полос	4-5	6-8	9-10	11-15	16-17	18-24	24-30	31-40	41-50	Свы- ше
%	4,4	8,7	25	13,2	3	7,4	8,8	11,7	14,3	3

Из приведенной таблицы следует, что половина всех хозяйств имела свыше 16-ти полос, шестая часть хозяйств делала свои посевы на 11-ти—15-ти полосах, четверть всех дворов сеяла в 9—10 местах. И только 13,2% хозяйств имело не больше 8 полос. Были и своеобразные «чемпионы», от нужды обрабатывавшие свыше 50 полос посевных площадей.

Чересполосица была порождена общинным способом ведения земледелия, постоянной нехваткой удобных земель и лугов, чрезмерной концентрацией населения в поселках. Данное положение было традиционным в казачьих поселениях и еще раз подтверждает тот факт, что несмотря на прогрессивные тенденции, в целом

картина земледелия изменялась с большим трудом. Множественность земельных полос не позволяла применять улучшенные приемы ведения хозяйства, вызвала огромные непроизводительные потери драгоценного в страду времени при переездах с полосы на полосу, тем самым увеличивая издержки производства, что ложилось дополнительной нагрузкой на себестоимость продукции, снижало рентабельность хозяйств.

Другим препятствием для развития земледелия у казаков традиционно было дальноеземелье, порожденное теми же причинами, что и чересполосица: многодворностью поселков, недостатком благоприятных для земледелия участков, а также постоянной взаимопомощью при обработке смежных участков. По подсчетам В. П. Данилова у 68,5% земельных обществ Оренбургской губернии среднее расстояние от усадьбы превышало 10 километров, а 24,5% общин имели земельные наделы за радиусом 20 километров³⁵. Надо учитывать, что для Оренбургской, степной и многоземельной губернии, где всегда ощущался недостаток удобной земли, дальноеземелье было постоянным и традиционным спутником земледельца. В Челябинском уезде, где находились лесные и лесостепные районы с благодатным климатом, земля была всегда в цене, именно здесь прослеживается тенденцию к уменьшению казачьих наделных паев с 30-ти десятин, положенных по земельному законодательству, до 20-ти и даже до 12-ти десятин. Меньшие по размерам угодья (в сравнении со степными казачьими районами) предполагали и меньшие, но тоже значительные, расстояния между наделами. Из 832 обследованных в 1926 году селений Челябинского уезда участки пашни в хозяйстве находились на расстоянии 1–3 километров в трети случаев (35%), 32% составляли расстояние от 4-х до 6-ти километров. На расстояние в 6–10 километров участки находились у 30% земледельцев, а свыше 10 километров — у 5% дворов³⁶.

В хозяйстве с посевной площадью в 16 десятин при трехпольном севообороте земледелец в год совершал переезды на расстояние около 2000 верст, затрачивая на это 47 десятичасовых дней³⁷. В масштабах всего сельского хозяйства

дальноземелье поглощало миллионы столь необходимых летом рабочих дней. Казак, поля которого были расположены на расстоянии 9–10 километров от его двора, вынужден был непроизводительно затрачивать массу труда и столько же сил и времени, сколько он затрачивал на обработку своих полей. Дальноземелье было причиной большого количества залежных и бросовых земель, которые при иной системе земледелия могли бы быть вовлечены в производство и значительно увеличить валовую и товарную продукцию сельского хозяйства³⁸.

Как мы видим, несмотря на принимаемые удары, община еще сохраняет свои позиции. Общинная форма землепользования с присущей ей неустойчивостью размеров и расположения земельных наделов отдельных хозяйств, принудительным севооборотом, чересполосицей и дальноземельем сковывала развитие производительных сил, препятствовала интенсификации и механизации земледелия, консервировала отживавшие методы сельскохозяйственного производства. Обреченное принудительным севооборотом на производство определенных, по преимуществу экстенсивных, не требующих тщательного ухода культур, казачье хозяйство лишалось возможности быстро и чутко реагировать и приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям рынка.

Национализация земли в значительной мере расширила возможности государственного вмешательства в земельные порядки в казачьей среде. Важнейшим орудием прямого воздействия государства на организацию и развитие пользования землей служило землеустройство. Запутанность общинных угодий, неупорядоченные переделы и выделы из общины, особенно на хутора, порождали неустойчивость землепользования и служили источником многочисленных споров и тяжб в казачьей среде.

Если гражданская война на время отодвинула земельные споры и вопросы, то в период новой экономической политики их разрешение стало жизненной необходимостью. Сущность государственного межевания сводилась не только к землеустройству (оно было также средством осуществления классовой политики. Например, среди причин, затруднявших

землеустройство в казачьих землях Орского уезда (последствие голода, проведение землеустроительных работ за счет населения, отсутствие дешевого кредита на земельные работы, безводье), указывалось, что казаки опасаются, что часть их земель отойдет крестьянам³⁹. Опасения касались в основном наделных земель, ибо бывшие войсковые земли уже были частично распределены среди нуждавшихся казаков и крестьян-переселенцев, а также значительная их часть была передана в колонизационный фонд. Только по Омскому округу в колонизационный фонд было передано 9048,01 десятины бывших казачьих войсковых земель⁴⁰.

Вопрос о земле был одним из основных вопросов, стоявших перед российским обществом в начале XX века. В государственном характере советского землеустройства находило свое воплощение право государственной собственности на землю⁴¹. Власти, всячески содействуя маломощным хозяйствам в производственной деятельности, ограничивали зажиточные слои в их желании разбогатеть, чем по сути сдерживали развитие ими же поощряемых товарно-денежных отношений и рыночных принципов ведения хозяйства.

Придерживаясь стратегической установки, Советское государство активно способствовало образованию и укреплению коллективных форм хозяйствования, в результате чего Наркомзем в постановлении от 24 октября 1924 года обязал все свои местные органы проводить «в качестве переходной формы к коллективному порядку землепользования» образование выселков с выгодными размерами землепользования и одновременным переходом к широким полосам и многополью; развить агитацию «в пользу образования товарищеских форм землепользования, начиная с простейших типов коллективизации на земле», поощрять население, переходящее к коллективным формам землепользования; обеспечить при землеустроительных работах предоставление бедняцким слоям «более удобных и близко к селению расположенных земель, а также более легких для обработки и лучше обеспеченных необходимыми угодьями, водой и дорогами»⁴².

Надо отметить, что на казачьих территориях земельные споры не отличались напряженностью и противостоянием претендующих сторон, что было довольно частым явлением в густонаселенных черноземных районах Центра и Юга России. В многоземельных казачьих районах проблема землеустройства состояла в максимальном заселении территорий земледельческим населением с целью вовлечения в товарный оборот пустующих земель, с целью получения от них товарной отдачи. Если споры и возникали, то, в основном, при дележе удобных участков, на которые претендовали все — и казаки и крестьяне-переселенцы.

Первый Верхнеуральский съезд Советов, который состоялся в 1924 году, постановил призвать население к скорейшему выделу излишков в наделных (то есть тех земель, которые были в хозяйственном обороте) землях и производству переделов земель между отдельными дворами. Определить норму наделения землей по едокам, а не по взрослым мужчинам, достигших возраста 17 лет, как это было ранее среди казаков. По Верхнеуральской станице эта норма составила 6 десятин на едока, по Карагайской — 7 десятин, а в остальных станицах и поселках уезда по 8 десятин на душу.

При определении нормы переделов в каждом обществе, принимая во внимание качество почвы, земорганам предоставлялось право повышать или понижать указанные нормы, но не более, чем на одну десятину за счет общего станичного отвода.

В постановлении съезда признавалось также необходимым открытие населению землеустроительного кредита и проведение срочных землеустроительных работ на излишках наделных земель для заселения их переселенцами из других районов и губерний⁴³. В результате проведенного землеустройства в районе в 1926 году на выселки переселился 121 домохозяин (4482 десятины) и 23 двора ушли на групповые хутора (1333,5 десятины)⁴⁴. В целом по Троицкому округу к концу 1926 года межселенному межеванию подверглось 3239 тысяч десятин (включая колонизационный фонд) и 120,6 тысяч десятин — внутриселенному.

По Челябинскому, малоземельному уезду эти показатели составили 709,1 тысяч и 164 тысячи десятин соответственно⁴⁵.

Из приведенных доказательств мы видим, что землеустройство служило одним из важнейших рычагов подъема единоличного хозяйства и регулирования социальных отношений на селе. Однако любые улучшения общинного землепользования, различные виды землеустройства единоличного хозяйства, образование выселков, переход к широким полям и многопольным севооборотам не устранял ограниченного характера мелкого частнособственного производства с его ручным трудом, устаревшей и в большинстве своем примитивной сельскохозяйственной техникой и орудиями труда, крайне низкой производительностью и товарностью.

Но кроме того, были и другие негативные моменты, мешавшие переходу поселков на рельсы интенсификации своих хозяйств. Таким явлением в сельском хозяйстве в годы новой экономической политики было усилившееся дробление хозяйств, что приводило неизбежно к увеличению потребляющих дворов, к падению товарности хозяйств и в целом к увеличению маломощных, бедных дворов. Тенденции к дроблению мы прослеживаем уже в годы столыпинских реформ, что было характерным не только для крестьянских дворов, но даже и для казаков, чего ранее не наблюдалось в масштабах более или менее значимых. По Сибирскому казачьему войску в 1908 году насчитывалось 473 поселения, объединенных в 45 станиц. В 1916 году, через восемь лет решительной атаки на общинные устои, устроенной тогдашним премьер-министром П. А. Столыпиным, населенных пунктов в войске становится 1700 и объединены они уже в 61 станицу⁴⁶. На тех же территориях после революции (по данным Омского округа) динамика роста численности хозяйств сохраняется: 1922 год — 95242 двора, 1923 — 99211 дворов, 1924 год — 105399 дворов, 1925 год — 107378 дворов⁴⁷.

По Уральскому региону если в 1923 году насчитывалось 1075 тысяч хозяйств, то уж в 1927 году — 1240,3 тысячи, причем при постоянном росте населения количество душ на один двор

уменьшилось в среднем с 5 до 4,8 человек⁴⁸. По Троицкому округу в 1922 году числился 45041 двор, в 1923 году — 48350 дворов, в 1924 году — 51584 двора, а через год, в 1925 году — 54635 дворов⁴⁹. Динамику увеличения дворов на освоенных и не увеличивавшихся земельных площадях можно проследить и по отдельным станицам: в Кацбахском сельсовете в 1925 году числилось 409 дворов против 399 дворов еще год назад — в 1924 году⁵⁰. В Верхнеуральском сельсовете в 1925 году было 619 хозяйств, а в 1926 году — 729⁵¹. По Оренбургской губернии в 1922 году насчитывалось 81945 хозяйств, а в 1924 году — 89117 дворов: рост составил 8,8%⁵².

Эти тенденции были характерны не только для казачьих районов — аналогичный процесс прослеживался и по другим регионам страны. В. П. Данилов пишет, что увеличение числа хозяйств в результате дробления более характерно для потребляющей полосы, куда он относит Украину и Центральный черноземный район, где всегда ощущалась нехватка земли, а для производящих районов, куда относились земли бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск, более характерным было увеличение числа хозяйств за счет переселения и выселения, что являлось общим для всех экстенсивных зерновых районов⁵³. В то же время дробление в казачьих землях не в такой степени отражалось на состоянии хозяйства, чем это происходило в крестьянской среде.

Как правило, делились преимущественно крупные казачьи семьи. В дроблении проявлялись, в первую очередь, демографические процессы, выражавшиеся в возникновении внутри казачьей семьи новых семей, развитие которых неизбежно приводило к распаду старой большой семьи на самостоятельные ячейки. Эти демографические явления прямо и непосредственно сказывались на благополучии единоличных хозяйств, поскольку при отсутствии права наследования по старшинству раздел семьи означал на практике раздел хозяйства.

Особенно сильно дробление хозяйств влияло на развитие мелкого хозяйства, в условиях которого семья была

самостоятельной производственной единицей. Делящиеся хозяйства, к какой бы группе они не относились, являлись экономически более слабыми, чем сохранявшиеся хозяйства соответствующих групп. При большем числе работников делящиеся хозяйства относительно меньше имели средств производства. Они отличались большим недосевом, о чем свидетельствует повышенный процент пара в пашне, заметным увеличением потребительских, традиционных культур в посевных площадях⁵⁴.

В середине 20-х годов дробление хозяйств увеличивается и принимает устойчивую тенденцию. Разделение семей существенно снижало обеспеченность казачьего двора средствами производства. В условиях товарного хозяйства имущественное расслоение неизбежно вело к расслоению социальному, а дробление казачьих дворов становилось одним из процессов дальнейшей социальной дифференциации казачьего общества. Основная масса делившихся хозяйств уменьшала размеры производства, что увеличивало общее количество беспосевных и малосеющих хозяйств, в основном, потребляющих и небольшого достатка.

Одной из главных целей совместных усилий советских органов, ответственных за восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства, и непосредственных производителей сельскохозяйственной продукции было повсеместное увеличение посевных площадей. Этот процесс, наряду с процессом интенсификации всего производства на базе повышения агрокультуры, применения новых приемов и практикуемых в земледелии культур, механизации производства, должен был по замыслу помочь значительно увеличить валовые сборы. Поэтому в годы новой экономической политики мы наблюдаем рост как производительности труда, так и валового производства сельхозпродукции.

Правда, рост посевных площадей нельзя признать достаточно быстрым, поскольку он совершался в основном на базе мелкого хозяйства. По Омскому округу посевная площадь с 355275 десятин в 1922 году выросла до 462155 десятин в 1925 году, рост

составил 30%⁵⁵. Посевная площадь в Челябинском округе с 1924 по 1926 год увеличилась с 499,9 тысяч. десятин до 554,7 тысяч десятин, на 10,9%. По Троицкому округу за эти же годы посев увеличился с 269,2 тысяч десятин до 343,7 тысяч десятин, на 31%⁵⁶. В Оренбургской губернии в 1923 году посев составил 335660 десятин, а в 1924 году, через год — уже 426876 десятин. Рост составил 27%⁵⁷.

Увеличение посевных площадей носило поступательный характер и вносило стабильность в процесс восстановления хозяйств, но даже при постоянном увеличении посевные площади к середине 20-х годов не всегда достигали довоенных и предреволюционных уровней. По тому же Омскому округу посев 1925 года (462155 десятин) составил всего 49% от уровня 1917 года (942057 десятин). Валовые сборы выросли с 4398 тысяч пудов в 1921 году до 27843 тысяч пудов в 1925 году. Но это составляло лишь 71,9% от уровня 1917 года (38712 тысяч пудов)⁵⁸.

По-прежнему ощущалась нехватка сельскохозяйственной техники в хозяйствах, что было вызвано все продолжавшимся обеднением хозяйств и сокращением их производственных площадей. Мелкое хозяйство конца восстановительного периода (а он традиционно в советской историографии относится к 1921–1925 гг.) в основном базировалось на применении ручного труда. Рабочая сила человека оказалась основной производительной силой казачьего хозяйства, определявшей как низкий уровень сельскохозяйственного производства, так и его индивидуальный характер.

Затраты ручного труда намного превышали издержки материальные. В экстенсивных районах, к которым относились казачьи земли, эти затраты составляли 63,4%–71,9% (подсчеты В. П. Данилова)⁵⁹. Ручной труд играл преобладающую роль в производстве всех сельскохозяйственных структур. Резкое повышение издержек на производство технических культур в условиях единоличного хозяйства искупалось увеличением вложения ручного труда, а не применением более производительных машин и орудий. В этом была одна из причин замедленности

интенсификации мелкого единоличного хозяйства казачьей общины. Машины и орудия, постоянное совершенствование и расширение употребления которых является решающим средством подъема производительности труда, играли недостаточную роль в общей системе производства. В 1925–1926 году на долю сельскохозяйственного инвентаря приходилось 2,3% материальных издержек производства ржи, 2,7% производства яровой пшеницы, 3,8% от всего труда, затраченного на выращивания льна⁶⁰.

Мы видим, что затраты живого труда казака и его семьи в десятки раз превышали затраты труда, овеществленного в технике. Этот факт можно объяснить и дороговизной самой техники, низким уровнем грамотности населения, общим снижением материального благосостояния жителей станиц и поселков, постоянно увеличивавшимся налогообложением владельцев сельхозтехники.

Увеличение расходов на хозяйство и проживание членов семьи заставляло казаков искать дополнительные источники доходов. Характерным явлением этого периода является расширение доходов от различных промыслов, то есть работ, не связанных напрямую с земледелием и животноводством. Ранее промыслы не были широко развиты среди казачьего населения, о чем свидетельствуют многочисленные документы и воспоминания. К тому же основная часть производимой продукции не имела широкого товарного оборота и реализовывалась непосредственно на местах, обеспечивая нужды родственников и соседей. Л. М. Горюшкин утверждает, что в Сибири основная масса промысловой продукции (71,2%) сбывалась в своем поселке⁶¹.

При усилении местных органов и встречного движения самих казаков, кустарные промыслы начинают подпитывать все уверенней бюджеты хозяйств, принося дополнительные средства в семьи. Но преувеличивать значение промыслов в формировании казачьих бюджетов было бы ошибкой — казачий менталитет, основанный на многолетних привычках и традициях, с трудом поддавался нововведениям. По данным Ф. Казанского, обработавшего данные 1925 года по казачьим хозяйствам Южного Урала, доход от промыслов в зажиточных хозяйствах не превышал

2,2% от всех доходов, в бедняцких хозяйствах — 3,8% и 5,6% в середняцких дворах⁶².

Местные власти старались помочь казачьему населению расширять промыслы и переводить их на товарные рельсы. В постановлении Сибревкома подчеркивалось в 1922 году, что «В особенности важным является быстрое развитие кустарных промыслов и промысловой кооперации, сельскохозяйственных кооперативных товариществ и местного товарооборота произведений кустарной промышленности и сельского хозяйства»⁶³. Надо сказать, что в довольно обеспеченном возможностями иметь альтернативные сельскому хозяйству источники доходов Омском уезде мы наблюдаем значительный рост промыслов, что объясняется относительно стабильной покупательной способностью населения, развитой торговой системой, где преобладал оборотистый и энергичный частник (49,6%)⁶⁴, большим количеством пришлого населения и близостью железной дороги. Если в 1920 году здесь насчитывалось 7,5% хозяйств, имевших промыслы, то в октябре 1924 года их уже было 36,9%. Общий прирост составил почти 500%⁶⁵.

В Троицком и Челябинских округах Уралобласти кустарные промыслы не получили своего должного развития в силу ограниченного сбыта и невысокой платежеспособности населения. К тому же не хватало и соответствующих навыков. Так, например, в Троицком уезде промыслами занимались 1711 человек — 0,67%, а в Челябинском — 2249 человек, 0,55% от всего населения округа⁶⁶. В Варненском районе, где в 1926 году проживало 23637 человек, в промыслах было задействовано 534 человека, включая членов их семей. Из этого числа 116 человек занимались пуховязанием, 122 — вялением обуви, 83 трудились в кузнечно-слесарных мастерских и 103 на мельницах и крупорушках⁶⁷. В Оренбургской губернии промыслы традиционно были развиты шире: из 95753 дворов в 1926 году 36277 хозяйств имели промыслы (37,8%). Причем наибольший процент дали беспосевные или малопосевные дворы. Так, среди беспосевных или сеющих до 0,1 десятины хозяйств промыслами занимались 84,6%. Среди сеющих

от 0,1 до 1,09 десятины — 71,4%. А вот среди сеющих свыше 30 десятин промыслами подпитывались только 11,1% всех хозяйств. Среди среднесеющих хозяйств этот процент колебался от 5,2% (посев от 10 до 16 десятин) до 29% у самой многочисленной посевной группы, засевавшей т 4,1 до 6,1 десятины⁶⁸.

Мы видим, что казаки постепенно отходят от традиционного неприятия побочных от военной службы и земледелия занятий и всячески ищут возможности для более полного удовлетворения своих потребностей и текущих расходов за счет расширения кустарных промыслов. Разница показателей по Уралобласти (казачьих районов) и Омской и Оренбургской губерний объясняется разным подходом к отбору статистических данных. В одних статуправлениях подсчитывались только те хозяйства, чье кустарное промысловое производство носило ярко выраженный товарный характер и учитывалось при налогообложении, в других на основании сведений сельсовета учитывались все хозяйства, где практиковались отличные от сельского хозяйства занятия. В любом случае развитие промыслов среди казаков принимает устойчивую тенденцию и становится заметным семейным подспорьем, особенно в осенне-зимний период, когда у казачьего населения было больше свободного времени для занятия побочными заработками.

Характер производительных сил казачьего хозяйства, соотношение его структурных элементов показывает, что это прежде всего естественные производительные силы — земля, скот, семена, удобрения. К естественным производительным силам относилась и сама рабочая сила земледельца. Возможность воспроизводства основных производительных сил внутри казачьего хозяйства поддерживала его натурально-потребительский характер, что препятствовало развитию рыночных структур и деформации общинных традиций ведения хозяйства, хотя объективный процесс разложения казачьей общины остановить уже не могла. В массе казачьих хозяйств сохранялось преобладание живого труда над овеществленным. В сочетании с семейной кооперацией труда, когда каждый член семьи выступал как орган совокупного труда семьи, эти черты, с одной стороны,

обеспечивали относительную устойчивость казачьего хозяйства, возможность его сохранения и даже возрождения в самых неблагоприятных условиях, а с другой — застойность, низкий уровень производительности труда, незначительность расширенного производства. Связь с рынком в этих условиях могла устанавливаться лишь по мере образования избыточного продукта.

Не стоит преувеличивать и результаты по интенсификации казачьих хозяйств. Имевшиеся нововведения в агрокультуре и в целом в ведении хозяйств носили больше тенденциозный характер, чем характер массового явления, что можно объяснить и засильем традиций общинного хозяйства и непоследовательной политикой Советской власти по отношению к единоличному производителю, применением налогового и идеологического пресса в отношении зажиточных слоев населения казачьих, и не только казачьих территорий, бывших основными производителями товарной продукции сельского хозяйства в стране.

Глава 8
КООПЕРАТИВНОЕ ДВИЖЕНИЕ
НА ЗЕМЛЯХ БЫВШИХ ОКВ И СКВ

Новая экономическая политика традиционно в советской историографии рассматривалась как временное отступление от стратегической линии на обобществление производства всех уровней и ликвидацию частной собственности. Уступка, сделанная левым эсерам при принятии «декрета о земле», когда национализированная земля делилась между крестьянами, а не передавалась непосредственно крупным коллективным объединениям земледельцев, должна была, по мнению большевистской власти, со временем исправлена. В период восстановления товарно-денежных отношений и утверждения рыночных структур, в период временного отказа от насилия по отношению к производителю товарной продукции массовый переход к коллективным формам ведения хозяйства не был реальным. В то время, когда необходимо было накормить голодных и дать встать на ноги разоренным хозяйствам и промышленности, когда за счет уступок капиталистическому производству предполагалось накопить средства для последующих социалистических преобразований, Советское государство просто не имело возможности для осуществления своей стратегической линии в сельском хозяйстве.

К тому же надо учесть, что на уровне государственного и партийного подходов не было должного единства во взглядах на коллективизацию, на сроки начала ее проведения и завершения. После октябрьского 1925 года Пленума ЦК ВКП(б) в результате острых дискуссий происходит очередная смена курса на дальнейшее развитие сельского хозяйства — начинается подготовка к коллективизации хозяйств и сворачивание ранее объявленного лозунга на поддержку середняцких и зажиточных хозяйств. Было объявлено, что «аренда — это отсталая форма использования земли»¹. Следствием этого явился последующий запрет на аренду и найм, принудительное изъятие инвентаря у

зажиточных слоев, их травля в официальной печати, обвинение в заговорах против Советской власти.

Но в то же время крепкий единоличник по-прежнему являлся основным производителем товарной продукции, ибо создававшиеся в первые годы Советской власти коммуны и совхозы не оправдали себя в годы новой экономической политики, как ранее они не оправдали себя в годы «военного коммунизма». Задуманные как пример нового отношения к труду, как образцы новых форм производственных объединений, соответствующих представлениям о будущем переустройстве села, но не подкрепленные необходимой материальной и теоретической поддержкой, без четкого представления о своей функциональности и методах коллективного ведения хозяйства, его структурности и этапах становления и развития, они изначально были обречены на неудачный и бесперспективный эксперимент.

Первая волна образования коллективных хозяйств на Южном Урале и в Западной Сибири началась сразу же после изгнания белогвардейцев. Это движение не было продиктовано идейными соображениями, а было вызвано в известной степени стремлением обедневшего и разорившегося казачества воспользоваться льготами, предоставляемыми государством². В Сибири в 1920 году, в еще не отошедших от прокатившихся боев населенных пунктах было создано 72 коммуны и 97 сельхозартелей, которые получали лучшие (для казаков это были офицерские земли) наделы. Земли в среднем на коммуну приходилось 690 десятин, в 7 раз больше, чем в европейской части РСФСР³. Например, коммуна «Юный пахарь» имела даже 3920 десятин, коммуна «Труд Ленина — 1350 десятин. Сибирские коммуны имели в среднем по 85 едоков и 25 трудоспособных, на артель приходилось по 55 едоков и 18 работников. На поддержку колхозов Сибревком выделил свыше 30 млн. рублей⁴. В инструкции Омского губревкома подчеркивалось, что при межевании лучшие земли должны в первую очередь отводиться желающим создать трудовые коллективные объединения (весна 1920 года)⁵.

Объединялись, как правило, бедняцкие хозяйства, искавшие

поддержку у государства и друг у друга. В Уйском районе Челябинской губернии в 1921–1922 годах были образованы: артель «Восход», в которую объединились девять семей бедняков, имевших на всех семь лошадей; сельхозартель «Пчела», объединившая восемь семей; артель «Труд», куда вошли шесть семей бедняков и т. д.⁶ Всего было зарегистрировано восемь артелей⁷.

В основном бедняцкая прослойка не представляла целей и задач коллективизации и, когда поток льгот сократился, значительная часть ранее созданных колхозов распалась. Постепенное укрепление и развитие индивидуального хозяйства вело к тому, что крепкие хозяйства выходили из колхозов. Созданные усилиями местных советских партийных и земельных органов, коммуны заметной роли в общественном производстве не играли и нередко указами сверху преобразовывались в тоже немногочисленные совхозы. Преимущественное кредитование коммун, которое проводило Советское правительство, реализуя свою стратегическую задачу, по мнению одного из исследователей 20-х годов Н. А. Войтова, являлось одной из форм кредитования бедняка⁸.

Большевистское государство стремилось максимально расширить сеть коллективных объединений. Многие коммуны изначально задумывались как образцово-показательные хозяйства, целью которых должна была служить пропаганда социалистического образа жизни и хозяйствования, создание новой формы производственных отношений. Государство через земельные органы вкладывало в коммуны капитал и тем самым экономически их контролировало, что на деле означало и административный контроль. Отдельные коммуны получали столько земли, что не в силах были ее обработать⁹.

Материальная база колхозов в казачьих районах была недостаточной. Если в центральных районах коллективные объединения в основном возникали на базе бывших помещичьих хозяйств, получая бесплатно земли, постройки, скот, инвентарь и семенной фонд, то в казачьих районах, не знавших масштабного

помещичьего землевладения, такой возможности не было. Объединившиеся бедняки собирали по своим небогатым дворам имевшийся скот и инвентарь, которых было недостаточно для расширенного производства сельскохозяйственной продукции. Объединялась бедность, а не недостаток, без которого поднять сложное производящее хозяйство было практически невозможно.

В силу этого доля населения в первых колхозах была незначительна, как незначительны были и мощности коммун, артелей и совхозов середины 20-х годов. Например, в 1925 году по Челябинскому округу в коммунах числилось всего 0,3% населения, рабочих лошадей в них было 0,2% от общего количества по округу, коров — 0,3%; овец — 0,6%, свиней — 0,8%, посевов — 0,5%¹⁰. Не лучше дело обстояло и в совхозах: посевов они имели от общей площади посевов округа всего 0,6%, рабочих лошадей — 0,2%, коров — 0,3% и т. д.¹¹

Незначительным было и само количество коллективных объединений. В 1924 году в Омской губернии было 47 коммун и 128 артелей. Бедняков в этих коммунах было 82,4%, а в артелях их было только несколько меньше — 73,6%¹². В Оренбургской губернии в 1925 году на имевшихся 93720 хозяйств приходилось совхозов — 20, артелей и коммун — 42¹³. Численно они были невелики — в Урефтинской коммуне насчитывалось 6 членов, в Степной — 12, а в коммуне «Красный пахарь» (станция Миасская) всего четверо¹⁴. В отчете Челябинского ОКРЗУ сообщалось, что «как общее правило политический уровень организации коммун очень низок»¹⁵.

Носившие вычурные названия («Венера», «Утро», «Веселый уголок», «Луна», «Солнце», «Страх буржуазии», «Труд Ленина», «Путь любви», «Любовь пахаря» и т. д.) коммуны и совхозы не исполняли своего предназначения по производству сельскохозяйственной продукции и большей частью находились в постоянных долгах, которые государство вынуждено было время от времени прощать. Так, коммуна «Красный Октябрь» имела 5000 рублей долга на конец 1925 года, а совхоз «Митрофановский» — 200000 рублей¹⁶. В протоколах Оренбургской уездной комиссии

сообщалось, что совхозы и колхозы оттягивают долг до последнего момента, что негативно воздействует на остальное население¹⁷.

Отрицательный пример подавали тогдашние коммунары, колхозники и рабочие совхоза не только в деле неуплаты налогов. Попавшие в незнакомую для себя систему производственных и социальных отношений, эти люди оказывались оторванными от собственности в привычном понимании этого слова. Это отчуждение принесло свои плоды: повсюду наблюдалась пассивность, леность, коллективная безответственность, что неизбежно приводило к упадку хозяйств, порче инвентаря, гибели скота, а также к хищению общих средств и собственности. Вот, к примеру, выводы комиссии, обследовавшей в 1925 году совхоз «Возрождение» Омского округа:

«Хозяйство велось неумело, бессистемно и подчас преступно... Севооборота введено не было. Паров в 1925 году заготовлено не было... Процент изношенности сельскохозяйственного инвентаря из-за неправильного хранения достигает 90%... Дисциплины нет никакой, рабочие не знали своих обязанностей... Анархия в управлении, расчетах... Безразличие к хозяйству...»¹⁸.

Осуществляя жесткий контроль над деятельностью первых колхозов и совхозов, правительство одновременно предпринимало все новые шаги в укреплении коллективных хозяйств. Техника и кредиты в первую очередь отпускались артелям и коммунам (коммун было меньше, около 30% от всех коллективных производственных объединений¹⁹). Они были выделены в особую категорию налогоплательщиков, государство ускоряло оформление земельными обществами своих уставов, снабжение обществ соответствующими поставками²⁰.

Созданные для пропаганды нового способа производства и для повышения валового производства сельскохозяйственных продуктов колхозы чаще повисали тяжелым грузом на шее местных советских и земельных органов. Потребительская направленность создаваемых объединений была очевидна. В докладе спецкомиссии Оренбургского Губисполкома сообщалось,

что «4% всех коллективных объединений подлежат ликвидации. Целью их создания было получение ссуд (деньгами 11335 руб. натурой — 4506 пудов зерна в 1924 году), лучшего земельного участка у общества, получение разного рода льгот по торговле, уплате налогов. В коммунах собрались люди разных понятий, отчего есть ущерб благому делу... Созданные артели преследуют цель получения хороших земельных участков, после чего перестают именовать себя артелью, переходят в название хутора или остаются жить под названием артели, не имея ничего общего с уставом и задолженности государственным учреждениям. Некоторые артели создаются для укрывательства от уплаты налогов. Только 14 из обследованных артелей или 19% от общего количества признаны комиссией жизнеспособными»²¹.

В Сибири из всех объединений, созданных в годы «военного коммунизма», выжило к началу новой экономической политики только 21%²². Значительная часть колхозов и совхозов прекратила свое существование в 1921–1922 годах, не выдержав испытания голодом 1922 года. В Челябинской губернии в 1921 году в коллективных объединениях под посевом было 105233 десятины земли, а в 1924 году всего 21000 десятин. Рабочих лошадей в 1921 году было зарегистрировано 38076, а в 1924 году — 4100, соответственно 24110 и 4971²³. Коммуна «Трудовая почва» (станция Степная) в 1922 году заседала 113 десятин, а в 1923 году только 75 десятин²⁴. Многие коммуны даже при поддержке государства еле могли прокормить себя, отдельные из них сдавали государству в среднем по 5 пудов зерна²⁵.

Все приведенные факты говорят о нежизнестойкости коллективных объединений в условиях товарного производства. Искусственно содержать их себе в убыток в тогдашних условиях было невыгодно, ибо те же совхозы задумывались не как богадельни, а как государственные «фабрики зерна». В отчете Верхнеуральского РИКа за 1925 год сообщалось, что артелей и коммун в районе имеется 12 с 169 членами, но «организация коммун идет в сторону понижения»²⁶.

В то же время многие коллективные производствен

объединения существовали в течение всего периода новой экономической политики в деревне. Шла постоянная реорганизация этих объединений и часто, на базе закрывающегося колхоза образовывался новый совхоз, такой же нежизнеспособный и вялый. Государство было обеспокоено таким положением дел и постоянно организовывало проверочные комиссии, уполномоченные расформировать предприятия. Конечно, шел и естественный распад сельскохозяйственных трудовых объединений, не выдержавших испытаний, но наряду с этим «заккрытие коммун и совхозов большей частью осуществлялось по инициативе земорганов»²⁷.

Сокращение общего числа коллективных объединений к середине 20-х годов приняло устойчивую тенденцию. По Омской губернии этот процесс прослеживается из следующей таблицы²⁸:

Объединение	1921	1922	1923	1924
Коммун	96	99	49	47
Сельхозартелей	137	131	99	129

Как видим, земледельцы, в первую очередь, покидают коммуны — наименее организованные и нежизнестойкие объединения. Та же тенденция в целом наблюдается по всему РСФСР: если в 1921 году по стране насчитывалось 3040 коммун, то в 1924 году их осталось 1270. Сокращение артелей составило с 10491 до 6321 соответственно²⁹. Ликвидация колхозов происходила постоянно и опережала рост численности вновь создаваемых объединений. По Сибири³⁰:

Колхозов	1920	1922	1923	1924	1925
Образовано	96	99	18	49	47
Ликвидировано	137	131	235	99	129

Мы видим, что процесс распада колхозов идет постоянно и достигает своего пика в 1922–1923 годах, в то же время образование новых объединений не имеет своей динамики и только

в 1925 году наблюдается известное увеличение новых колхозов. По Омской губернии с 1 июля 1923 года по 1 января 1924 года была организована всего одна новая коммуна и девять новых артелей, а ликвидировано было за этот же период 22 из ранее образованных коммун и 17 артелей³¹. С 1 января по 1 июля 1924 года процесс численного изменения коммун и артелей выглядел следующим образом: коммун закрыто — 9, создано — 3, артелей распалось 42, организовано новых — 44³².

Подводя итоги первым попыткам создания коллективных трудовых объединений на базе общественной собственности на орудие труда и средства производства, надо отметить, что в целом задача не была выполнена на уровне задуманного. Отсюда прослеживаются следующие выводы: бедняки, составлявшие основной состав колхозов, коммун и совхозов, не получили желаемого:

- экономической защиты в условиях развивающегося рынка и повышения благосостояния своих семей;

- новые производственные отношения возникали не на базе предполагаемой сознательности в отношении к коллективному труду и коллективной собственности, а при ее отсутствии. Возникнуть и сформироваться за столь короткий срок она не могла, а принудительного вступления в колхозы местные власти, не получившие соответствующих установок, пока еще не практиковали;

- вместо желательного подхода «общественное — значит мое», доминировал противоположный принцип «общественное — значит ничье»;

- отчужденность от прямого получения с правом самовольного распоряжения результатов своего труда, отсутствие апробированных критериев определения трудового участия и получения соответствующей доли при распределении порождали пассивность и апатию, безответственность и разгильдяйство;

- не было четкого представления об оптимальной форме объединений. Отсюда вычурность и разночтения в формах организации и функционирования коллективных хозяйств;

— в то же время объединения сельскохозяйственных производителей на базе отсутствия частной собственности и их выборные руководящие органы были в известной степени скованы в своих инициативах рассылаемыми из центра циркулярами;

— не давала встать на ноги и выполнить поставленные задачи недостаточность материальной базы первых колхозов. Государство еще не было готово поддержать в необходимой мере на техническом и финансовом уровне эти объединения, а без механизации любой подобный эксперимент был изначально обречен на неудачу;

— не был заранее подготовлен штат организаторов и руководителей производственным процессом (агрономов, техников, бухгалтеров и т. д.), без которых невозможно было продуктивное функционирование объединенных сельскохозяйственных предприятий;

— колхозы не стали и не могли стать массовым явлением в начальный период новой экономической политики потому, что у населения имелись альтернативные варианты повышения благосостояния своих хозяйств — различные формы кооперации, промыслы, а также возможность использования таких атрибутов рыночной экономики, как аренда и найм;

— свою главную задачу по обеспечению государства дешевым сельскохозяйственным продуктом коллективные хозяйства не выполнили — больше порождали долги по обязательным заготовкам и невозвращенным кредитам;

— они в известной степени тормозили развивающиеся и тоже поощряемые государством рыночные отношения в сельском хозяйстве, ибо являлись их противоположностью и неудачной альтернативой;

— для местных советских органов, выполнявших указания сверху, создание первых колхозов и руководство ими явилось своеобразной школой накопления опыта для последующей кампании по массовой полунасильственной коллективизации крестьянских (казачьих) хозяйств;

— государство пришло к выводу, что принцип добровольности,

а также постоянной дотационности, не приносит желаемых результатов и что надо, тщательно проанализировав ситуацию, в корне менять подход в осуществлении стратегической линии;

– у середняцких и зажиточных слоев, на примере существовавших коммун и колхозов, все больше укреплялось устойчивое желание ни в какие подобные объединения ни при каких условиях не вступать, что породило впоследствии известные трудности при организации кампании по массовой коллективизации крестьянских (казачьих) хозяйств.

Главным кормильцем страны в восстановительный период новой экономической политики по-прежнему остается еще не оправившееся от продразверстки индивидуальное мелкотоварное хозяйство с элементами рыночных отношений. Наиболее распространенной формой экономических взаимосвязей обособленных друг от друга в процессе производства единоличных хозяйств и всех их вместе с промышленностью, с обществом в целом, был товарообмен продуктами, осуществляемый через рынок. Именно в форме товарного общения и возникают первоначальные формы хозяйственного объединения и сотрудничества мелких производителей — различные виды торговой и кредитной кооперации.

Как уже упоминалось выше, кооперативные отношения были довольно сильно развиты в казачьих районах в начале XX века. Особенно рельефно этот процесс стал прослеживаться после начала столыпинских реформ в сельском хозяйстве. В отдельных местностях, наиболее привязанных к местным рынкам, кооперативные объединения охватывали до трети всех дворов. Создавались специальные курсы по обучению кооператоров, выпускались профессионально обозначенные периодические издания, например, такие, как журнал «Оренбургское казачье хозяйство» при ОКВ, «Сельскохозяйственная жизнь» в Сибири и т. д.

Для тогдашнего населения масштабная кооперация на рыночной основе была явлением новым, поэтому необходимо было разъяснить сельскому населению организационную структуру

кооперативных объединений, их очевидную выгоду для каждого отдельного хозяйства и в целом для кооперативного общества. В статье «Кооперативные товарищества, их задачи и цели», опубликованной в 1914 году в журнале «Южноуральский кооператор», разъяснялось: «Кооперацией, по-ученому, называется такое хозяйственное предприятие нескольких, добровольно соединяющихся лиц, которые имеют своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, а доставление его членам, благодаря общему ведению хозяйства, каких-либо выгод иного рода. Для кооперации необходимо: 1. добровольное соглашение нескольких лиц, так как принудительность противна самому существу кооперативного дела; 2. общее ведение хозяйства в данном предприятии; 3. доставлением членам предприятия каких-либо выгод»³³.

Но неправильным было бы идеализировать ситуацию, ибо не было опыта, основанного на прецедентах, слаба была материальная база первых кооперативных объединений, довольно слабая и неумелая пропаганда кооперативных идей часто наталкивалась на пассивность и невежество сельского населения. Отсюда однобокая направленность кооперативов: потребительская зерновая на Южном Урале, маслоделие в Западной Сибири. Тот же журнал «Южноуральский кооператор» констатировал, что «имеются значительные недостатки развития потребительской кооперации на Южном Урале:

- 1) Низкий умственный и общественный уровень развития населения;
- 2) Отсутствие в уездах инструкторской помощи;
- 3) Отсутствие организованной планомерной пропаганды идей потребительской кооперации, как-то: курсов, лекций, чтений и т. д.;
- 4) Отсутствие парового транспорта, способствующего быстрой и сравнительно дешевой доставке товаров к потребителю;
- 5) Отсутствие близких определенных крупных закупочных центров;

6) Инертное (равнодушное) отношение жителей половины населения к вопросам этого вида кооперации»³⁴.

Та же часть казачества, в основном середняцкие и крепкие, зажиточные хозяйства, которые втянулись в систему кооперативных объединений, почувствовав несомненные выгоды, старалась упорядочить взаимоотношения на уровне кооперативных как внутри объединений, так и в отношениях с внешним миром. Особые неудобства испытывали кооператоры потребительских объединений из-за активной деятельности торговцев-перекупщиков сельскохозяйственной продукции — «кулаков» (это и есть истинное содержание данного термина, обозначавшего до революции компрадорскую сельскую торговую буржуазию, действительных эксплуататоров-скупщиков, паразитировавших на ниве обирания своих соседей и родственников), которые произвольно вздували цены, заставляя нести убытки членов кооперативных потребсоюзов. В журнале сообщалось о подобном факте: «Казачи 1-го военного отдела Оренбургского казачьего войска, ввиду сильно поднявшихся цен на продукты первой необходимости и чтобы избавиться от давления «кулаков» — местных торговцев, возбудили ходатайство перед Главой губернии об утверждении Устава Обществ потребителей: поселков Нижнеозерского, Изобильного, Ветлянского и Филипповского и тем самым сберечь свою трудовую копейку»³⁵.

В 1918–1920 годах кооперативное движение, имевшее до революции определенные достижения и масштабность, по сути было ликвидировано. Эта ломка уже созданных объединений не улучшила материального положения социалистического общества, но нанесла значительный вред общему экономическому положению страны, выведя из строя одну из самых многочисленных и эффективных организаций, способную удовлетворить потребительские и производственные интересы значительной части населения»³⁶.

Это понимали и в Правительстве. На историческом для экономики страны XX съезде РКП(б) в своем докладе о замене продразверстки продналогом Ленин признал, что «нами было

сделано много ошибочного» и что кооперация находилась «у нас в состоянии чрезмерного задушения»³⁷. Но спустя месяц после съезда Ленин пишет: «Кооперация мелких производителей неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения... Свобода и права кооперации, при данных условиях России, означают права и свободу капитализму». В связи с этим он допускает, что переход к новой форме налогообложения сельского производителя открывает для кооперации лишь «известное решение ее „свободы“ и ее прав»³⁸.

Придание относительной свободы одному из компонентов рыночных отношений — мелкотоварному крестьянскому хозяйству, требовало одновременно хотя бы частичного высвобождения и другого компонента — кооперации, главным назначением которой было рыночное обслуживание сельских производителей, как, впрочем, и потребителей³⁹.

Для этого необходимо было подготовить законодательную базу. С апреля 1921 года по январь 1922 года Совнарком принял ряд декретов по основным видам кооперации, открывших путь для их восстановления и развития. Первый из них — «О потребительской кооперации» (7 апреля 1921)⁴⁰ нес в себе еще черты «военного коммунизма», в том числе и обязательное членство всех коммунистов и советских работников в потребительской кооперации (к добровольному членству приступили только в декабре 1923 года, после издания соответствующего декрета). Постановлением от 17 мая 1921 года была предпринята попытка организовать через потребкооперацию натуральный, бестоварный обмен изделий госпромышленности на продукцию крестьянского хозяйства. Но с обменом ничего не вышло, что вынуждены были признать сами организаторы⁴¹.

Чтобы взять под контроль кооперативное движение, рядом декретов («О промысловой кооперации» от 7 июля, «О средствах кооперации» от 26 июля и «О сельскохозяйственной кооперации» от 16 августа)⁴² было продекларировано отделение кустарно-промысловой и потребительской кооперации от производственной, признавалось их право на создание самостоятельных

кооперативных систем. С января 1922 года был снят запрет на создание кредитных кооперативных товариществ. А для координации всего движения в целом был воссоздан Всероссийский союз сельскохозяйственных кооперативов — Сельскосоюз.

Поэтому кооперативное движение только внешне выглядело самостоятельным. Кроме непосредственного введения членов партии в руководство верхнего и среднего звена кооперативных объединений, повсеместно создавались специальные комиссии по «плановому пересмотру» состава кооперативных кадров. Одна из них в 1925 году пересмотрела руководящий состав восьми кооперативных центров с 500 ответственными работниками и 80 из них сняла с работы или переместила на другие должности⁴³.

Также проводились и партийные мобилизации для обновления кадров. По решению Оргбюро ЦК в конце 1924 года была объявлена мобилизация 3000 партийцев для работы в кооперативных, торговых и финансовых учреждениях, а также был утвержден персональный список 120 членов для введения их в центральные органы. При этом 73,9% всех коммунистов, направленных в Сельскосоюз, были взяты из других отраслей, что не свидетельствует в пользу их профессиональной компетенции⁴⁴.

На волне новой экономической политики кооперативное движение наращивало свои темпы и обороты, тем более что оно имело достаточное правовое обеспечение на основании вышеупомянутых декретов. К 1 октября 1925 года в стране насчитывалось 84030 кооперативов с числом пайщиков 15603000 и оборот этих кооперативных объединений за 1924–1925 годы составил по стране 5648 млн. рублей⁴⁵.

Но путь кооперативного движения не мог быть и не был ровным. На XIV партконференции председатель СНК А. И. Рыков выступил со специальным докладом, посвященным проблемам кооперации. В частности, Рыков высказался против приравнивания зажиточного сельского производителя к кулаку и считал необходимым «прекратить административный зажим этого слоя». Рыков также заявил, что «основной путь лежит через сферу обращения, и задача кооперирования крестьянства заключается в

организации и объединении его как производителя». Также председатель Совнаркома вынужден был констатировать, что на протяжении ближайшего ряда лет колхозы не могут стать «скольконибудь определяющими в общей системе нашего хозяйства»⁴⁶.

Но решения конференции не имели возможности к своему исполнению, ибо разрасталась и укреплялась бюрократическая командно-административная система, которая не только не допустила восстановления выборности в кооперации, но начала прямое наступление на нее. Одним из моментов выхолащивания содержания кооперации стало принуждение ее к обслуживанию не тех слоев и групп населения, которые нуждались в ее деятельности и были способны в силу определенного достатка в ней участвовать, а тех, которые составляли социальную опору советской власти и должны были сыграть ведущую роль в построении нового общества.

Классовый подход стал доминировать во всех сферах жизни общества и не мог оставить без внимания такую важную часть экономической жизни общества, как кооперация. Под «классовым подходом» применительно к кооперации имелось ввиду: 1. Недопущение участия в ней и тем более в органах управления ею лиц, отнесенных к категориям зажиточных и кулаков; предоставление приоритетных условий для участия в кооперации и занятия в ней руководящих постов бедноте. 2. Регламентирование распределения кредитов и других кооперативных благ так, чтобы все большая, а затем и основная их часть досталась бедноте. 3. Создание за счет кооперации специальных фондов кооперирования бедноты и образования на эти средства бедняцких кооперативных объединений, а также финансирования вступления бедноты в уже действующие кооперативы. Кооперативам постоянно рассылались достаточно жесткие директивы с требованиями о предоставлении отчетов о пересмотре квот на кредиты, выплаты и машиноснабжения в сторону их уменьшения. Проверочные комиссии партийных, государственных и руководящих кооперативных органов имели установку «изобличать кооператоров в нарушении классового подхода» при проведении очередных

контрольно-проверочных кампаний низовых кооперативных организаций⁴⁷.

Без финансирования экономики невозможно не только ее расширение, но и просто функционирование. Поэтому государственное управление кооперацией сложилось прежде всего в области кредита. Государство создало государственно-кооперативную систему кредита, где низовые кредитные кооперативы были только передаточным механизмом в руках государственных кредитных учреждений. Выпустить из рук кредит означало утратить власть над кооперацией и селом в целом⁴⁸.

Верное главной целевой установке, советское государство практически выхолостило рыночное содержание кооперации в годы новой экономической политики, когда привязала ее деятельность к государственному планированию. Кооперация до революции возникла как компонент рыночной экономики и в первые годы после «военного коммунизма» старалась активизировать товарно-денежные отношения, способствовала воссозданию рыночных (капиталистических) структур различных уровней. Она выполняла защитную функцию в отношении мелких производителей, которым трудно было в одиночку сохранять себя в условиях рыночной конкуренции и в то же время удовлетворять свои потребности на уровне семьи. В силу этого кооперация становится важным регулятором рыночных отношений, амортизатором его крайне жестких проявлений. Присутствие плановых моментов само по себе естественно и необходимо даже при самых разудалых проявлениях стихийности рынка. Они складывались путем изучения реальной хозяйственной обстановки, в том числе и конъюнктуры рынка, принятия на этой основе оптимальных решений для оптимального функционирования.

Во время «военного коммунизма» и последующего периода (до 1923 года) кооперативное планирование, как компонент рынка, было сведено на нет и кооперация занималась распределением, заготовками, а впоследствии ей была придана функция государственного натурального обмена. Лишь его провал заставил власти смириться с восстановлением права свободного выхода

кооперации на рынок, самостоятельного планирования ею хозяйственных операций. Относительно свободное развитие кооперации на рыночных принципах, взявших временно верх над сохранившимся несколько ограниченным диктатом государства, продолжалось до 1926 года, после чего он вновь усилился, а впоследствии принял глобальный характер⁴⁹.

Хозяйственное назначение кооперативных объединений состояло в том, чтобы дать мелкому производителю выгоды крупного сбыта и снабжения, возможность пользоваться дешевым и эффективным кредитом, избавить своих членов от непредсказуемости и превратности рыночных отношений. Объединяя рыночные связи отдельных хозяйств, кооперация вносила в хозяйственную деятельность единоличника элементы коллективизма, экономически связывала его личные материальные интересы с интересами других домохозяев.

В решении XV съезда ВКП(б) подчеркивалось: «Кооперация мелких производителей, в условиях капитализма неизбежно вращавшаяся в систему капиталистических хозяйственных органов, становится в условиях пролетарской диктатуры огромным передаточным механизмом, помогающим социалистической индустрии вести за собой деревню — простых товаропроизводителей⁵⁰.

В казачьих районах бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск первоначально получили распространение универсальные сельскохозяйственные товарищества, выполнявшие весь или почти весь комплекс функций сельскохозяйственной кооперации — снабжение, сбыт, переработка продуктов и т. д. При этом свои операции эти товарищества выполняли в полном объеме, без какой-либо специализации на производстве, переработке или сбыте тех или иных видов сельскохозяйственной продукции. Такой характер деятельности в большей мере соответствовал состоянию казачьего хозяйства в условиях послевоенной разрухи и нарушения ранее сложившихся экономических связей, когда бывшая специализация отдельных районов на производстве определенного товарного продукта оказалась подорванной, а натурально-

потребительский характер мелкого индивидуального производства усилился. К примеру, Верхнеуральская контора Окрсельпрома обслуживала 9 кредитных сельхозкооперативов, 17 сельхозтовариществ, 3 коммуны, одну сельхозартель, одно маслодельное и одно пчеловодческое товарищество. Через контору осуществлялась выдача ссуды и закупка продуктов⁵¹.

Кредитные товарищества того времени были универсальными, поскольку они выполняли не только кредитные, но и все другие операции по обслуживанию нужд казачьего хозяйства — скорее это были сельскохозяйственные кооперативы с кредитными функциями. По Омской губернии в 1924 году насчитывалось 108 кредитных товариществ⁵², конкретно по Омскому округу — 66 с 14703 членами (в следующем, 1925 году, мы видим заметный рост кредитных кооперативов в уезде — 81 с 32 тысячами пайщиков)⁵³. В Троицком округе в 1925 году насчитывалось 18 сельхозтовариществ с кредитными функциями, объединявших 1708 членов⁵⁴, а в Орском уезде в том же году было 44 кредитных товариществ, объединявших 20,1% казачьего населения⁵⁵. (До революции на территории 1-го отдела Оренбургского казачьего войска, куда полностью входил Орский уезд, было 32 кредитных товариществ с капиталом в 2 млн. тогдашних рублей и имевших 18407 пайщиков)⁵⁶.

Традиционно наибольшее распространение имела потребительская кооперация, требовавшая меньших усилий и расходов. Поэтому основная масса кооперативных объединений занималась сбытом, что вполне объясняется наличием крупных городов на территории бывших войск, где имелись ближайшие рынки. Сюда относились молочные, льноводческие, пчеловодческие, садовые, огороднические и другие виды кооперативов. В 1923 году потребительская кооперация в Оренбургской губернии объединяла 38205 хозяйств⁵⁷.

Наиболее развиты были те кооперативные потребительские товарищества, которые осуществляли первичную обработку продуктов сельского хозяйства. К ним мы относим кожевенные, овчинные, сыроваренные и другие сельхозтоварищества. Особенно

большое распространение традиционно имели маслодельческие товарищества. По Омскому округу в 1926 году насчитывалось 475 маслоартелей⁵⁸. Притом общее количество вновь открываемых заметно опережало количество тех, которые подлежали ликвидации. По Омской губернии с 1 января по 1 июля 1924 года было открыто 162 новых маслоартели, а закрытию подлежало всего 26⁵⁹. А по губернии в 1924 году было 1817 кооперативных товариществ, из которых маслодельческих было 920⁶⁰.

Проводя параллели в отношении кооперативного строительства на территориях бывших казачьих войск, надо отметить, что в Сибири кооперативы были развиты шире. Еще в августе 1921 года IV Сибирская партконференция постановила «углубить содержание агитации по кооперативному строительству, оставить на обсуждение членов партии вопросы и методы кооперативной работы и кооперативного строительства». В июне 1921 года Сиббюро ЦК РКП(б) приняло постановление о мобилизации 120 ответственных партийных работников «для укрепления кооперации и проведения товарооборота». Кроме того, для организации масштабной работы по вовлечению населения в кооперативы было мобилизовано 58 работников губернских и уездных организаций⁶¹. К началу 1924 года среди всех имевшихся кооперативных товариществ 28% относились к трудовым сельскохозяйственным кооперативам, а маслодельные артели занимали 35%⁶².

Советские структуры, ответственные за развитие кооперации в Сибири, предпринимали действенные усилия. Необходимо было придать возникающей кооперации известное оформление, уложить все виды сельскохозяйственной кооперации в русло единой кооперативной системы, установить связь между отдельными ее звеньями. К тому же необходимо было способствовать накоплению первоначального капитала на местах. В отчете Сибсельскосоюза за 1924 год сообщалось: «1. Повсеместно действуют организованные Сибсельскосоюзом областные инструкторские курсы, имеющие целью подготовить инструкторов для работы в районных союзах. Курсы действуют в

зимний период в продолжении 6,5 месяцев. Почти в каждом районном союзе есть курсы по подготовке мастеров маслоделия. Участие Сибсельскосоюза по этим курсам выражается в разработке планов и материальной поддержке; 2. Регулярно проводится ряд агрикультурных мероприятий по плану, утвержденному собранием уполномоченных Сибсельскосоюза; 3. Организована книжная торговля, снабжающая книгами первичные кооперативы»⁶³.

Перед Сибсельскосоюзом в начале 1924 года стояли две главные задачи: возрождение маслоделия и устройство на местах сельхозкредита, без которого развитие маслоделия было бы невозможно. Причем ставка делалась на первичные поселковые кооперативы. Результаты были получены относительно неплохие — уже в конце 1923 года на продажу было изготовлено 600000 пудов масла, а в 1924 году только Омская губерния отправила на экспорт 345971 пуд масла⁶⁴.

Кооперативы чаще всего возникали там, где они функционировали до революции, и поэтому часть из них старалась вести свои дела самостоятельно, не подчиняясь жесткому руководству Сибсельскосоюза. В сообщениях с мест говорилось, что имеются «попытки отдельных кооперативов выйти из под контроля Сибсоюза — есть случаи самостоятельных заключений договоров с организациями и частными лицами, невыполнение взятых перед Сибсоюзом обязательств»⁶⁵. Стихийный, неуправляемый (что и вызывало сожаление органов диктатуры пролетариата) рост кооперативов в маслоделии, наиболее доходной и отпрактикованной отрасли сельского хозяйства Сибири, был значительным. Так, в 1924 году в Омской губернии из 600 действующих маслозаводов, в Губсоюзе состояло только — 41,6%⁶⁶.

Казаки и крестьяне старались, по памяти прошлых, дореволюционных лет, вести хозяйства и участвовать в кооперативах без контроля и нажима сверху, действовать в рамках рыночных законов, что противоречило официальным стратегическим установкам. Отсюда и нежелание идти в

управляемые государством кооперативы. Советские органы вынуждены были признать недостатки в своей работе. В отчете Сибсоюза констатировалось: «Строительство сельскохозяйственной кооперации шло, главным образом сверху, медленно проникая до низов населения; государственные средства не всегда шли по прямому назначению; создаваемые местными отделениями Сибсоюза кооперативы не получали полной нагрузки за отсутствием достаточных средств; нередко получался разрыв в созданной союзной системе, когда каждый кооператив работал сам по себе, с трудом отстаивая право на существование. Часто союзы затоваривались, раздували штаты сотрудников, во многих районных союзах не было строго хозяйственного учета»⁶⁷. В другом номере «Бюллетеня Сельскохозяйственного союза» подчеркивалось, в контексте разговора о «болячках» роста кооперативного движения, что: «Правления обществ и райкомсекций часто состоят из неподготовленных работников, совмещавших свою работу с учреждениями более властными и обеспечивающими лучшее вознаграждение труда»⁶⁸.

Потребительская кооперация по праву занимала ведущее место в общей системе кооперативных объединений, но кроме того довольно широко были распространены и «специальные сельскохозяйственные товарищества», к которым относили простейшие производственные объединения: машинные, мелиоративные, семеноводческие и т. д., в действительности являвшиеся самостоятельными формами кооперации. В Омском округе в 1926 году насчитывалось 17 товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов), 14 тракторных товариществ, 3 бычьих товарищества, объединявших тяговую силу хозяйств, 3 льнодельческих, 7 коневодческих и т. д.⁶⁹ Из 56 тракторов, имевшихся в округе на 1925 год в сельхозартелях и в машинных товариществах находилось 17 и 31 числились за кредитными обществами⁷⁰. В отличие от потребительской кооперации, пользование услугами которой могло быть ограничено личными потребностями ее членов, как индивидов, деятельность сельхозкооперации была направлена на обслуживание нужд всего

хозяйства. В деятельности простейших производственных объединений при сохранении самих единоличных хозяйств как самостоятельной производственной единицы, появлялись элементы общественной собственности на средства производства. Поэтому они выступали в основном в форме различных товариществ по совместной производственной деятельности — по обработке земли, пчеловодческих, коневодческих, бахчеводческих и т. д.

Кооперативное движение, получившее свой импульс развития в годы новой экономической политики, уверенно набирало темпы. Особенно сильный рост образования кооперативных объединений мы наблюдаем в 1925–1926 годах — периоде наивысших достижений восстановленного при помощи НЭПа хозяйства, времени реализации официально провозглашенного лозунга «Лицом к деревне!». В Троицком округе в 1925 году было зарегистрировано 65 кооперативов и 62 кооперативные лавки против 38 и 39 в 1924 году соответственно⁷¹. По Челябинскому округу 66 и 182 в 1925 году против 46 и 97 в 1924 году соответственно⁷². В Оренбургской губернии на 1 октября 1924 года имелось 1549 кооперативных хозяйств, а к 1 февраля 1925 года — уже 20177⁷³. В Омском округе в апреле 1924 года 28 кооперативных структур, охватывавших 9,6% всего населения, а уже в октябре 1924 года их было 56 и они охватывали 24,8% хозяйств⁷⁴.

Последовательно возрастал объем паевого капитала кооперативных объединений. По Троицкому округу⁷⁵:

на 1 октября 1924 г. — 13656 р.

на 1 октября 1925 г. — 36820 р.

на 1 октября 1926 г. — 55254 р.

По Челябинскому округу оборот низовой потребкооперации с 1925 года по 1926 год вырос на 66%⁷⁶.

Подтверждение данной тенденции мы прослеживаем и по отдельным станицам. Кизильское потребительское общество, образованное еще в 1912 году, в январе 1924 года имело 144 члена и паевой взнос в сумме 81 рубль, а в июле того же года в него входило 164 пайщика и сумма паевого взноса равнялась уже 228

рублей⁷⁷. В Янгельском потребобществе, также основанном в 1912 году, за этот же период число пайщиков выросло с 93 до 109, а взнос с 24 до 281 рубля⁷⁸.

В среднем за 1925 год численный прирост кооперативов составил 30%, причем самый большой рост в казачьих районах дали кредитные кооперативы (по Омской губернии на начало 1924 года прирост кредитных товариществ составил 53,6%⁷⁹), что говорит о стремлении хозяев вкладывать средства в дальнейшее развитие своих дворов с целью увеличения товарной продукции.

В производственных кооперативах преобладали маломощные хозяйства, испытывавшие нехватку средств производства (в Оренбуржье в сельхозкооперативы входило две трети бедняцких и только одна треть середняцких хозяйств)⁸⁰, а в сбытовых и кредитных товариществах преобладали середняцкие и зажиточные хозяйства. Вообще, в отличие от колхозов и совхозов, в кооперативах ключевой фигурой как на уровне участия, так и управления, был середняк. В Омском округе, на конец 1926 года бедняков числилось 60% и они составляли только 42% всех пайщиков, а в правлении их было 30%. Средняков было 32% от всего населения, но в кооперативах они были представлены 46%, а в руководстве кооперативов и того более — 51%⁸¹. В Сибири в 111 машинных товариществах середняки составляли 54,8% пайщиков, а бедняки только 25,2%⁸².

В то же время вовлечение казачества в кооперацию, как и любой созидательный процесс, проходило неоднозначно. Например, в Троицком округе с января по июль 1924 года из 64 потребительских обществ закрылось 15. В основном это были недавно образованные общества, ибо из 10, возникших здесь еще до революции, кооперативов не распался ни один⁸³.

Государство в своей непоследовательности стало препятствовать свободному рыночному обращению. Налоговый пресс постепенно вытеснял из поселков частную торговлю. По Троицкому округу, где была наибольшая концентрация казачьего населения, динамика этого процесса прослеживается из нижеследующей таблицы⁸⁴:

Виды торговли	1923	1924	1925
Кооперативная торговля	31,8%	52,6%	53,6%
Государственная торговля	9,2%	9,4%	9,4%
Частная торговля	59%	38%	37%

Из таблицы наглядно видно, что при поддержке государства кооперативная торговля уверенно теснит частную.

В то же время кооперация не могла в достаточной степени обеспечить население необходимыми товарами по твердым государственным ценам. По этой причине, несмотря на имевшиеся в поселках кооперативные лавки, казаки за покупками отправлялись в близлежащие города, где частная торговля еще имела возможность существовать и укрепляться даже в стесняющих ее условиях⁸⁵.

Более инициативный и энергичный частник сдаваться перед кооперацией не собирался. Довольно серьезная конкуренция сложилась между государственными кооперативами и частниками в области зернозаготовок. Рыночная цена пуда ржи у частника в среднем была на 10 копеек выше государственной⁸⁶. В Троицком округе в 1925 году частники заготовили 15% от всего объема заготовок, а только в 1-м квартале 1926 года — 25%⁸⁷. Разрыв между государственными заготовительными ценами и рыночными по Челябинскому округу составил в июле 1926 года 21,9%, в августе — 39,7%, а в сентябре — уже 43,8%⁸⁸. Вполне объяснимо, что Советская власть, стремившаяся к монополии на заготовку и продажу продукции сельского хозяйства, старалась как можно быстрее вытеснить частную торговлю из всех сфер сельского хозяйства, нарушая при этом основополагающие принципы рыночной экономики, курс на которую был провозглашен новой экономической политикой в 1921 году.

Заинтересованные в целом в развитии кооперации, как будущей школы по переходу к коллективному производству в деревне, местные власти старались всячески расширить охват населения различными формами кооперации. Но активная агитация по вовлечению в кооперативы со стороны сельсоветов, изб-читален,

РИКов не всегда давала результаты, ибо на практике развитие кооперативного движения зачастую наталкивалось на некомпетентность и злоупотребление со стороны отдельных руководителей кооперативов. Так, при Спасском сельсовете число пайщиков в 1926 году подверглось резкому сокращению — с 312 до 79. Главной причиной выхода из кооператива казаки называли незаконно завышенный первый взнос до 5 рублей 50 копеек и крупную растрату в 500 рублей, допущенную председателем кооператива, что вызвало недоверие к самой идее кооперации. По данным за хозяйственный 1924–1925 год по Сибири из 1018 проверенных кооперативов в 186 (18,2%) были обнаружены растраты на общую сумму 197778 рублей, в среднем по 1063 рубля на кооператив. Среди растратчиков: председателей правлений — 46, членов правлений — 152, один член ревизионной комиссии. В некоторых сибирских кооперативах было растрчено до 87% паевых взносов⁸⁹.

Кооперативное движение усложнялось по мере своего развития, все больше отрываясь от преимущественного ориентирования в сторону потребительских и производственных объединений. В годы новой экономической политики новый импульс, качественный и количественный, получила промысловая кооперация, что было вызвано дальнейшим усложнением хозяйственной жизни казачьего общества, необходимостью изыскивать новые источники доходов на покрытие все увеличивавшихся издержек хозяйствования и выплату налогов, ранее не имевшихся у казаков.

Среди всех видов производственной кооперации, не связанной непосредственно с земледелием, в Троицком округе из общего числа кооперативов в 238 единиц, кустарно-промысловых было 73⁹⁰. Наиболее развитыми среди них можно было назвать такие как: традиционный для казачьих областей Южного Урала и Западной Сибири пуховязальный промысел (57% всех занятых лиц), мукомольный, крупяной, маслобойный, веревочный, кожевенный, овчинный, портняжный, сапожный, пимокатный, бондарный⁹¹. Эти традиционные и необходимые в сельской местности занятия, ранее

обеспечивавшие в основном только внутренние потребности казачьего двора, теперь превращаются в постоянный источник дохода, вместе с земледелием и животноводством, становятся важным подспорьем в казачьем хозяйстве.

Ранее неразвитое кустарное производство начало приобретать динамику своего развития с 1923 года — года возрождения начавшего оправляться после голода казачьего села. В Оренбургской губернии организованных кустарей, то есть зарегистрированных и выплачивавших налог, уже в этом году насчитывалось более 14 тысяч человек. По-прежнему преобладал пуховязальный промысел — в 1925 году в нем было задействовано 8805 человек; причем в 656 хозяйствах применялся наемный труд, что говорит о расширенном товарном производстве (всего через кооперативы было реализовано в этом году 56 тысяч платков)⁹². Общее же число кооперативных объединений в Оренбуржье достигло 328, они в той или иной мере вовлекали в сферу своей активности 26,7% всех дворов.

В целом, из 328 объединений преобладающими являлись сельхозкредитные товарищества (135), сельхозартели (79), товарищества по обработке земли (29), мелиоративные товарищества (19). Имелось 11 машинных товариществ⁹³.

В Челябинской губернии, где проживала большая часть населения бывшего Оренбургского казачьего войска, показатели кооперирования были несколько выше, что объясняется более высоким в целом уровнем благополучия, присущего хозяйствам лесной и лесостепной зон. Процент вовлечения хозяйств в кооперативные объединения был, тем не менее, ниже — 20%. Это можно объяснить тем, что именно в станицах этих зон был наиболее высокий уровень благосостояния и возможности содержать свои дворы на должном материальном уровне были шире. Например, по Уйскому району, одному из самых «сытых», процент участия в производственных кооперативах (всего их было 12) был 18,1%, а в сбытовых — 7,5%⁹⁴. Всего по губернии в 1924 году насчитывалось 101 ТОЗ, 125 кредитных товариществ, кустарно-промысловых артелей — 49, маслодельных

товариществ — 47 и т. д., а всего 384 объединения на кооперативных основах⁹⁵.

В годы новой экономической политики, на основе провозглашенных рыночных принципов, кооперация заметно окрепла. Кооперативное движение стимулировало развитие казачьего двора, отрывало его все больше и больше от цепких общинных традиций и связей.

Но разгул рыночной стихии, неподконтрольное развитие торговли и деятельности кооперативов в области сбыта не укладывались в экономические и идеологические представления о перспективах НЭПа со стороны советских органов. С 1926 года наблюдается преобладание производственных кооперативов над сбытовыми, что объясняется отчасти тем, что развитие кооперации на базе рыночных отношений сокращалось, особенно в области кредитных и сбытовых операций, потому что эти функции все больше сосредотачивались в руках государства. Смена политического курса от поддержки крепкого хозяина к политике пропаганды и организации крупных коллективных хозяйств неизбежно породила стимулирование всех уровней производственных объединений, которые представлялись прообразами будущих коллективных хозяйств, где также должны были объединяться средства производства, а заготовительные и распределительные функции оставались бы в руках государства. Надо отметить, что не связанные все еще бытовавшими регламентациями казачьей общины и быстрее приспособившиеся к новым, рыночным отношениям крестьяне более активно пополняли число пайщиков кооперативных объединений. Так, в Миасском, казачьем районе, кооперацией было охвачено 36,8% населения, что было на 4,8% ниже среднего по округу. В Еткульской станице этот показатель равнялся 31,8% — ниже среднего на 9,8%⁹⁶.

Постепенно угасало, задавленное налогами, частное предпринимательство. В 1926 году прекращает свое существование знаменитый Урлядинский сыроваренный завод, основанный еще в 1910 году. Продолжает сокращаться в 1926 году

количество коммун и артелей, потому что в условиях рынка эти объединения, в основном включавшие в себя маломощные хозяйства, проедали свой произведенный продукт и существовали в целом за счет поддержки государства.

Местные власти, достаточно хорошо владея ситуацией, сложившейся в трудовых коллективных объединениях, старались всячески оживить процесс по образованию и поддержке немногочисленных хозяйств. Но разрушающие моменты все же преобладали над созидательными. В Омской губернии в первой половине 1924 года удалось организовать только 3 новых земледельческих коммуны, тогда как прекратили свое существование 9⁹⁷.

Газета Оренбургского исполкома «Степная правда» писала: «Основу создания крупных и мелких комбинированных хозяйств в данное время можно найти только в дружном коллективном творчестве, с помощью государства, на кредитных началах. Что же касается совхозов, то теперь нужно отступить от старых методов централизации, перевести их на хозрасчет и собственный бюджет, не вводя их в шаблонные плановые рамки, ибо эта система убивает самостоятельную инициативу, порождает большую волокиту и подчас заставляет выполнять ненужную работу, которая совершенно не соответствует данному времени. Убиваются средства и создается подневольный труд, который не всегда понимается рабочими и администрацией колхозов. Нужно немедленно приступить к децентрализации, с одной стороны, и выделить совхозов специального назначения, с другой стороны, оставив за земорганами только общее начало»⁹⁸.

Непосредственно организацией коллективных и кооперативных объединений должны были заниматься низовые структуры. Основная работа по созданию и поддержке коллективных форм экономической жизни села ложилась на первичные ячейки исполнительной власти на местах — сельские советы. На них лежало и распределение помощи среди нуждавшихся хозяйств и организация ККОВ — крестьянских комитетов оказания взаимопомощи.

Эти, организованные по указанию советских властей, комитеты играли роль своеобразной социальной защиты и поддержки, в первую очередь, беднейшего населения. Через них, по замыслу, должны были прививаться и коллективистские начала. Крестьянским Комитетам Оказания Взаимопомощи выделяли лучшие земли из государственного земельного запаса и лугового фонда⁹⁹. Условия ведения хозяйства на передаваемых ККОВ земельных участках были определены в специальных договорах, куда включались обязательства по общественной обработке полученной земельной площади, по ведению хозяйства с правильным севооборотом и улучшенных способов обработки земли с участием агрономов и с учетом условий данного региона. В ККОВ запрещался наемный труд и субаренда, что дает основания предполагать, что данные комитеты должны были сыграть роль экспериментальной модели будущего социалистического переустройства села.

Земельные органы обязаны были оказывать через имевшихся в их распоряжении агрономов инструкторскую помощь и содействовать обеспечению ККОВ семенами и сельхозинвентарем¹⁰⁰. ККОВ были наделены правом проведения обязательного самообложения хозяйств, а также производить сборы и устанавливать отчисления при товарообороте. В руках этих комитетов была сосредоточена основная часть конфискованных и переданных сельским обществам материальных ценностей, равно как сельхозмашин и орудий, так семенных и едовых зернозапасов¹⁰¹.

На комитеты крестьянской взаимопомощи была возложена функция распространения агротехнических знаний и передовых приемов земледелия. Анализ же регулярных отчетов сельсоветов показывает, что экономически ККОВ были довольно слабы, несмотря на то, что уездные власти передавали им технику и малые предприятия. Так, 130 комитетов Троицкого округа получили в свое распоряжение 19 предприятий, 46 сельхозмашин и 6 тракторов¹⁰².

ККОВы были маломощны, ибо население в целом игнорировало попытки кооперировать его на базе социалистических

принципов. Общественные запашки, проводимые членами ККОВ, были незначительны: по Верхнеуральскому району всего 177,5 десятин на 18 сельсоветов¹⁰³. В среднем засевалось по 8–10 десятин на сельсовет. По Троицкому округу в 1926 году общественные запашки составили 289 десятин¹⁰⁴.

Чаще всего функции комитетов крестьянской взаимопомощи сводились к распределению семенных и продовольственных фондов среди нуждавшихся. Например, в Урлядинском сельсовете через ККОВ в 1925 году было роздано 136 пудов пшеницы, в Спасском — 78 пудов пшеницы и 187 пудов овса¹⁰⁵.

Население казачьих станиц, отрешенное от земельной собственности и настороженно воспринимавшее всякие инициативы советских властей, с недоверием воспринимали деятельность крестьянских комитетов оказания взаимопомощи. Отношение к комитетам в целом у населения было пассивным, желание входить в них изъявляли немногие казаки — в основном беднота, которой нечего было терять.

В отчете Оренбургского губисполкома отмечалось, что «ККОВ влачат жалкое существование, вызывая у многих работников мысль об их бесполезности. Беднота смотрит на них как на орган собеса»¹⁰⁶. Среди вновь избранных членов ККОВ по Сакмарской волости в Оренбуржье в 1925 году из 28 человек только четверых можно было отнести к середнякам, а остальные были бедняками и батраками¹⁰⁷. Это вполне объяснимо: середняк старался избегать подобных организаций, ибо участие в них ложилось дополнительной нагрузкой на свое хозяйство, где господствовал ручной труд и постоянно ощущалась нехватка рабочих рук, особенно в страдную пору.

Если обобщить выше перечисленное, то подводя итоги, можно сказать, что несмотря на определенные усилия местных властей по пропаганде и поддержке коллективных хозяйств, личная заинтересованность производителя приносила более высокие результаты, чем предполагаемая коллективная сознательность. Беспомощность земорганов, вызванная недостаточностью финансирования и общей некомпетентностью кадров, чаще всего

пришедших на кооперативную и агрономическую работу по очередной мобилизации, а не по призванию, была повсеместным явлением. В докладной записке заведующему отделом сельского хозяйства по Омскому уезду сообщалось: «... с новой экономической политикой случилось сокращение и в некоторых случаях отмена совсем кредитов на агрономическую работу, что поставило еще только начинающуюся агроработу в Сибири в тяжелые условия... Благодаря тому, что НЭП застала агрономическую работу врасплох и ставила без кредитов, думаю, что вся показательная агроработа на местах замрет и агрономы останутся только с одними словами. Но крестьянина одними словами не так-то скоро и легко убедишь, пока не покажешь ему на деле и пока он сам воочию не убедится в правильности сказанного... Кроме того, новой экономической политикой заразились все учреждения — все бросились за наживой: оправдать свои расходы и получить прибыль, и чем больше, тем лучше. Отдел сельского хозяйства вынужден платить большие деньги за семена и даже отказывать себе в их покупке из-за недостатка финансирования»¹⁰⁸.

По-прежнему к 1926 году преобладающим являлось мелкотоварное производство с элементами рыночных отношений. Изменились в 1926 году и темпы развития хозяйственных мощностей. Носившая классовый характер налоговая политика, заключавшаяся в усиленном налогообложении хозяйств, применявших наемный труд, берущих в аренду землю, сосредоточивших в своих дворах определенное количество сельхозинвентаря, владевших значительным количеством рабочего скота и т. п., привела к замедлению темпа прироста посевных площадей и поголовья скота у зажиточных казаков. В 1924—1925 хозяйственном году середняк платил в 4 раза, а зажиточный в 14,5 раза больше сельхозналога, чем бедняк¹⁰⁹.

Значительное сокращение посевов у товарных групп привело к увеличению посева в потребляющих хозяйствах, что не могло не отразиться на валовом производстве товарного хлеба — оно стало снижаться. Казаки не видели серьезной перспективы своего

обогащения в условиях новой экономической политики. Мощности хозяйств снижались, производство сельхозпродуктов в большой массе мелких хозяйств приближалось к норме потребления. Данные тенденции имели место и в крестьянской среде, но в казачьих районах пассивность и снижение продуктивности сельского хозяйства были выражены рельефней.

Глава 9

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАЗАЧЬЕГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Рассматривая изменения, проходившие в казачьем хозяйстве в годы новой экономической политики, можно сделать вывод, что для него были характерны те же процессы, что протекали в крестьянских хозяйствах страны: развитие рыночных структур, возрастание товарности хозяйств, развитие рыночных форм кооперации, изменение приемов ведения хозяйства и, в целом, подъем уровня агрокультуры населения, дробление семей, увеличение количества индивидуальных хозяйств, социальное размежевание.

Социальная дифференциация внутри любого общества есть явление объективное и напрямую она была всегда связана с тем местом, которое занимала та или иная социальная группа в экономической или политической иерархии общества. Общество на протяжении всей его многовековой истории никогда не было однородным и благодаря этому процесс его внутреннего развития носил постоянный, непрерывный и прогрессивный характер. Стремление перейти из страты низкой в более высокую и далее в последующие, находящиеся на еще более высоком уровне иерархической лестницы, было стимулирующей силой развития человеческого общества на всех этапах его существования.

Постоянное перемещение по вертикали является для индивидов, а также отдельных социальных групп (классов), не только средством для самореализации под воздействием постоянно меняющихся внешних и внутренних факторов, но и объективной необходимостью, без которой поступательное движение общества просто невозможно.

В то же время, социальное расслоение общества всегда усиливает в нем внутреннюю напряженность, порождает распри, зависть, покушение на чужую собственность, приобретенную в результате смены социального статуса (зачастую повышение

социального статуса бывает напрямую связано с улучшением материального благополучия). Переход в более высокую социальную страту часто вызывает разрыв с прежней социальной группой, изменение не только уровня богатства, но и прежнего менталитета, приобретение новой обоймы ценностей. Между вчерашними родственниками и соседями возникает непреодолимая пропасть, порождающая вражду и в некоторых случаях противодействие, конфронтацию. Неравенство, возникающее при этом, порождается не столько изменившимся вкладом индивида (группы) в общественное производство общественного продукта, в возможности больше приобретать и иметь материальных ценностей (для каждой эпохи своих), использовать их для укрепления своей власти и личного благосостояния.

Социальное неравенство возникает на почве социальной несправедливости, а также в процессе общественного производства, когда одни социальные группы улучшают свое материальное, а, следовательно, и общественное положение, за счет эксплуатации других групп, стоящих на низших ступенях социальной лестницы. Социальная несправедливость порождает в обществе постоянное внутреннее противоборство (классовую борьбу по К. Марксу), беспорядки, дезорганизующие и разрушающие социальный мир и политическую стабильность.

Понимание данных истин всегда находило отражение у руководства казачьих войск. Единая, монолитная казачья община должна была поставлять в строевые части ничем не обделенных, равных во всех отношениях воинов, не разделенных по своему имущественному положению и, в силу этого, лишенных по отношению друг к другу зависти. Воинов, всегда готовых защитить товарища (сам термин «товарищ» говорит об одинаковом материальном достатке и равном социальном положении его носителей), спасти в бою. Поэтому служили казаки вместе, а в эскадроны и роты набирались одностаничники, готовые поддержать в минуту опасности своих товарищей по детским играм, а зачастую и своих родственников, как это обычно бывало в компактных селениях, стоящих не одно десятилетие на одном и

том же месте.

Поэтому казаки не являлись собственниками земли (руководство казачьих войск понимало, что собственность есть первопричина расслоения общества), а получали ее от станичного общества в одинаковых размерах по достижении ими 17 лет. Каждый взрослый казак-мужчина получал 30 десятин земли (в начале XX века по отдельным станицам, в зависимости от наличия удобных земель, пай могли быть больше или меньше, до 12 десятин в отдельных случаях), причем станичное общество следило, чтобы при жеребьевке все имели равное количество удобных, пригодных для пашни земель, что неизбежно порождало чересполосицу и дальнотемелье.

В случае несчастий (пожары, увечья, стихийные бедствия и т. д.) казачья община имела защитный механизм в виде запасных хлебных магазинов, а также материальной помощи, которая могла быть оказана из войсковых капиталов. Широко была распространена обычная при общинном ведении хозяйства соседская или родственная взаимопомощь. Единый уровень материального благосостояния казачьих дворов должен был по замыслу уберечь станичное общество от потрясений и социальных конфликтов. Ревностно защищали казаки свое общество от проникновения туда инородческих элементов. М. Д. Голубых в своей книге «Казачья деревня» пишет, что редкая казачка пойдет замуж за иногороднего — не ровня¹.

Социальное равенство внутри казачьего общества должно было обеспечить и равное участие всех казаков, и офицеров и рядовых, в Станичных Сборах. Преимуществ при принятии решений не было ни у кого. По жребию, а не по произволу (как это частенько было в крестьянских общинах, когда староста произвольно определял на службу крестьянских парней) получали казаки наряды на службу, без каких-либо исключений и привилегий отбывали ее от начала и до конца.

Не поощрялись особо в казачьей среде занятия торговлей и побочными промыслами, ибо это способствовало нарушению экономического равенства внутри общества.

Начавшееся развитие рыночных, капиталистических

отношений вынудило казачью общину еще сильнее замкнуться, отгородиться от внешнего мира, ибо развитие товарно-денежных отношений неизбежно бы изменило социальную ситуацию внутри казачьего общества. Но остановить прогресс общественного развития оказалось не под силу даже такой неприступной социальной цитадели, как казачья община. Передача отслужившим офицерам и чиновникам в пожизненное владение значительных земельных наделов уже нарушало былое единство общины. Возросшие расходы на справу и на поддержание жизнеобеспеченности хозяйства заставляли отдельных казаков проявить инициативу и предприимчивость, укреплять свои хозяйства и увеличивать в свой достаток за счет расширения аренды и найма. В станицах организовывались кооперативные товарищества и торговые общества.

В станицах и поселках стали появляться не только маломощные хозяйства, но и беспосевные, безлошадные, бескоровные и т. д. И пусть эти люмпенизированные слои были относительно немногочисленны и часто состояли из ленивых и пьющих (реже больных и увечных) хозяев, они все же вносили известную социальную напряженность в станичные общества. Бедные, маломощные хозяйства служили постоянным резервом пополнения групп наемных работников, а их наделы источником для постоянно увеличивающихся арендуемых земельных площадей.

Получивший свою динамику после начала столыпинских аграрных реформ процесс социальной дифференциации казачьего населения не прекращался и в годы первой мировой и гражданской войн, в годы «военного коммунизма».

Этому способствовали развивавшиеся рыночные отношения, возросшие в связи с военным временем расходы на поддержание хозяйства и, соответственно, потребность в увеличении доходов; ослабление внутриобщинных связей; влияние иногороднего населения, более активно втянутого в капиталистический рынок. Внесла свою лепту в изменение соотношения социальных групп внутри казачьего общества и Советская власть, поддержавшая

экономически и политически бедноту и целенаправленно преследовавшая зажиточных казаков, количество которых в первые годы Советской власти значительно сократилась (гибель в войне, эмиграция, раскулачивание и т. д.).

Главной политической и идеологической установкой того времени было утверждение социального и экономического равенства для всех слоев населения, но эти попытки оказались несостоятельными в силу разных причин.

Введение новой экономической политики ускорило процесс социальной дифференциации в казачьих обществах. Освобожденные от сословной обязательности в подчинении обществу, казаки, не имея к тому привычки, на свой страх и риск стали преобразовывать свои традиционные принципы хозяйствования, изменять укоренившийся способ производства, искать новые пути пополнения своих доходов.

Если судить по данным советской статистики середины 20-х годов, то в советской деревне до коллективизации наблюдался рост и укрепление середняцких хозяйств, составлявших по установившейся шкале подсчетов арифметическое большинство (осереднячивание деревни), а крестьянское хозяйство в целом улучшило свое материальное положение по сравнению с 1917 годом, что преподносилось как заслуга Советской власти и ее новой экономической политики. Но в казачьих хозяйствах бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск при изучении архивных документов и статистических материалов 1924–1926 годов мы обнаруживаем повсеместное снижение уровня жизни казаков и экономической мощи их хозяйств по сравнению с дореволюционным периодом.

Данная тенденция была характерна практически для всех казачьих поселений, расположенных в основных географических и климатических зонах: лесной, лесостепной, степной (с небольшими процентными отклонениями) и прослеживается на основе различных критериев — посевах, обеспеченности рабочим и молочным скотом, наличии сельскохозяйственного инвентаря в хозяйствах.

Для исследования периода середины 20-х годов имеются

определенные трудности в идентификации вышеперечисленных критериев. Если до революции хозяйство землевладельца, засевавшего до 5 десятин посева и имевшего в подворье 1–2 головы рабочего скота, мы определяем как бедняцкое (данные в рублевом и хлебном исчислении даны во 2-ой главе), то советская статистика, начиная с середины 20-х годов, когда уже не запрашивались, а требовались данные об успехах социалистического строительства в поднятой новой экономической политикой советской деревне, в бедняцкие дворы, чтобы иметь довольно высокие показатели результатов своей работы, зачисляли все несеющие хозяйства и тех, кто заседал до 2-х десятин пашни. В хозяйствах этих бедняков не могло быть свыше одной головы рабочего скота и одной коровы. Границы определения середняцких хозяйств были изменены соответственно. В середняки записывали тех, кто имел от 2-х до 8-ми десятин посева и имел 1–2 головы рабочего скота и 1–2 коровы на двор. Как мы видим, данные оценки существенно отличаются от ленинских, когда середняцкими дворами считались, те кто имел от 5 до 15 десятин посевных площадей и не менее 3–4 голов скота (не считая мелкого) в хозяйстве. Соответственно были понижены критерии определения зажиточных хозяйств. К ним теперь относились те, кто заседал свыше 8 десятин, а не 16, как раньше, что позволило впоследствии достичь значительных количественных показателей при раскулачивании. Обнаружить серьезной мотивировки данному изменению в определении расслоения деревни по имущественному признаку автору не удалось.

Не подвергается сомнению сама тенденция к осереднячиванию, ибо она объективно прослеживается по разным показателям как в крестьянских хозяйствах, так и в казачьих поселениях. Особенно это заметно по сравнительным данным послеголодного 1923 года с данными 1925 и 1926 годов, когда под благоприятным воздействием провозглашенных новой экономической политикой принципов и целенаправленной деятельности органов советской власти индивидуальные хозяйства смогли несколько повысить свои мощности и общий уровень

благосостояния. Но в определении количества середняцких хозяйств официальные данные появившиеся позже, после НЭПа, явно завышались и, по мнению автора, численность бедняцких хозяйств на основе приведенных критериев занижались.

Официально перед началом коллективизации предлагались цифры: середняков около 60%, бедняков около 30; и немногочисленная группа зажиточных (кулацких) дворов не более 10%. Эти данные соответствовали тем, новым критериям советской статистики, о которых говорилось выше.

Но если рассматривать такие показатели, как обеспеченность хлебом по едокам, а также по наличию голов рабочего скота, то мы увидим, что многие середняцкие хозяйства, обозначенные таковыми по официальной статистике, окажутся ниже того уровня, который имело бедняцкое хозяйство по ленинскому подсчету до революции.

К тому же надо учесть, коворя о валовом сборе хлеба с заметно сократившихся по сравнению с дореволюционным периодом посевных площадей, что и урожайность зерновых в отдельных районах не только не выросла, но и понизилась: по Троицкому округу в 1905–1914 годах средняя урожайность ржи составляла 55,7 пудов с десятины, пшеницы — 42,2 пуда, овса — 44,9 пуда. В 1925 году на этой же территории урожайность с десятины составила 31,2 пуда, 25,3 и 28,3 пуда соответственно.² По Омскому округу бальные оценки урожайности 1925 года были также заметно ниже даже 1922 года: по озимой ржи на 28%, по пшеницы — на 9%, по овсу — на 8,7%³.

В. П. Данилов признает, что в производящих районах, куда относились земли бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск, к бедняцким хозяйствам можно отнести тех, кто заседал до 4-х десятин земли. При среднем для урало-сибирского региона показателе в пять едоков на хозяйство, на одну душу не пришлось бы и одной десятины посева. Но если даже определить как бедняцкое то хозяйство, которое заседало не 4, а 3 десятины, то и тогда по уральскому региону (данные за 1926 год) бедняцкие хозяйства составили бы 52,7%⁴. В Оренбургской губернии

51,36%⁵, в Омской губернии — 48,7% (а тех, кто засеивал до 4-х десятин — 62%)⁶. При том надо учесть, что данные по посеву не являются универсальными критериями хозяйства, ибо они не учитывают уровень урожайности, вид засеваемой культуры, качество земли.

Посев не являлся универсальным критерием благополучия хозяйства, его потенциальной мощности. Более существенным показателем благосостояния казачьего двора была обеспеченность подворья рабочими лошадьми. Лошадь являлась главной тягловой силой при почти полном отсутствии тракторов в казачьих поселениях в доколхозный период. Снижение в 2,5 раза поголовья рабочих лошадей в начале 20-х годов⁷ (строевых лошадей мы сознательно не включаем в этот перечень когда берем для сравнения данные обеспеченности лошадьми дореволюционного казачьего двора, ибо речь идет, в первую очередь, об экономической мощи хозяйства, его потенциальной возможности обработать пахотные земли) носила объективный характер. В результате событий 1917–1920 годов был нанесен значительный урон хозяйствам казаков, что отразилось на урожайности и валовых сборах зерновых.

Несмотря на известные усилия местных советских органов по укреплению материальной базы пострадавших от войн и голода хозяйств, поголовье лошадей росло очень медленно. По Омскому округу количество рабочих лошадей в 1923 году составило 55,9% от 1917 года, в 1924 и 1925 годах — 56,3% и 57,8% соответственно⁸. По Челябинскому округу в 1916 году в хозяйствах насчитывалось 233,4 тысячи голов лошадей, в 1924 году — 96,2 тысячи (41,2%) и в 1925 году — 118,2 тысячи голов (50,6%)⁹. Примерно такая же картина наблюдалась в Оренбургской губернии. Там в 1917 году было 240484 лошади, в 1923 году — 65811 (27,34%), в 1924 году — 822240 лошадей (34,19%)¹⁰.

Мы уже выделили тот факт, что на территориях, попавших в зону нашего исследования, наибольшая концентрация казачьего населения приходилась в Оренбуржье на Орский округ, в Сибири — на Омский округ и в Челябинской области больше всего казаков,

практически все население, проживало в Троицком округе. Попробуем проследить на уровне таблиц благосостояние сельских дворов по этим округам в конце обозначенного периода нашего исследования. В основу исследования нами взяты основные критерии определения мощности хозяйств: посев и наличие в хозяйстве рабочего скота.

Омский округ (данные 1925 года)¹¹

Посев по хозяйствам	1920 год	1921 год	1922 год	1923 год	1924 год	1925 год
Беспосевных	9,1%	1,7%	0,6%	4%	4,1%	5,7%
До 1 десятины	3,8%	1,3%	9,4%	11,5%	14,1%	10,9%
1-2 десятины	6,5%	5,2%	21,6%	20,1%	20,0%	15,6%
2-3 десятины	7,9%	6,7%	20,8%	16,4%	17,2%	16,5%
3-4 десятины	8%	7,7%	13,7%	12,2%	12,8%	13,3%
4-6 десятины	16%	15,7%	15,1%	16,4%	15,6%	16,7%
6-8 десятины	12,4%	12,4%	8,6%	8,9%	7,8%	9,1%
8-10 десятины	9,6%	10,1%	3,8%	4,6%	3,6%	4,4%
10-16 десятины	16%	21%	4,6%	4,7%	3,2%	5,2%
Свыше 16 десятины	10,7%	18,2%	1,6%	1,2%	1,6%	2,5%

Если мы относим количество сеющих до 4-х десятин или не сеющих вообще к беднякам, то в 1920 году таких мы по Омскому округу насчитываем 26,3%. В 1922 году таких уже 66,3%, в 1923 году — 64,2%. В 1924 году бедняков насчитывается 68,2%, причем с 1921 года идет прирост хозяйств, засевающих до 1 десятины (с 1,3% до 14,1%). В 1925 году бедняцкие хозяйства составляют 52,1% от общего количества дворов Омского округа (107378). Некоторое снижение малосеющих дворов в 1925 году по отношению к предыдущему подтверждает тенденцию к осереднячиванию хозяйств, но по-прежнему бедняцкие дворы составляют абсолютное арифметическое большинство.

Теперь проследим динамику середняцких дворов, в которые мы отнесем сеющих от 4 до 10 десятин, хотя ленинский дореволюционный критерий охватывал интервал от 5 до 15 десятин. В 1920 году таких хозяйств насчитывалось 38%. В 1921 году

серьезных изменений не произошло — 38,2%. В 1922 году наблюдается явное снижение — 27,5%. С 1923 года прослеживается заметный рост, но уровень 1920 года, то есть до начала новой экономической политики, так и не достигается. 1923 год — 29,9%, 1924 год — 27%, 1925 год — 30,3%.

Что же касается зажиточных хозяйств, имевших посевы свыше 10 десятин, то с 1921 года — года новой волны советских экономических реформ, их количество снижается и держится на уровне 6–7%. В 1920 году они составляли 26,7% от всех хозяйств, в 1921 году их количество значительно возросло, в чем не последнюю роль сыграло проведенное советскими земорганами землеустройство, — 39,2%. А потом наступает разочарование и оправданное недоверие провозглашенной политике, — сеять стали меньше: 1922 год — 6,2%, 1923 год — 5,9%, 1924 год — 4,8%, 1925 год — 7,7%.

Данные по посеву наглядно показывают тенденцию к его сокращению, возрастанию беспосевных (с 1921 по 1925 годы рост составил 335% и малопосевных групп хозяйств (в два раза). Количество середняцких дворов, когда-то преобладающих численно, снижается до 30% от общего количества и значительно уступает бедняцким. Резко сократились многопосевные хозяйства, бывшие объектом усиленной эксплуатации со стороны налоговых органов и объектом идеологической пропаганды со стороны партийных структур.

По количеству рабочего скота в хозяйствах, прослеживается подобный результат:¹²

Хозяйства	1920 год	1921 год	1922 год	1923 год	1924 год	1925 год
Без рабочего скота	8,9%	3%	5,1%	14,8%	20,2%	20,6%
С 1 рабочей лошастью	16,5%	7,3%	20,2%	33,1%	32,5%	29,5%
2 рабочие лошади	31,5%	25,1%	33,7%	32,7%	29,7%	31,3%
3 рабочие лошади	20,6%	23,6%	19,8%	11,0%	10,7%	11,3%
Свыше 3-х	22,5%	41%	20,2%	8,2%	6,9%	7,3%

Если считать маломощным хозяйство, которое имело не

больше двух голов рабочего скота на двор, а чаще одну рабочую лошадь, то мы видим в годы новой экономической политики значительный прирост таких небогатых хозяйств. В 1920 году их было 56,9%, в 1922 году — 59%, в 1923 году — 80,8%, в 1924 году — 82,4%, в 1925 году — 81,4%. Причем последовательно с 1921 года растет количество безлошадных дворов: с 3% до 20,6% от общего количества дворов в 1925 году. Количество сравнительно обеспеченных рабочим скотом хозяйств, имевших 3 лошади, сократилось в два раза за этот период, а количество зажиточных хозяйств, имевших 4 и свыше лошадей, сократилось в три раза — с 22,5% до 7,3%.

Попробуем рассмотреть положение в другом казачьем округе — Троицком, который в 1925 году входил в только что образованную Уралобласть. В поле нашего исследования попали сравнительные данные по посеву и количеству рабочего скота с 1922 года по 1925 год:¹³

Хозяйства	1922 год	1923 год	1924 год	1925 год
Без посева	17,91%	3,54%	4,21%	4%
До 1 десятины	36,76%	22,17%	17,74%	14,6%
1-2 десятины	21,05%	19,12%	15,41%	16,7%
2-3 десятины	9,2%	14,5%	13,58%	13,4%
3-4 десятины	5,48%	10,55%	11,61%	9,4%
4-6 десятины	5,16%	11,31%	13,49%	14,4%
6-8 десятины	2,33%	7,5%	8,55%	9,4%
8-10 десятины	0,63%	3,99%	4,66%	5,2%
10-16 десятины	1,17%	4,94%	6,68%	8,2%
Свыше 16 десятины	0,31%	2,38%	4,07%	4,7%

Исходя из уже названных критериев постараемся определить динамику движения бедных, беспосевных или сеющих до 4-х десятин хозяйств. В 1922 году их насчитывалось по округу 90%, в 1923 году — 69,88%, в 1924 году — 62,55%, в 1925 году — 58,1%. Та же, что и в Сибири тенденция к осереднячиванию при

абсолютном большинстве маломощных хозяйств. Средняцкие хозяйства за этот период несколько увеличили свое количество: в 1922 году их было 8,12%, в 1923 году — 22,8%, в 1924 году — 26,7%, в 1925 году — 29%. Как мы видим, примерно такое же соотношение, как и в Западной Сибири, что еще раз подтверждает тенденцию. Количество зажиточных дворов, засевавших свыше 10 десятин также увеличивалось с 1,49% в 1922 году до 12,9% в 1925 году, что не может являться случайным для многоземельного Троицкого округа.

Рассмотрим данные по рабочему скоту:¹⁴

Рабочих лошадей в хозяйстве	1922 год	1923 год	1924 год	1925 год
Без лошадей	39,27%	39,68%	32,83%	29,4%
Одна лошадь	30,39%	30,25%	31,87%	32,7%
Две лошади	17,01%	17,50%	19,39%	19,1%
Три лошади	6,51%	6,46%	8,41%	8,8%
Четыре и свыше	6,82%	6,02%	7,5%	10%

В Троицком округе, где станицы испытали наибольшие последствия голода, количество рабочего скота понизилось очень значительно. Даже если мы возьмем количество безлошадных и однолошадных дворов, то увидим, что этих, едва сводящих концы с концами бедных хозяйств, по округу будет во всем исследуемом временном отрезке большинство. В 1922 году их было 69,66%, в 1923 году — 69,94%, в 1924 году — 64,7%, в 1925 году — 62,1%. Количество хозяйств, имевших 2–3 лошади, которых условно можно отнести к средним по достатку, росло незначительно: в 1922 году их было 23,52%, в 1923 году — 24,5%, в 1924 году — 27,8%, в 1925 году — 27,9%. Количество зажиточных хозяйств поднялось с 6,02% в 1923 году до 10% в 1925 году, что еще раз говорит об усиливавшейся социальной дифференциации среди казачьего населения.

По Орскому округу Оренбургской губернии ограничимся данными за 1926 год и увидим, что хозяйств беспосевных или с посевом до 4-х десятин по округу насчитывается 45,48%, а сеющих

от 10 десятин д — 31,66%. Примерно такие же результаты, что и по Омскому и Троицкому округам. Без лошадей и с одной лошадей было 31,76%, 2–3 лошади имели 27,5%¹⁵.

Не наблюдается и ярко выраженной тенденции к значительному увеличению инвентаря в казачьих хозяйствах, что объясняется не только технической неграмотностью и консервативностью подходов, но, в первую очередь, элементарной нехваткой средств. Если где-то и происходил рост закупок техники, то данный факт не относился к сложным, а следовательно, дорогим машинам, как-то: сеялкам, молотилкам и т. д., а в основном распространялся на самые простые и необходимые орудия труда — главным образом плуги¹⁶, но и даже их количество было недостаточным. По тому же Троицкому округу количество плугов в 1924 году составляло 70,2% от уровня 1920 года, борон — 78,9%, сеялок — 71,4%, жнеек — 84,9%¹⁷.

По Оренбургской губернии также не прослеживается увеличения в значительных масштабах сельскохозяйственной техники на полях земледельцев. На 100 десятин земли в 1920 году там приходилось 7,5 плуга, а в 1926 году только 8,1. Борон в 1920 году было 16,5 — в 1926 году их стало даже меньше — 15,6. Количество сеялок и косилок возросло в среднем только на одну треть, несмотря на большие усилия, прилагаемые земорганами для закупки через систему сельхозкредита (в Омской губернии 53,8% всех закупленных в 1925/1926 году¹⁸) и в розницу необходимой селянам техники. Анализируя приведенные данные, мы видим, что в казачьих районах социальная дифференциация продолжает углубляться, увеличивая напряженность в производственных отношениях, провоцируя социальные конфликты и имущественные споры.

Наглядно можно представить эту картину опираясь на исследования Ф. Казанского, обследовавшего в 1926 году 7077 хозяйств Южного Урала¹⁹. По его данным, бедняков среди обследованных насчитывалось 50,1%, середняков — 42,6% и зажиточных — 7,7% (исследуемые проживали в лесной, наиболее благоприятной для земледелия зоне). По основным показателям

мощности казачьего двора ситуация выглядела следующим образом: у бедняков обеспеченность рабочей силой равнялась 1,86 душ обоего пола на хозяйство; посева у них приходилось по 2,32 десятины, лошадей и коров на хозяйство было 0,78 и 0,87 соответственно. Всех же голов скота, в переводе на взрослых особей, было 2,32. При таком немногочисленном стаде соответственно небольшими были и сенокосы — 1,3 десятины на двор. Неудивительно, что арендовавших пашню среди них было всего 4%, зато сдавали свои наделы в аренду 32% бедняцких хозяйств. Они же в основном и отпускали рабочую силу — 79%, привлекали же в помощь всего 2%. Обеспеченность инвентарем составляла (в довоенных ценах) 8 рублей 10 копеек.

Середняцкие дворы имели по 2,57 работников в среднем на одно хозяйство, 6,61 десятину посева, 2,23 голов рабочего скота и 1,97 коровы. Среднее количество голов взрослого скота составляло 6,13, соответственно сенокосов приходилось по 2,1 десятины на хозяйство. Пашню арендовало четверть всех хозяйств (25%), а сдавало только 9%. 24% этих хозяйств отпускали рабочую силу и 12% нанимали. Сельскохозяйственного инвентаря приходилось в среднем на двор на сумму в 61 рубль 35 копеек в довоенных ценах.

Многочисленная зажиточная группа была лучше обеспечена рабочей силой — 3,13 работника в хозяйстве. Посев достигал 11,12 десятин на двор, рабочих лошадей было 3,42 и примерно столько же коров — 3,31. Скота в хозяйстве было 9,82 головы не считая молодняка, сенокоса использовалось 3,7 десятины и половина всех хозяйств арендовала землю — 50%. Своей земли в аренду сдавали только 4% хозяйств. Эти хозяйства имевшие расширенное и сложное производство, не отпускали свою рабочую силу совсем, а почти половина из них (47%) прибегали к найму работников со стороны. Инвентаря у зажиточных было в среднем на 313 рублей 60 копеек на хозяйство, что в пять раз было выше чем у середняков и в 38,7 раза больше, чем у бедняков.

Бедняки, составлявшие половину сельского общества, имели только 25,4% всех посевных площадей, 20,9% валового сбора хлеба, что еще раз говорит о невысокой урожайности их наделов,

сена заготавливали 27%, инвентаря на них приходилось только 7,6% от общего имевшегося у всех земледельцев на данный период. Продукции животноводства они давали 25,7% в среднем на сумму в 40 рублей 66 копеек, причем 57% составляла молочная продукция, а мясо — 30,9%.

Середняки, составлявшие 42,6%, имели у себя 57,8% пашни, собирали 59,2% валового сбора хлеба, заготавливали 56,1% всего сена и имели (по стоимости в довоенных рублях) 49,5% сельхозинвентаря. От общей продукции скотоводства середняки давали 57,8%, молочная продукция составляла 51,7% от всей сдачи, а мясная — 33,7% от общей суммы в 108 рублей 61 копейку на одной хозяйство.

Зажиточные хозяйства (7,3%) на этом фоне выглядели более солидно. Они засевали 16,8% всей пахотной земли, давали 19,9% (пятую часть) от общего сбора хлеба. Они выкашивали 16,9% всех сенокосных площадей и держали у себя 42,9% всей, преимущественно сложной, сельскохозяйственной техники. Их доля в сдаче годовой продукции скотоводства равнялась 16,5%, в рублевом исчислении — 180 рублей 20 копеек.

Теперь рассмотрим размеры и внутреннее строение валового дохода, приходившегося на одно хозяйство. Средний валовой доход одного бедняцкого хозяйства составлял 188,47 рублей. Из них 54,9% приходилось на продукцию полеводства и огородничества, 23,9% — на животноводство, птицеводство и пчеловодство, остальные 21,8% от различных промыслов как-то: работа в чужом хозяйстве, извоз, использование сельхозмашин, доход от промышленных и торговых предприятий и т. д.

Средний валовый доход середняцкого хозяйства исчислялся в 473,18 рубля, из которых продукция полеводства, огородничества и луговодства составила 64,1% продукция животноводства, птицеводства и пчеловодства — 26% и 9,9% пришлось на доходы от промыслов.

Уровень доходов самой обеспеченной части сельского общества почти в два раза превосходил середняцкий и в четыре с половиной раза больше бедняцкого. Растениеводство в

совокупности составило 62,3% от всех доходов; животноводческая продукция вместе с птицеводством и пчеловодством составила 22,6%. Побочные промыслы принесли 15,1% от всех доходов.

Капиталы и доходы казачьего двора имели сложную структуру и только совокупность всех составляющих может помочь представить реальную картину уровня хозяйствования и повседневного быта казачьей семьи. Попробуем подробно, на основе исследований М. Д. Голубых, прожившего свыше полугода в 1925 году в станице Еткульской, поселке Тимофеевском Челябинского округа, рассмотреть экономическую структуру казачьих дворов по классовым группам²⁰.

Семья казака Захарова Петра Николаевича, бедняка, состояла из 4-х человек: сам Петр Николаевич 35 лет, его жена 34 года, сын 3 года и дочь 9 месяцев.

1. Капитал к началу года:

- постройки — 470 руб.;
- скот и птица — 221 руб.;
- инвентарь — 88 руб. 85 коп.;
- обстановка и утварь — 85 руб.;
- запасы продовольствия и обсеменения — 38 руб.;
- запасы одежды и обуви — 100 руб.;
- запасы строительных материалов — 9 руб. 50

коп.

Итого: 1017 руб. 35 коп..

2. Доходы:

- полеводство — 277 руб. 80 коп.;
- огородничество — 30 руб.;
- луговодство — 5 руб.;
- животноводство — 136 руб. 45 коп.

Итого: 591 руб. 25 коп.

3. Расходы:

- семена — 32 руб. 78 коп.;
- корм скоту — 45 руб. 50 коп.;
- убыль живого скота — 11 руб. 50 коп.;
- наем рабочих и аренда инвентаря — 29 руб. 60

коп.;

- текущие расходы — 8 руб. 70 коп.;
- ремонт инвентаря — 6 руб. 58 коп.;
- содержание семьи — 332 руб. 80 коп.;
- уплачено налога — 27 руб. 26 коп.

Итого: 515 руб. 34 коп.

4. Капитал в конце текущего года:

- постройки — 503 руб. 60 коп.;
- скот и птица — 184 руб. 50 коп.;
- инвентарь — 79 руб. 97 коп.;
- обстановка и утварь — 82 руб. 80 коп.;
- запасы продовольствия и обсеменения — 68 руб.

51 коп.;

- запасы кормов — 21 руб. 40 коп.;
- запасы одежды и обуви — 170 руб. 10 коп.;
- запасы строительных материалов — 2 руб.

Итого: 1112 руб. 43 коп.

Рассмотрим благосостояние середняцкой семьи, семьи казака Захарова Алексея Артемьевича (в поселке Тимофеевском почти половина жителей носила фамилию Захаровых — первооснователей поселения в XIX веке). Семья состояла из семи человек: самого Алексея Артемьевича 41 год, его жены 40 лет, дочери 16 лет, сына 13 лет, дочери 7 лет, дочери 2 года.

1. Капитал к началу года:

- постройки — 650 руб.;
- скот и птица — 566 руб.;
- инвентарь — 63 руб. 75 коп.;
- обстановка и утварь — 100 руб.;
- запасы продовольствия и обсеменения — 100

руб.;

- запасы кормов — 14 руб.;
- запасы одежды и обуви — 150 руб.;
- запасы строительных материалов — 30 руб. 50

коп.

Итого: 1664 руб. 25 коп.

2. Доходы:

- полеводство — 411 руб. 20 коп.;
- огородничество — 10 руб.;
- луговодство — 45 руб.;
- животноводство — 413 руб. 25 коп.;
- сбор грибов и ягод — 3 руб. 50 коп.;
- неземледельческие заработки — 153 руб.

Итого: 1035 руб. 95 коп.

3. Расходы:

- семена — 51 руб. 20 коп.;
- корм скоту — 85 руб. 40 коп.;
- убыль живого скота — 54 руб.;
- наем рабочих и аренда инвентаря — 37 руб. 80

коп.;

- текущие расходы — 16 руб. 25 коп.;
- ремонт и починка инвентаря — 8 руб. 50 коп.;
- содержание семьи — 648 руб. 90 коп.;
- уплачено налога — 42 руб..

Итого: 967 руб. 55 коп.

4. Капиталы в конце бюджетного года:

- постройки — 617 руб. 50 коп.;
- скот и птица — 570 руб.;
- инвентарь — 57 руб.;
- обстановка и утварь — 97 руб.;
- запасы продовольствия и обсеменения — 118 руб.;
- запасы кормов — 22 руб.;
- запасы одежды и обуви — 342 руб.;
- запасы строительных материалов — 10 руб.

Итого: 1833 руб. 27 коп.

Большая семья зажиточного казака Захарова Григория Игнатьевича состояла из 11 человек: сам хозяин 58 лет, его жена 57 лет, сын 25 лет, сын 21 год, дочь 18 лет, дочь 16 лет, сноха 23 года, сноха 20 лет, внук 3 года, внучка 10 месяцев, внучка 6 месяцев.

1. Капитал к началу года:

- постройки — 1135 руб.;
- скот и птица — 1628 руб. 50 коп.;
- сельхозинвентарь — 540 руб. 70 коп.;
- домашняя утварь (в том числе швейная машинка) — 150 руб.;
- запасы продовольствия и обсеменения — 350 руб.;
- запасы кормов — 35 руб.;
- запасы одежды и обуви — 400 руб.;
- запасы строительных материалов — 66 руб. 50 коп.

Итого: 4305 руб. 70 коп.

2. Доходы от собственного хозяйства:

- полеводство — 1580 руб.;
- огородничество — 25 руб.;
- луговодство — 75 руб.;
- животноводство — 861 руб. 50 коп.;
- сбор грибов и ягод — 5 руб.;
- доставка хлеба подводами на станцию Нижне-Увельскую — 50 руб.;

Итого: 2624 руб. 50 коп.

3. Расход:

- семена — 117 руб. 40 коп.;
- корм скоту — 387 руб. 85 коп.;
- убыль живого скота — 33 руб.;
- наем рабочих — 64 руб. 10 коп.;
- расходы на постройку новых ворот — 145 руб.;
- текущие расходы — 16 руб. 25 коп.;
- ремонт и приобретение сельхозинвентаря — 135 руб.;
- текущие расходы — 121 руб. 30 коп.;
- содержание семьи — 1340 руб. 60 коп.;
- уплачено сельхозналога — 148 руб. 60 коп.

Итого: 2583 руб. 90 коп.

4. Капитал в конце бюджетного года:

- постройки — 1223 руб. 25 коп.;
- скот и птица — 1554 руб. 50 коп.;
- инвентарь — 561 руб. 30 коп.;
- обстановка и утварь — 148 руб.;
- запасы продовольствия и обсеменения — 363

руб.;

- запасы кормов — 42 руб. 60 коп.;
- запасы одежды и обуви — 798 руб. 10 коп.;
- запасы строительных материалов — 91 руб. 50

коп.

Итого: 4782 руб. 25 коп.

Теперь сопоставим основные показатели благосостояния казачьего двора: капиталы, доходы, выплату налога. Мы видим, что зажиточный двор получил в конце 1925 года чистого прибавления капитала на сумму 476 рублей 55 копеек и его общее состояние в 2,6 раза превышало наличие капиталов середняцкого хозяйства и в 4,3 раза бедняцкого. Прибыль в капиталах у середняка составила 169 рублей 02 копейки, у бедняка — 95 рублей 08 копеек.

Доходов за год у бедняцкого двора было на сумму 5921 рубль 25 копеек, у середняка почти в два раза больше — 1035 рублей 95 копеек и у зажиточного хозяйства общая сумма доходов составила 2624 рубля 50 копеек — почти в пять раз больше, чем у бедняка и почти в 2,5 раза больше середняцких доходов.

Богатый был и главным налогоплательщиком, за чей счет, в основном, выплачивалась общая сумма сельскохозяйственного налога. Выплата налога у зажиточного хозяйства составила 148 рублей 60 копеек против 42 рублей у середняка и 27 рублей 26 копеек у бедняка.

Говоря о жителях казачьего поселка Тимофеевского Еткульской станицы Челябинского округа, надо отметить, что он относился к лесной, наиболее благодатной для земледелия зоне и уровень ведения хозяйства даже у бедного казака Захарова Петра Николаевича, был несколько выше бедняцкого хозяйств степной, засушливой зоны, ибо здесь больше было возможностей для

развития животноводства, занятия побочными промыслами (сбор ягод и грибов, заготовка дров, пчеловодство и т. д.).

Нельзя отрицать, что ранее перечисленные изменения в агрокультуре и в целом в способе производства, имели известное распространение в казачьей среде и носили, безусловно, объективный характер. Но документы и материалы той эпохи дают нам основание говорить о том, что они больше принимали характер тенденции, чем массового вовлечения казачьих хозяйств в новые для них формы ведения хозяйствования. По казачьим районам бывших Оренбургского и Сибирского казачьих войск к 1927 году больше прослеживается по сравнению с дореволюционным периодом «обеднячивание» дворов, чем их «осереднячивание», как это традиционно принято считать в советских исторической науке.

Для выделения и доказательства этой тенденции автором в различных архивах были обнаружены и проанализированы отчеты райисполкомов и сельсоветов за 1925 и 1926 годы, когда в документах, присылаемых с мест, имущественное положение населения и степень его благосостояния указывались обязательно. Кроме того, автором были обнаружены и введены в оборот личные карточки-анкеты членов казачьих сельсоветов (бывших станисполкомов) Верхнеуральского, Брединского и Троицкого районов — всего около 500 карточек.

На основании отчетов сельсоветов и райисполкомов получаем следующую картину (данные по зажиточным хозяйствам мы не приводим, задавшись целью выявить соотношение бедняцких и середняцких хозяйств):

Населенный пункт	Бедняков	Середняков
Фершампенуаз ²¹	9,5%	21,55%
Верхнеуральский ²²	88%	8,6%
Арсинский ²³	45%	35%
Боборыкский ²⁴	45,2%	28,8%
Урлядинский ²⁵	56,5%	38,4%
Верхнекизильский ²⁶	95%	5%

Населенный пункт	Бедняков	Средняков
Кирский ²⁷	54%	46%
Ново-Воронинский ²⁸	33,6%	55%
Кассельский ²⁹	43,8%	33%
Спаский ³⁰	45%	40%
Остроленский ³¹	61,9%	33,4%
Куликовский ³²	42%	48,3%
Красинский ³³	81%	18%
Кацбахский ³⁴	69%	22%
Наследницкий ³⁵	95,5%	4,35%
Павловский ³⁶	69%	22%
Атамановский ³⁷	81%	15%
Андреевский ³⁸	60%	39%
Рымникский ³⁹	62%	24%
Брединский ⁴⁰	59%	35%

Приведенные цифровые показатели свидетельствуют о значительном обеднении казачьего населения по сравнению с дореволюционным периодом. Из двадцати вышеуказанных казачьих поселков только в двух: Ново-Воронинском и Куликовском прослеживается арифметическое превышение середняцких хозяйств над бедняцкими, что только подтверждает вышеуказанную тенденцию.

Здесь надо пояснить, что критерии показателей имущественной и социальной дифференциации казачьих дворов брались сельсоветами по обеспеченности двора рабочими лошадьми и коровами, что являлось наиболее объективными свидетельствами мощности хозяйства. К бедным относились хозяйства, имевшие одну лошадь и корову или не имевшие никакого скота. Окидывая взглядом исследуемый нами период, мы наблюдаем не очень отрадную картину в когда-то довольно обеспеченных скотом казачьих хозяйствах.

Если обратиться к отчетам районных исполкомов (РИКов), то по Верхнеуральскому РИКу в 1926 году указывается середняков

27%, а бедняков — 58,41%. По данным Брединского РИКа в районе насчитывалось бедняков 67,2% и середняцких хозяйств 22%⁴². По Оренбургской губернии статистика за 1926 год показывает, что бедняков по губернии было 48,3% и середняков 36,3% (Орский уезд: 45,48% и 31,66% соответственно)⁴³. Журнал «Хозяйство Урала» № 7 за 1927 год приводит данное соотношение по Уралу в целом: 52,9% бедняков, 35,3% середняков (по данным посева). По рабочим лошадям примерно такое же соотношение: безлошадных и с одной лошастью — 53,3% и имевших двух лошадей насчитывалось 31,8%.

На землях сибирского казачества положение было не лучше. В 1926 году в Омском округе бедных было 59,9% и середняков 32,1%⁴⁴.

Что касается инвентаря, одного из важных показателей мощности двора, то обеспеченность им, в основном сложным, была невысока. В Урлядинском поселке на 100 дворов приходилось 49 плугов, 3 сеялки и 3 косилки⁴⁵. В Богодакском поселке на 100 дворов было 72 плуга, 4 косилки, 7 сеялок⁴⁶. В целом по Верхнеуральскому району на каждые 100 хозяйств приходилось 58,6 плуга, 2,7 сеялки и 9,7 косилок⁴⁷.

Значительный упадок мощности казачьего хозяйства прослеживается по данным личных карточек-анкет членов сельсоветов. На основе проведенного анализа и подсчетов можно выявить следующее движение казачьих хозяйств по категориям посева: в 1917 году посев до 2-х десятин имело 25,1% всех хозяйств, а в 1926 году их уже было 33,4%. Посев до 4-х десятин (бедняки) имело 38,9% хозяйств в 1917 году и в 1926 году их становится повсеместно абсолютное арифметическое большинство — 63,5%. Если мы сравним данные 1917 и 1926 годов, то обнаружим, что 50,4% всех хозяйств снизили размер своих посевов, а увеличили только 24,25%, что еще раз говорит о все большем социальном размежевании когда-то однородных казачьих обществ.

Тенденция к понижению благосостояния дворов прослеживаются и по обеспеченности хозяйств рабочими лошадьми:

	1917 год	1926 год
Без лошади или с одной лошадыю	20,75%	50,75%
2 лошади в хозяйстве	18%	30,5%
Свыше 3-х лошадей в хозяйстве	61,25%	19%

Мы видим, что данные карточек-анкет подтверждают наравне с архивными и статистическими свидетельствами ярко выраженную направленность в сторону понижения достатка хозяйств по сравнению с предреволюционным периодом. Например, по Омскому округу посевные площади 1926 года составляли только 68,8% от уровня 1917 года, валовый сбор хлеба в 1925- году достигал 71,8% от 1917 года⁴⁸.

Процесс снижения уровня благосостояния хозяйств носил повсеместный и всеобъемлющий характер, охватывал все территории бывших казачьих войск. По Оренбургской губернии в 1924 году количество хозяйств, засевавших до 3-х десятин, составляло 74%⁴⁹, а безлошадных и имевших одну лошадь на хозяйство было 70,1%⁵⁰. Газета «Смычка» писала: «По всей Красногородской станице, как и в других станицах, не набирается десятка зажиточных, а более половины — однолошадные, а то и вовсе безлошадные»⁵¹.

Основываясь на проведенных доказательствах, можно заключить, что снижение материального благополучия казачьих хозяйств в описываемый период новой экономической политики принимает устойчивую тенденцию. Этот факт, наряду с комплексом уже названных объективных причин, можно объяснить и тем, что уравнивание казаков в налоговом отношении со всем остальным сельским населением повысило себестоимость сельхозпродукции казачьего двора. К тому же и раньше казаки не были в известной степени «домовитыми» хозяевами, ибо военная служба постоянно отвлекала их от своего хозяйства.

По-прежнему в казачьих местностях преобладала экстенсивная форма ведения хозяйства, господствовала залежная система землепользования (несмотря на имевшиеся сдвиги в овладении новыми приемами обработки земли), что, при

сократившихся посевах в целом и на отдельное хозяйство в частности, значительно снижало доходность казачьего двора. В отчете земорганов Троицкого округа в 1926 году с горечью констатировалось, что «Полеводство, претерпев чрезмерный упадок и одновременно значительное изменение в составе своих культур, возвращается вновь в свой заколдованный круг отсталой техники, зернового однообразия, подчинения стихийным явлениям и воле ближнего и дальнего рынка»⁵².

Были и другие причины, препятствовавшие трансформации традиционного способа производства. На рынке постоянно удерживались относительно высокие цены на продукцию экстенсивных отраслей, что явно не стимулировало поиск новых путей и подходов к ведению хозяйства, а являлось тормозом на пути интенсификации сельского хозяйства в казачьих районах. Если взять цены 1923-го, послеголодного года, за 100%, то уже в 1925 году стоимость говядины равнялась 173%, зерновых — 148%⁵³ и т. д. Выгоднее было пасти и сеять, чем выращивать технические культуры.

Сельское хозяйство страны к 1926 году так и не поднялось до предвоенного уровня. В условиях новой экономической политики подлинного рынка не состоялось. Сокращалось задушенное налогами предпринимательство, повсеместно вытеснялся частник из сферы товарооборота, снижалась покупательская способность населения. Последующая коллективизация также не улучшила положения сельских производителей, не смогла поднять благосостояние казачьих дворов до уровня, который они имели даже в разрушенной под воздействием политических и экономических изменений общине.

РАЗЛОЖЕНИЕ КАЗАЧЬЕЙ ОБЩИНЫ В УСЛОВИЯХ НЭПа

Наряду с изменениями в способе производства и внутренней структуре казачьего общества повсеместно происходит серьезная трансформация общинных отношений, самой традиционной земледельческой казачьей общины. К началу коллективизации уже не прослеживаются ее характерные признаки, потому что в охватившем общество преобразовательном процессе рушились и исчезали основы существования общины.

Общество никогда не стоит на месте. Производительные силы общества имеют устойчивую тенденцию к постоянному развитию независимо от конкретного исторического периода, режима правления и общего состояния экономики. Это движение носит в целом объективный характер, ибо целью развития производительных сил является не движение само по себе, а удовлетворение вполне определенных общественных потребностей. Если появившимся в развитии производительных сил прогрессивным изменениям начинают мешать старые производственные отношения, то последние подлежат деформации или уничтожению. Устранению, в первую очередь, подлежат негибкие, консервативные системы, порожденные предыдущей общественно-экономической формацией и обреченные вместе с ней на гибель. Этот процесс захватил и казачью общину в 20-е годы XX века.

Как уже отмечалось выше, казачья община служила материальным базисом для существования казачьего сословия и формировалась на протяжении жизни многих поколений казаков. Существенно отличавшаяся от крестьянской, она имела значительные внутренние резервы для своего самосохранения, к тому же казачье сословие имело поддержку со стороны царского режима и непосредственно государя императора. Эта поддержка имела свое выражение в создании и функционировании Главного Управления казачьих войск России. Это управление имело соответствующие структуры и подразделения, не отличавшиеся

по форме и содержанию от обычных министерств. Основной функцией Главного Управления было осуществление контроля над всеми казачьими территориями страны (для чего регулярно создавались и посылались специальные проверочные инспекции); направление и корректирование деятельности конкретных Войсковых Правлений. Государство ограничивало традиционное казачье самоуправление номинацией Наказного Атамана, назначенного правительством и полностью ему подотчетного. Ежегодно от имени Наказного Атамана составлялся подробнейший отчет на имя государя императора, который включал в себя части военную и гражданскую.

Поэтому говорить о полном, абсолютном казачьем самоуправлении было бы серьезным прегрешением перед истиной. Самоуправление в станицах прослеживалось на уровне Станичных обществ. Здесь оно было необходимостью и являлось предметом особой гордости всего казачьего сословия. Правительство не покушалось на неконтролируемые им напрямую сферы деятельности казачьего бытия, выражая тем самым известную степень доверия казачьему населению.

Самоуправление для казаков было, по сути, необходимостью в их повседневной жизни, в исполнении всего главного предназначения — несения верой и правдой службы по охранению Российского государства. Выборные органы и должностные лица казачьего самоуправления не требовали от Правительства каких-либо расходов, ибо содержались за счет станичных и войсковых капиталов. Но главное: в их функции входило выполнение очень важной государственной задачи — подготовка и воспитание профессионального воина-кавалериста (в основном), постоянный, с юных лет, контроль за его военным обучением, за приготовлением к службе не только в плане боевой подготовки, но и в плане своего материального обеспечения для несения службы.

В отличие от крестьянских общин, казачья община имела свои денежные средства — станичный капитал, которым Станичное Правление не имело права распоряжаться по своему усмотрению — только с согласия (на уровне общеутвержденных

решений) всего общества. Казаки сами определяли и перечень проблем, которые выносились на Станичный Сбор, который был, по сути, пережитком давнего вечевого управления обществом.

Самоуправление казачьей общины играло также определенную роль при ведении общего хозяйства. Земля, которую обрабатывали казаки и которая являлась основным источником их дохода (для земледельческих войск), не принадлежала станичному обществу, а являлась войсковой собственностью. Поэтому выбранные казаками должностные лица получали от общества доверие по контролю над ее распределением среди рядовых казаков, дабы не нарушался принцип справедливости при наделении земельными участками. Все возникавшие при этом земельные споры не относились к юрисдикции Войскового Правления, а решались на месте, самими казаками. Внутриселенное землеустройство приводилось на местах постоянно и без особых конфликтов.

Надо отметить, что органы самоуправления пользовались в казачьей среде очень большим уважением. В станицах и поселках, где проживало казачье население, не было губернских полицейских чинов — все вопросы общественного поведения и предотвращение и наказание мелких нарушений и преступлений брали на себя органы самоуправления. По случаю каждого правонарушения или спора собирался Станичный Суд, избранный станичниками, и принимал решения, стараясь максимально учитывать интересы общества. На недоимщиков тоже воздействовали коллективно: погашали за них долг, требуя впоследствии обязательную отработку, или лишали надела, отдавая его в аренду, дабы из полученных средств представилась возможность погасить долг.

Основной задачей казачьего самоуправления в социальном плане было утверждение принципов как равноправия, так и равенства в казачьем обществе, не допускать серьезного имущественного расслоения казаков, ибо это подрывало основы сословного единства.

В то же время самоуправленческая система жестко регламентировала поведение и бытовую жизнь членов общины,

сужала инициативу, самостоятельность. Подлинных демократических начал в обществе не было, ибо не свободна была каждая личность как в своих решениях, так и в действиях. Вместо творчества и свободы общество предлагало казаку дисциплинированность и подчиненность.

Февральская революция 1917 года внесла некоторые элементы демократизации в структурность и функциональность войсковых и станичных управлений. Переход от жесткого централизованного управления к широкому самоуправлению обусловил и неизбежные изменения в административном устройстве войск. Например, в Оренбургском казачьем войске вместо прежних трех военных отделов было образовано четыре: Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский. Многие крупные поселки стали провозглашать себя станицами. В мае 1917 Войсковое Правление ОКВ признало самостоятельными станицами 13 поселков, в июне — 2 и в августе еще 3 поселка, ходатайствовавших в силу разных причин об изменении своих административных статусов, чаще всего из-за удаленности от центров своих юртов¹. Всего в период до конца 1918 года в ОКВ было образовано более 40 станиц.

На местах шла работа по совершенствованию «Положения о войсковом самоуправлении», где, в частности, предполагалось внести серьезные изменения в новый состав Войскового Правительства. Теперь оно должно было включать в себя Войскового Атамана, его помощника, начальника штаба и шесть членов. Кроме того, при Войсковом Правительстве предусматривалось создание канцелярии из 17 отделов: Распорядительного, Финансового, Землеустроительно-межевого, Бухгалтерского, Дорожно-строительного, Страхового, Лесного, Горного, Продовольственного, Кустарного, отдела снабжения, Оценочно-статистического и др. Помощник Войскового Атамана непосредственно контролировал деятельность канцелярии и распорядительного отдела. Детально оговаривались и должностные обязанности всех членов правительства, в том числе и Войскового секретаря².

Высшим органом самоуправления признавался Войсковой Круг, состоявший из депутатов из станиц, Войскового Атамана и его помощника, членов правительства, окружных атаманов или их заместителей. Все, кроме депутатов от станиц, входили в состав Круга по должности. Срок полномочий депутатов определялся в три года, и они «пользовались» на заседаниях Круга и его комиссий «полной свободой суждений и мнений, высказанных ими, как членами круга во исполнении ими служебного долга»³.

Права и обязанности депутатов подробно разъяснялись в двенадцати пунктах «Положения». Для решения возникавших вопросов предусматривался созыв очередных, внеочередных и чрезвычайных сессий Войскового Круга по усмотрению Войскового Правительства или 1/16 части депутатов. Сессия могла созываться и по требованию специально созданной для контроля за деятельностью администрации Ревизионной комиссии.

Заседания круга открывал и закрывал избранный, а не наказной, как ранее Войсковой Атаман, а для ведения заседаний избирались председатель, его товарищ и секретарь. Круг считался правомочным принимать решения, если на нем, присутствовало не менее двух третей депутатов. При проведении чрезвычайных сессий, необходимый кворум снижался до одной четверти от всех избранных представителей⁴.

Члены Войскового Правительства, в чьих руках теперь была сосредоточена вся общевойсковая власть, не могли совмещать свои обязанности с другой государственной службой и не могли вступать в имущественные сделки с любыми войсковыми учреждениями. Выносимые на рассмотрение Войскового Правительства вопросы решались только совместно. «Положение» ... детально регламентировало обязанности Войскового Атамана, его помощника, начальника военного отдела и Войскового секретаря, а так же четко очерчивало компетенцию исполнительских органов во избежание возможного произвола⁵.

Средним звеном войскового управления было окружное. Во главе управления округами находились съезды и правления как исполнительские органы. Выборы депутатов, порядок их работы,

права и полномочия определялись в особых статьях и разделах документа. Округа в административном отношении разделялись на станичные юрты.

При соблюдении установленных условий, окружным съездам предоставлялось право создавать новые станицы, но только выделение новых станиц и разделение одного поселения на два новых могло произойти, если численность дворов в них была не менее двухсот.

Новым явлением было положение, в соответствии с которым в состав станичного юрта могло входить одно или несколько поселений с хуторами, а также частновладельческие или офицерские земли. В местах компактного проживания иногородних предусматривалась возможность образования «гражданских станичных юртов»⁶.

Распорядительная власть станичного и поселкового звена управления передавалась Станичным Сходам, а исполнительская — соответствующим правлениям и атаманам. Власть станичных органов управления в гражданском отношении распространялась на все население, а в военном только на казацье⁷.

В состав Станичного Схода входили атаман, правление и станичные представители, избиравшиеся сроком на один год. Численность членов Схода определялась в пределах от 30 до 100 человек. На Сходе председательствовал избираемый из числа его членов председатель и Сход считался состоявшимся, если на заседании принимало участие не менее $\frac{2}{3}$ от установленного количества представителей.

Выборы должностных лиц проводились большинством голосов, при этом писарь, даже если он являлся членом Схода, права голоса не имел и вел только протокольные записи. Решение Схода оформлялось приговором и подписывалось всеми участвовавшими в его работе казаками.

Правление, состоявшее из атамана и двух членов, являлось исполнительным органом Станичного Схода. В правление могли попасть только грамотные и достигшие 25-летнего возраста казаки. Близкие родственники не имели права одновременно

занимать посты Атамана и членов правления и не могли участвовать в договорах по имущественным сделкам со станичным правлением в котором они служили.

Незаконные действия станичного атамана или приговор Схода могли быть обжалованы в окружном правлении.

Примерно также, как и станичное, выстраивалось поселковое звено. В состав поселкового Схода избирались представители из расчета один выборный от 12 человек, имевших право голоса. При этом общая численность членов Схода не могла быть менее 15 и не более 30 человек. В поселках с преобладающей численностью гражданского населения, число представителей не казаков не могло превышать численность казачьих доверенных.

Впервые за время своего существования, казачество получило реальную возможность осуществления своей давней мечты — введения самоуправления, в основу которого закладывались традиционные представления о равенстве, а также апробированный в процессе применения в пореформенный период опыт земского самоуправления. Эти новшества преследовали на своем начальном, и не получившим продолжения этапе, вполне конкретную — цель — облегчить экономическое и правовое положение казачества, избежать чрезмерной и мелочной опеки со стороны государства и получить равные с остальным населением политические и гражданские права и свободы⁸.

Но принятому «Положению о самоуправлении казачьих войск» не суждено было реализоваться, ибо после гражданской войны Войсковые Правления вместе с выбранными должностными лицами всех уровней были упразднены вместе с самими казачьими войсками.

Если до утверждения советской власти хозяйственная и внутрисполитическая жизнь казаков находилась под контролем войсковых и местных станичных структур правления, то теперь в структуре управления выстраивается новая иерархическая цепочка, низовым звеном которой становится сельсоветы (селькомы).

Традиционная система казачьего управления теперь была

отменена. Слово «атаман», обозначавшее прежде самую уважительную должность в станице, теперь становится достоянием истории. Новые органы, как и прежние, являлись выборными, но теперь право избирать и быть избранными распространялось на все трудовое население, включая бывших иногородних и женщин. Выборы проводились по классовому признаку, что выражалось в лишении выборных прав священнослужителей, их родственников, торговцев, имевших патент на торговлю, бывших офицеров царских войск⁹. А по инструкции ВЦИК от 11 августа 1924 года были ограничены в участии в выборах те, кто использовал на данный момент или ранее наемный труд. Согласно ст. 23 Новой конституции 1924 года местные власти имели право «лишать отдельных лиц и групп прав, которые могут быть использованы ими в ущерб интересам социалистической революции»¹⁰.

В то же время, на местах не во всяком зажиточном, а следовательно крепком, деловитом, хозяине видели классового врага Советской власти. В инструкции Омского Губбюро давалось разъяснение: «При выборах в селькомы нужно чрезвычайно осторожно подходить к понятию «кулак» и отсюда не подводить под это понятие хозяйственно-крепких, работающих хозяев, сплошь и рядом живущих посытнее только благодаря своему трудолюбию и внимательному ведению своего хозяйства. Одной революционности и преданности Советской власти, которых, безусловно, у деревенской бедноты больше, чем у зажиточных крестьян, для членов селькомов недостаточно»¹¹.

Сельсовет обычно состоял из председателя, секретаря, переписчиков и сельских исполнителей. Каждый член сельсовета заполнял особую карточку-анкету (такая форма была принята на территории Уралобласти), где кроме имущественного положения, включавшего данные по посеву, количеству лошадей, используемых в качестве тягловой силы, и коров в хозяйствах на 1914, 1917 и год заполнения анкеты соответственно, указывалось участие в войнах, пребывание в плену, уровень образования, род занятий до революции, социальное происхождение.

Надо отдать должное, что политическое прошлое членов сельсоветов в те годы — до 1926 года — препятствием для избрания и занятия должности не являлось. От 40% до 70% мужчин — членов сельсоветов — в свое время находились в белой армии. Среди членов сельсоветов были даже офицеры, получившие звание в 1919 году¹².

Как и раньше в Станичное Правление, в сельсовет входило несколько населенных пунктов: например, в Верхнеуральском районе на сельсовет приходилось от одного поселка при Карагайском сельсовете до 19 при Верхнеуральском¹³. Теперь, когда Советская власть уравнила все трудовое население в правах, казачество уже не было выделено из общей массы и своих, специфичных органов казачьего управления теперь не существовало.

При сельсовете, как и при станичном правлении, находился пожарный обоз, избирался как и прежде пожарный староста, а в жаркие дни жители поселка по очереди несли дежурство, охраняя свое и общественное имущество от возможных пожаров. В ведении сельсоветов находились все хозяйственные вопросы, а также контроль над деятельностью школ, изб-читален и здравпунктов. Сохранялась и должность квартального старосты, избиравшегося общим собранием граждан и получавшего оклад младшего милиционера (16 руб. 80 коп.)¹⁴.

Советская власть, будучи диктаторской по своей форме, не могла согласиться с существованием каких-либо других, не подвластных ей управляющих органов и поэтому казачье самоуправление, базировавшееся на наделении должностных выборных лиц назначенными полномочиями и известной независимостью от высших структур власти, не вписывалось в ее систему. Первые советские Конституции 1918 и 1924 годов дали трудовым слоям общества определенный перечень прав, ограничивавший в некоторой степени регламентирующую деятельность и возможный произвол местных чиновников. Сельсоветы по имевшимся у них полномочиям и влиянию не могли сравниться с органами бывшего станичного управления. Они не

имели в своем распоряжении средств, аналогичных станичному капиталу, и поэтому не могли в полной мере использовать главный рычаг исполнительной власти — распределительную функцию, ибо сами возможности распределять что-либо сильно сократились, а вместе с ними сократилась и возможность влиять на население с помощью экономических ресурсов, одним из самых действенных стимулов к подчинению населения решениям руководящих органов. Главные вопросы жизни поселка теперь решались на общем собрании, заменившим Станичный Сбор (с 1918 года Станичный Сход), но полномочия станичного собрания были значительно ограничены в сравнении с тем, что имели казаки до революции. На повестку общего собрания теперь выносился рекомендательный список вопросов, не более 2–3-х, утвержденный уездными властями¹⁵. Руководство собранием и ответственность за его проведение и принятые решения возлагались на председателя сельсовета. Решение принимало силу, если за него проголосовало не менее 35% от всех, имевших право голоса (а не большинство как при Станичном Сборе), и то, только в том случае, если решение собрания не противоречило существовавшим законоположениям. Обсуждать допускалось только местные темы (из инструкции Троицкого окружного исполнительного комитета)¹⁶.

Реальной власти, по сути, сельсоветы почти не имели. До 1923 года они носили в казачьих местностях наименование станисполкомов, но в связи с гонениями на все, напоминавшее о былой обособленности казаков, название изменили.

В целом же, мы видим существенное ограничение былого казачьего самоуправления. Деятельность сельсоветов регламентировалась уже не войсковыми указами, а общеобязательными постановлениями советских органов, строго следивших за тем, чтобы не допустить политического укрепления казачества как потенциальной оппозиции Советской власти и, в силу этого, ликвидация основополагающих признаков казачьей общины, как материального фактора существования бывшего воинского сословия, объективно соответствовало стратегической линии ВКП(б).

В 20-е годы XX века казачья община, как специфическая земледельческая организация с присущими ей признаками и особенностями, разрушалась и отходила в прошлое. Напомним те ее существенные признаки, которые мы выделили во 2-й главе нашего исследования. Во-первых, это общественный земельный фонд и значительный земельный надел, пай, одинаково предоставляемый всем казакам-мужчинам, достигшим 17 лет. За счет этого земельного пая, напомним, казак не только содержал семью, но и обязан был приобрести экипировку и боевого (строевого) коня. Казаки имели особый порядок отбывания воинской службы, что выделяло их на фоне других сословий Российской империи и накрепко соединяло между собой казачье общество. Внутри общины стараниями войсковых и станичных структур сознательно поддерживалось имущественное равенство ее членов. Облагченное ответственностью за подготовку профессиональных воинов и за дальнейшее несение ими службы, казачье общество имело привилегии, право на которые надо было оправдывать сообща. Для казачьей земледельческой общины была характерна отсталая, полуобязательная для всех дворов, залежная система землепользования, порождавшая однотипность и консервативность ведения хозяйства, что само по себе мешало выделению наиболее хозяйственных казаков и ограничивало их предпринимательство и самодеятельность. Широко было распространена взаимовыручка и взаимоответственность казаков друг за друга как в бою, так и в повседневной жизни, на уровне сбора налогов в станичный и войсковой капиталы. Казаки имели довольно высокий уровень самоуправления, что, в первую очередь, было отражено в их праве самостоятельно решать вопросы внутренней жизни и распоряжаться станичными капиталами. Жили казаки замкнуто, всячески подчеркивая свое отличие от крестьянства (старались не носить лаптей, не курить трубку и папиросы и т. д.) и ревниво относились ко всем попыткам разбавить казачье население переселенцами. Особо недовольствовались казаки стремлением губернских властей поселить последних непосредственно в поселках, среди коренного казачьего населения.

Казачи отличались особой дисциплинированностью, что было присуще им как военному сословию. Приказы высшего начальства не обсуждались, а неукоснительно выполнялись. Для поддержания стабильного благосостояния и подстраховки на случай недородов, при поселках была создана экономическая защита в виде общественных запасек, хлебных магазинов и войсковых запасных земель, которые были гарантом относительно безбедного существования казачьей общины и проживавшего в ней населения.

Объективные причины, приведшие к серьезной трансформации всего российского общества в первой четверти XX века, воздействовали всесторонне и всеохватно на общину и привели к разрушению ее основания, той системы общины отношений, которые воспитывали казаков, окружали их от рождения до смерти.

Одним из самых действенных ударов, которые нанесла новая власть по казачьему сословию, была ликвидация казачьего землевладения. Отныне земля принадлежала государству, а не Войсковой казне. Проведенные за годы Советской власти земельные переделы разрушали существовавшую систему наделения землей. Сохранение вначале за казаками прежних земельных наделов было продиктовано сложившейся после революции и гражданской войны ситуацией, когда при наличии свободных земель просто не было достаточного количества ее обработчиков. Но к середине 20-х годов положение меняется в сторону снижения размеров наделов, ибо излишняя земля часто не распаивалась владельцами, а сдавалась в аренду, что в свою очередь, по мнению советских органов, служило источником нетрудовых доходов. К тому же уравнительное распределение земель (по едокам) нарушало прежнюю традицию паевого наделения только взрослых мужчин. Последующее уравнивание в земельном вопросе с крестьянами болезненно воспринималась казаками, ранее гордившимися своими участками, в несколько раз превосходивших крестьянские. Уменьшение размеров земельных наделов не могло не сказаться на доходности казачьих дворов. Уровень благосостояния имел постоянную тенденцию к понижению в средних своих показателях.

Обильные земельные наделы предоставлялись казакам за исполнение главной своей функции — охране российских границ и несения службы как в военное, так и в мирное время. Казак был прежде всего воин, а потом уж земледelec. Подготовка к военной службе и сама служба были содержанием всей жизни казака, устоявшимся образом жизни. Взаимоотношения казаков на службе также отличались от тех, которые бытовали в пехотных и других строевых частях, ибо служили поэскадронно вместе товарищи по детским играм, соседи и родственники разной степени близости. В казачьей среде не практиковалось размежевание между офицерами и нижними чинами. Здесь не могло в природе существовать барской спеси и искусственной отдаленности между приказывающими и подчинявшимися. Повсеместно в казачьих частях культивировался дух воинского братства, взаимопомощи и незлобивой зависти к успехам соратников, заставлявшей совершенствовать свое воинское мастерство, стремиться к наибольшим успехам, что всегда одобрялось казачьим сообществом.

Теперь же, в первые годы после революции, казаки были уравнены в прохождении военной службы со всем остальным населением Советской Республики, что воспринималось как самая сильная обида, какую только могла нанести казакам Советская власть. Неоднократно, уже после гражданской войны, казаки обращались к Советскому правительству с просьбой восстановить в составе Рабоче-Крестьянской Красной Армии отдельные казачьи части. Просьба казачьих старейшин не была и не могла быть удовлетворена. Правительство не без оснований опасалась, что боевые отдельные части, составленные полностью из столь претерпевшего от Советской власти казачества, в любой, чрезвычайной ситуации или внешней угрозе могут проявить неблагонадежность или выступить против большинства.

Была разрушена и универсальная система дослужебной военной подготовки молодых казаков, которая наполняла собой все свободное время молодежи и давала возможность обществу воспитывать не только будущего воина, но и настоящего мужчину, будущего мужа, отца и домохозяина.

Снаряжение казака теперь происходило за счет государства, что в известной мере ликвидировало былую зависимость небогатого казака от станичного общества. Община все больше теряла свои возможности влиять на рядовых казаков.

Казачье сообщество старалось по возможности не допускать сильного имущественного расслоения внутри общин. Материальное равенство приносило в известной степени в поселки успокоение и станичные органы по возможности старались повсеместно применять принципы социальной справедливости как при наделении землей, так и при распределении помощи и повинностей. Но производительные силы общества живут по своим законам и накопление богатства одними казачьими дворами и обнищание других, уже с начала XX века, носило повсеместный и объективный характер. Аграрные реформы начала века, предложенные и частично осуществленные тогдашним премьер-министром Петром Аркадьевичем Столыпиным, ускорили социальную дифференциацию когда-то монолитного казачьего общества. Особенно ускорила этот процесс возможность сдавать в аренду наделенные земли, чем воспользовалось значительное количество казаков. Это объективно сократило залежные земли, но повысило уровень нетрудовых доходов, которые были пущены отдельными казаками на удовлетворение своих текущих потребностей, а другими на расширение производства сельскохозяйственной продукции со своих участков: закупку сложной и продуктивной сельхозтехники, удобрений, сортовых семян. Уровень жизни постоянно повышался и расходы постоянно росли. Не все казаки-домохозяева вписались в эту гонку, многие дворы снизили свой уровень благосостояния по отношению к среднестатистическому и в какой-то мере явились обузой для общества, которое было обложено полномочиями по контролю и поддержанию материального уровня казачьих семей для того, чтобы призываемые из этих семей мужчины были обеспечены всем необходимым для несения военной службы.

После революции социальная дифференциация в казачьей среде только усилилась. Поменялось соотношение маломощных

и крепких середняцких дворов в пользу численного увеличения бедняков, которых активно поддерживала новая власть не только в идейном плане, как союзника в борьбе за построение нового, социалистического общества, но и в плане материальном, что вызывало известное напряжение и противостояние в казачьем обществе.

Ленивые, бездельные и пьющие домохозяева никогда не поощрялись в казачьей среде и никогда не выбирались на ответственные должности в поселковые правления. Теперь беднота начинает доминировать в сельсоветах и других существовавших управленческих структурах, таких, как например Крестьянские Комитеты Оказания Взаимопомощи (ККОВ).

До революции зажиточные казаки были образцами для подражания, на них старались равняться, у них учились хозяйствовать. Теперь они, подвергаемые идеологической травле, становятся изгоями в своих родных поселках. Неудивительно, что впоследствии они начинают саботировать советские инициативы в области коллективизации сельских дворов, становятся настоящими врагами Советской власти, оказывают ей не только пассивное, но и активное сопротивление. Сложным становится положение середняка, который традиционно тянулся за зажиточными казаками. Перспективу дальнейшего обогащения у него забрали, оставляя только незавидное будущее — пополнение все увеличивавшихся небогатых хозяйств.

До революции казаки имели предоставленные им царским правительством льготы, куда относилось и освобождение от налогов, главным образом от подушной подати, которая для всего остального крестьянства была основной выплатой в пользу государства. Теперь же, вместе с ликвидацией сословных различий, казаки лишались этой своей привилегии и попадали в податное состояние наравне со всем остальным крестьянством. Это серьезно отразилось на доходах каждого казачьего двора, ибо раньше казаки с подобным явлением попросту не сталкивались. Сокращение посевных площадей и выплата налогов явились одной из причин последовавшего массового снижения уровня

благосостояния казачьих дворов в годы новой экономической политики. Изъятие привилегий также не способствовало улучшению отношений бывшего казачьего сословия с Советской властью и непосредственно с ее органами и представителями на местах.

Существенно изменились приемы ведения хозяйства, составлявшие базисную основу специфичности казачьего способа производства зерновых культур, а также животноводства. Этот, присущий казакам способ производства, складывался на протяжении многих поколений и составлял неотъемлемую часть казачьего образа жизни. Любые изменения в нем должны были неизбежно сказаться и на производительных силах общины и на ее менталитете.

Казаки все чаще стали применять расширенный севооборот, стали больше вносить удобрений, вести мелиоративные работы, улучшать породы скота. С помощью сельхозкружков и агрономических курсов в казачью среду все больше проникали агрономические знания. Разрушается было однообразие в приемах и методах хозяйствования, все четче прослеживаются прогрессивные тенденции в когда-то консервативном казачьем хозяйстве.

Повышение благосостояния у казаков уже все больше перестает связываться с помощью общины, с использованием родственных и соседских связей, а чаще с наличием необходимых знаний и умений, с техническим обеспечением хозяйства, в постепенном вытеснении непроизводительного ручного труда из своих хозяйств. Разнообразие применяемых приемов разрывало рутинность привычного землепользования, давала возможность инициативным и энергичным людям самостоятельно повышать продуктивность своего хозяйства, не оглядываясь на мешавшее им это делать общество. Предпринимательство и порожденная ею имущественная дифференциация ослабляли бывшее влияние общины на рядовых казаков. Происходит усиление роли зажиточных слоев в казачьей среде, увеличение ими аренды земли и найма в качестве рабочей силы своих родственников и соседей.

Предпринимательство, получившее новые возможности своего развития в годы новой экономической политики, все более способствует разделению по доходам населения станиц и поселков.

Кооперация, объединяя казаков на производственной или иной основе, способствовала разрушению сковывавших инициативу общинных связей. Вовлеченные в кооперацию индивидуальные хозяйства должны были по замыслу государства укреплять экономическую и социальную базу для решения задач последующей коллективизации. Казак, ранее экономически защищенный общиной и не привыкший хозяйствовать на свой страх и риск, получал существенную опору и уверенность посредством участия в различных товариществах — тем более, что им предоставлялась различная помощь со стороны государства. Развитие промысловой кооперации также существенно повлияло на изменение привычного казакам способа производства, базировавшегося в основном на выращивании зерновых. Занятие промыслами, дававших иногда значительный побочный доход, вовлекало все глубже казаков в рыночное производство, ибо продукция этих промыслов являлась товаром и шла преимущественно не на личное потребление, а на продажу. Развитие сбытовых кооперативов стимулировало казачьи хозяйства на увеличение товарной массы, что приводило к обоюдной выгоде. Казаки теперь самостоятельно, не спрашивая на то, как раньше, разрешения станичных властей, выходили не только на близлежащие, но и внешние рынки.

Кооперация раскрепощала казака, делала его более свободным при принятии решений для пополнения доходов своего двора.

Казачья община отличалась компактностью места проживания, сплоченностью большого количества казаков, не желавших, несмотря на неизбежное в противном случае дальнотемелье, покидать родные поселки. Свое нежелание уходить на высылки казаки аргументировали тем, что совместное общинное хозяйствование всегда определяет начало и окончание работ, подтягивая нерадивых. К тому же, исходя из немалых расходов

на оплату пастухов, казаки считали, что общее стадо и пастбище будут в станице обходиться много дешевле, чем на хуторах. Многие опасались, что хуторская земля, подлежащая отчуждению от основного поля, будет постоянно делиться между отцами и детьми, а значит снова будет увеличение чересполосицы. Казачья администрация не пропагандировала расселения, ибо при компактности проживания населения легче было держать его под своим контролем, решать общие станичные проблемы, выискивать и пресекать правонарушения.

Но с начала века, благодаря провозглашенному П. А. Столыпиным курсу на разрушение общины как таковой и общинного способа производства в частности, хутора и займки становятся повседневностью в казачьих областях. Часть казаков отселялись по приговору Станичного Сбора, часть изъявляла добровольное согласие на выделение из общих наделов и создание отдельных поселений. Среди этих преобладали зажиточные хозяева, которым общинные пути мешали активно развивать земледелие. Они практиковали передовые приемы ведения хозяйства, закупали дорогостоящую технику, проявляли инициативу в предпринимательстве.

Советская власть активно стимулировала разукрепление поселений, заботясь, в первую очередь, о повышении отдачи с десятины пашни. Вокруг станиц появляются многочисленные выселки, куда из разрушающейся общины переселяются казаки, разрывая самым фактом переселения поколениями нажитые общинные, соседские и родственные связи. Только по Челябинскому округу в 1925 году образовалось 20 выселков с 9740 десятинами земли¹⁷.

Жили на выселках казаки обособленно, отдаленно от бывших своих поселков, что впоследствии оказалось неудобным при организации колхозов в период массовой коллективизации конца 20-х – начала 30-х годов.

Обособлялись, по мере возрастания благосостояния, и казаки, оставшиеся в поселках. Все реже проявляются случаи взаимопомощи при обработке полей. Меньше стали помогать друг

другу казаки по оказании материальной помощи, даже на родственном уровне. Традиция круговой поруки стала уходить в прошлое. Разъединенная по имущественному признаку казачья община все больше и больше утрачивала свои специфичные черты. Взаимовыручка стала редким явлением — сытый голодного не разумеет. Помощь все больше оказывалась за плату, по правилам капиталистического ведения хозяйства. Принцип: «один против всех и все против одного» стал закрепляться в казачьей среде.

С изменением способа производства и утратой когда-то имевшихся привилегий стала разрушаться и бывшая замкнутость казачьей общины, ее изолированность от внешнего мира. Во-первых, была ликвидирована правовая основа для обособленности — казаки имели те же права, что и проживавшие рядом крестьяне. Казаки уже не имели никаких привилегий и льгот, выделявших их среди остальных групп Российской империи. Судились они теперь обычным советским судом, подчинялись общим сельсоветам и преследовались за правонарушения так же одинаково, как и все остальные жители СССР. Участились браки казаков с иногородним населением, что раньше скорее было исключением, чем правилом. Разрушению замкнутости в немалой степени содействовало решение Советского правительства о призыве казаков на службу на общих основаниях. Также надо учесть тот факт, что были распущены сугубо казачьи органы управления, включая все службы и отделы Войсковых Правительств: хозяйственные, образовательные и т. д. Грамотные казаки постоянно приобщались к советской прессе, что не могло не повлиять на изменение казачьего менталитета. Специальных казачьих изданий, столь распространенных до революции, теперь не выпускалось.

Изменилась и суть общественной запашки, некогда поддерживавшей станичное общество в неурожайные годы и пополнявшей станичный капитал продажей хлебных излишков. Когда-то хлебные магазины были надеждой станичного общества и в трудных ситуациях все нуждавшиеся получали подпитку из общественных запасов. Теперь хлебные магазины меняли свое

назначение, превращаясь в амбары для хранения запасов, шедших на покрытие расходов местных органов власти. Общественная запашка передается в руки крестьянских комитетов по оказанию взаимопомощи и получаемый урожай расходуется в основном на содержание сельсоветов, школ и культурных учреждений.

Вполне очевидно, что община растрачивала свой иммунитет и ее основы постоянно подтачивались. Одним из заключительных ударов по общине стало распределение запасных войсковых земель среди приезжающих с западных и центральных районов страны переселенцев.

Главной целью этого мероприятия было стремление земельных органов ввести в оборот заброшенные и пустующие земли в многоземельных лесостепных и степных районах, наиболее сильно пострадавших от голода и лишившихся многих тысяч земледельцев. Одновременно данное переселение должно было отчасти разрешить демографическую ситуацию в малоземельных районах России.

Поэтому по всему региону наблюдается процесс дальнейшего разбавления казачьего населения прибывавшими крестьянами, а также в результате естественного прироста иногороднего населения. Например, в Орском уезде плотность казачьего населения в 1925 году составила 7,5 человек на один квадратный километр. До революции показатель плотности казачьего населения составлял здесь 11 человек на квадратный километр¹⁸. В Каширском уезде процент казачества по отношению к 1913 году понизился на 26,2%¹⁹.

Многие казаки погибли на фронтах двух войн: первой мировой и гражданской. Часть ушла в эмиграцию. Больше всего потерь пришлось на голодный год. Снижение благосостояния семей определило и сокращение их состава, уменьшения детей в семьях. Некоторые казаки, втянувшиеся в рыночную систему, покидали поселки и переезжали в города, умножая число «отсутствующих». Часть казаков забрасывала земледелие и переключалась на доходные промыслы. Порывая с общиной, они переходили в другие группы населения, постепенно ассимилируясь в них.

Казачий войсковой запас земель частично перераспределялся, а большей частью передавался в колонизационный фонд. Сам по себе этот факт в достаточной степени свидетельствует о необратимости происходящих перемен, не оставлявших никаких надежд на гипотетическое возрождение казачества.

Земли войскового запаса переходили в специальный фонд, где они перераспределялись между колонистами. На землях предполагалось сразу же разбивать новые поселения. В колонизационный фонд по Омскому округу было передано в 1921 году 9048,1 десятин бывшего казачьего земельного запаса²⁰. Всего в Омской переселенческой партии предполагалось расселять до 25000 колонистов ежегодно. Для этого планировалось оборудовать 50 новых поселков на площади в 70 тысяч десятин. Всего же в районе бывшей казачьей полосы на запасных землях должно было быть создано 350 поселений прибывших из малоземельных районов крестьян. Под эти поселения отводилось 600000 десятин²¹. В 1923 году на 80 тысячах десятин было размещено 10 тысяч поселенцев — 1800 семей²².

На Южном Урале свободной земли было больше. Только Варненскому району Троицкого округа предписывалось выделить 200 тысяч десятин земли для образования поселков. Магнитная станица должна была отдать 89 тысяч десятин для 100 поселков. Брединский район имел заявку на 100 тысяч десятин для 75 поселков, а Степной станице предлагалось передать в колонизационный фонд 90 тысяч десятин земли для организации на них ста новых поселений²³. Всего же емкость колонизационного фонда в Троицком округе составляла 870 тысяч десятин. На них планировалось обустроить 17 тысяч новых дворов земледельцев²⁴.

Но освоение залежных земельных массивов степных районов требовало значительных средств, которых всегда не хватало. Поэтому приток переселенцев не был таким обильным, как это планировалось. Так, например, в Верхнеуральском районе в 1924 году было принято 543 переселенца²⁵, а в следующем, в 1925 году — 1282 человека²⁶. В Троицком районе, где

планировалось разбить 25 поселков переселенцев, в 1926 году было размещено 849 переселенцев²⁷.

Начавшаяся коллективизация не позволила до конца реализовать переселенческую программу — она была выполнена примерно на 25%.

Казачьи общества всегда отличались внутренней дисциплинированностью и исполнительностью. Эти черты казачьего сословия носили необходимый и безусловный характер, ибо были порождены природой самого общества, главным предназначением которого была военная служба, требовавшая безукоснительного подчинения. Регламентация внутреннего распорядка и строгая подчиненность были обязательными атрибутами казака на протяжении всей его жизни. Дисциплина, проявлявшаяся в строгом исполнении поступавших указов и распоряжений, распространялась не только на служебные обязанности казака как профессионального воина. Она пронизывала и обычные отношения между соседями и родственниками, являлась укрепляющим составом для сохранения фундамента казачьей общины. Существовали и специализированные подразделения для поддержания порядка и дисциплины, выраженные в номинациях Станичного - Атамана, с его полицейскими функциями, и Станичного Суда, чьи решения были обязательными для всех казаков независимо от звания и положения. Большую роль в поддержании бытовой дисциплины играл авторитет старейшин. Геронтократия, как неизбежный атрибут вечового управления обществом, не была изжита в казачьей среде и по сути являлась одним из столпов, на которых держалась община, в первую очередь, ее повседневная жизнь. Старики следили за поведением молодежи, иногда насильно заставляя невежливых молодых людей подчиняться установленным правилам уважения к старшим — пожилой казак мог плеткой сбить с головы невоспитанного подростка фуражку, если тот не снял ее при встрече со старшим по возрасту. Подчинение, воспитанное с детских лет, непоколебимость убеждения в необходимости дисциплины на всех уровнях жизненного

пути казака, способствовали формированию боеспособных воинских частей, наводивших ужас на врага.

В годы Советской власти, в связи с перечисленными уже переменами и изменениями в казачьем обществе, дисциплина довольно заметно снизилась. Это было вызвано отчасти ликвидацией всех войсковых и станичных структур, отчасти разрушением былого единства общины, когда каждый ее член был ответственен перед обществом, а общество постоянно контролировало его поведение. Непризнание казачеством в целом происходящих преобразований со стороны Советской власти приводило к частому неподчинению ее низовым структурам — сельсоветам, которые не могли иметь в казачьем обществе того авторитета, которым обладали Станичные Правления. Казаки игнорировали призывы советских органов, старались не участвовать в организованных многочисленных кампаниях. Появилось большое количество уклоняющихся от выплаты налогов и несения повинностей. Бóльший размах приобрели пьянство и праздность, воровство, ранее осуждаемые казачьим сообществом. Молодежь все меньше терпела поучения со стороны старших по возрасту, переходила от казарменного к светскому образу жизни, все больше ориентировалась на город.

Казачья община гордилась высоким уровнем грамотности ее членов, притом не только мужского населения, но и женского. За успеваемостью мальчиков следили не только родители, но и атаман поселка. Неграмотного могли не взять на службу. Казачьи общества сами просили Войсковые структуры об открытии школ в поселках, содержали их на общественный кошт. Высокомерие, которое наблюдалось среди казаков по отношению к крестьянам, в немалой степени было продиктовано превосходством в образовательном уровне. С ликвидацией войсковых органов грамотность среди молодежи заметно понизилась. Фигура сельского учителя с его мизерными заработками вызывала больше жалость, чем уважение. Пришли в запустение здания школ. Посещаемость школ детьми была довольно низкой как среди крестьянского населения, так и среди казаков.

Процесс разрушения общины принял необратимый характер и одним из показателей этого было изменение общинной психологии в казачьей среде — за изменением статуса и переменами в структуре ведения хозяйства произошло изменение образа мышления, возникли новые жизненные ориентиры.

Казачье боевое единство поддерживалось всегда непоколебимостью духа, отличалось монолитностью, в основе которой лежали такие святыне для каждого казака понятия как верность, присяга, служение Родине, Отчизна, уважение к боевому прошлому казачества и его боевым реликвиям и т. д. Казачье общество ревностно следило за выполнением правил ношения формы, соблюдением символики. Называли себя не крестьянами, не кавалеристами, не россиянами, а обязательно «казаками». Жили не в «деревне», а в «поселке», приходили не на собрание, а на Сбор и т. д.

Особое отношение у казаков было к подготовке к службе и ее прохождению. К ней готовили с малолетства, о ней постоянно и с долей уважения и гордости говорили в обиходе, постоянно интересовались успехами в подготовке и, разумеется, боевыми подвигами. Было известное уважение к самой общинной организации, к органам ее управления. А вот такие качества, как трудолюбие на своем поле, бережливость и накопительство, инициативность в ведении своего хозяйства особо не почиталось. В почете были лихость и удаль на поле боя, самоотверженность, взаимовыручка в бою.

Революция и гражданская война серьезно деформировали традиционные представления и понятия. Сам раскол на «белых» и «красных» заставил соседа выступить против соседа, брата против брата. Деформировалось понятие «Отчизна», «присяга», «верность». Казаков постоянно попрекали их поддержкой белого движения, обвиняли в антисоветчине. Были запрещены к употреблению слова, напоминавшие о принадлежности к бывшему сословию.

Среди молодежи уже не было прежнего уважения к казачьей форме, которую почти совсем перестали носить. То же самое

относилось и к традиционной символике. Не стало былого уважения к старшим, к боевым наградам, знаменам и т. д. Молодежь не желала жить прошлым своих отцов.

Казачество не перешло полностью на сторону Советской власти. Осталось недоверие, имевшее объективные причины, негативное отношение к коммунистам и комсомольцам. М. Д. Голубых пишет, что во всем Тимофеевском поселке не было ни одного партийного казака. Не было в поселке и комсомольцев, а в соседнем поселке был только один, к которому относились с известным пренебрежением, потому что он был из пьющих и гулящих.

Ранее активно ходившие на Сборы казаки, теперь не проявляли желания выступать на собраниях. Низок был их процент участия в выборных кампаниях. Многие негативные явления, пороки, сдерживаемые раньше общиной, теперь стали повсеместным явлением. В докладных записках с мест сообщалось о пассивности казачьего населения, его нейтральности, позиции выжидания. Во всем сквозила неуверенность в своем будущем. Служили по-прежнему казаки примерно, но Рабоче-Крестьянская Красная Армия не стала для казаков объектом уважения и служили в ней неохотно, сравнивая ее постоянно с царской армией.

Стало исчезать самоуважение казаков самих к себе. Когда 30 апреля 1925 года Пленум ЦК ВКП(б) подчеркнул недопустимость игнорирования особенностей казачьего быта и существовавших традиций²⁸, основы общинного бытия были уже основательно подорваны. Употребление заново в прессе слов «казак» и «станица», что видимо должно было смягчить недоверие к Советской власти, не вызвало серьезных эмоций среди бывшего войскового сословия.

Казачье население, разрывая общинные узы, втягивалось в процесс товарно-денежных отношений, осваивая различные виды рыночного хозяйства, пока этот процесс не был прерван коллективизацией (колхозы по сути явились одной из форм общинного ведения хозяйства), поставившей точку на проведении

новой экономической политики в сельском хозяйстве.

Говоря о разложении общинных устоев, надо отметить, что вместе с тормозившими прогрессивное развитие экономики чертами стали разрушаться и такие, как: присущая общинному ведению хозяйства взаимопомощь, передача из поколения в поколение совокупного хозяйственного опыта и бытовых традиций, социальная защита нетрудоспособных, внутренняя дисциплина коллектива общинников, уважение к старшим, уменьшился уровень грамотности.

Серьезно понизившийся уровень благосостояния казачьих дворов вызвал беспокойство у руководства губерний. Местные советские органы управления видели причину увеличения маломощных, в основе своей потребляющих хозяйств, в общине, сковывающей предпринимательскую активность и не дававшей по-настоящему разбогатеть отдельным казакам, потенциально способным улучшить свои производственные показатели.

Но сознательной борьбы с общиной они не проводили, ибо отдельные стороны общинного ведения хозяйства их устраивали: взаимовыручка при сборе налога, общественные запашки и т. д. В то же время непоследовательная и довольно жесткая политика налогообложения, носившая классовый характер и приведшая к сокращению посева у товарных групп (и соответственно к увеличению посевов в потребляющих хозяйствах), поддержка беднейших хозяйств льготными кредитами и бесплатным семенным материалом, первые опыты создания находившихся на государственной дотации и, получивших в свое довольно непродуктивное пользование лучшие земли и большую часть сельхозинвентаря, коллективных хозяйств, тормозили развитие рыночных отношений в станицах. Капитализм быстрее бы уничтожил общину, сделав ставку на зажиточную прослойку казачества и кулаков.

КОНДИЦИИ НА ОТДАЧУ В ОБРОЧНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
ВОЙСКОВЫХ ЗАПАСНЫХ И 10-й ВЕРСТНОЙ ПОЛОСЫ
ЗЕМЕЛЬ
СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Войсковые запасные земли, а также земли 10-й верстной полосы с их угодьями, отдаются в оброчное содержание с торгов, без переторжки, отдельными участками на следующие сроки:

а) поливные земли — на время до 12-ти лет; точные же сроки указываются в особых объявлениях;

б) участки под сады, огороды, каменоломни, рыбной ловли и для пчеловодства — до 24 лет;

в) участки под заводы, фабрики, ценные паровые мельницы — на сроки до 30 лет.

§ 1. Лица, закупившие участки и внесшие в обеспечение исправности платежа оброка залог, равный полугодовой оброчной суммы, обязаны в торговых листах поставить подпись в том, что участки остались за ними по цене и условиям, состоявшимся на торгах, когда это утверждено будет начальством, а затем ожидать распоряжения об утверждении торговли. Если бы давший подписку на взятие в аренду участка, впоследствии от него отказался, то на основании 115 ст. Положения о казен. под. и пост. изд. 1886 года, производятся вновь торги и удерживаются до окончания дела представленные им залогом, для пополнения убытка войска, которое может произойти. Точно также поступает в том случае, если купивший участок не является в семидневный срок для заключения контракта при получении извещения об утверждении торговли; для отсутствующих же дается с того времени на прибытие дополнительный срок (необходимый для проезда по 50 верст в сутки).

§ 2. При получении извещения об утверждении торговли, лица, купившие участки, должны в течение семи дней заключить контракт по установленной форме. Контракт должен быть оплачен

гербовым сбором на счет арендатора по сумме выданной годичной платы, если участки взяты в аренду на 1 год, и в сложности за весь год, если участки взяты на несколько лет.

§ 3. При заключении контракта лица:

1) взявшие участок в аренду на 1 год, обязаны в течение 15 дней к внесенному залогу доплатить остальные деньги до годовой оброчной суммы, которая должна служить оброчной платой за первое полугодие, за второе полугодие зачисляются залого, если будут состоять из денег и если окажутся свободны от неисправного содержания участка от платежа за него денег; в противном случае им покрываются все убытки, штраф и пеня, указанные в ст. 71 Уст. о казенных оброчных статьях, изд. 1983 г., независимо от взыскания суммы, подлежащей в оброчную плату;

2) взявшие участки на срок более одного года, независимо от залогов, обязуются годовую плату вносить за каждое полугодие вперед в два срока: одну половину в течение первых 15-ти дней апреля месяца, а другую — в течение первых 15-ти дней октября месяца каждого арендного года в Омское и Семипалатинское казначейство, или кому будет указано контрактом, без всякого к тому напоминания и принуждения со стороны Войскового Хозяйственного Правления, представляя в Войсковое Хозяйственное Правление при своем заявлении или через станичных, или поселковых атаманов, лишь только одни квитанции казначейства о вносе денег.

§ 4. Арендаторы войсковых участков, уплатившие аренду в течение первых 15-ти дней полугодия, не подвергаются никакому взысканию; не уплатившие же аренды в течение этого срока подвергаются взысканию, установленному в § 5 пени и штрафам со всей просроченной суммы.

§ 5. Арендатор войсковых участков, не исполнивший контракта обязательства, подвергается:

а) платежу в войско пени, которая исчисляется по полупроценту в месяц из суммы окладной недоимки, со дня ее образования и по день ее уплаты;

б) платежу штрафа по полупроцента в месяц с просроченной

суммы. Штраф этот взыскивается не более 6% от суммы окладной недоимки;

в) взысканию всего убытка, могущего последовать войску от его неисправности;

г) изъятию из его содержания участков для отдачи другим с торгов или в хозяйственное управление.

§ 6. В случае неисправности платежа аренды за участки Войсковое Хозяйственное Правление назначает немедленно, по истечению срока платежа, день торга для отдачи участка в содержание другим и делает установленную порядком публикацию. До напечатания первой публикации арендатор участка может внести просроченную сумму с пеню и штрафом и удержать за собой участок до окончания срока контракта; но после публикации он вовсе лишается право; арендный участок передается в непосредственное распоряжение Войскового Хозяйственного Правления и отдается другим. Всякий при этом убыток от уменьшения цены относится за счет залога, составляет ли такой собственность неисправного арендатора или доверен ему посторонними лицами, а также за счет поручателей. То же происходит и при убытках, происшедших от употребления арендатором войскового участка в противность контракта.

§ 7. Если недоимочная арендная сумма, войсковой убыток, пеня и штраф не покрываются сполна залогами и суммою, взысканною с поручателей, то вся остальная недоимочная сумма, взыскивается с имущества неисправного арендатора, согласно правилам, постановленным о казенных подрядах и в положении о гражданских взысканиях.

§ 8. Если арендатор войскового участка заведет на нем строение, то при наступлении срока обязан снести его, в противном случае, согласно правилам, изложенным в статье 611 гражданских законов, строение остается в пользу войска, без всякого за то вознаграждения.

§ 9. Арендатору, по заключению с ним контракта, выдается копия плана, по которому производились торги, для известности границ, в которых ему надлежит пользоваться участком.

§ 10. Арендатор пользуется пастбищами, сенокосами и водопоями на всем пространстве своего участка; распашку же может производить за отдельную от аренды плату по таксе лишь на пространстве, не превышающем одной третьей части общего количества пахотной земли в участке, отданного ему в арендное содержание. Причитающееся по такому расчету количество земли отводится к одной стороне участка сплошь, не допуская чресполосности, по выбору арендатором и только на этой земле допускается распашка в течение всего арендного срока. На распашку каждый год выдается арендатору, по его просьбе, билет из Войскового Хозяйственного Правления, будет ли он сам производить распашку, или кому ее дозволит. Плата за распашку вносится им или сразу за всю распашку, или одна половина — при получении билета, а другая — не позже октября месяца.

За просрочку этих денег взыскивается штраф по 1% в месяц по день уплаты. За распашку, произведенную арендатором самовольно, взыскивается административным порядком, помимо установленной платы по таксе, еще в виде штрафа в доход войска по 3 руб. за десятину. Этим же правилом подлежит распашка, произведенная самовольно посторонними лицами, если арендатор не принял своевременно мер к устранению этого.

Примечание: За подготовку земли под посевы плата не взыскивается.

§ 11. Войсковое Хозяйственное Правление через командированное свое лицо имеет право во всякое время контролировать правильность пользования участком; для этого арендатор обязан доставлять контролирующему лицу все требуемые им по участку сведения и не может отказываться неведением счета того количества десятин, какое он распахал и какое ему надлежит распахивать во время арендного срока.

В случае надобности, арендатор обязан дать требуемое число рабочих людей и подводу для размера распашки; если окажется необходимым возобновить или проложить новые границы участка, или нарезать дороги, — то и плуг с запряжкой и прислугой.

§ 12. Если при контроле участка землемером или каким-

либо из чинов Войскового Хозяйственного Правления будет открыто, что распашка произведена на каком-либо другом, кроме отведенного для этого месте участка, то арендатор участка уплачивает войску ТРОЙНУЮ плату за каждую десятину, распаханную вне отведенной для этого части участка. Количество принадлежащих по этому параграфу денег определяется Войсковым Хозяйственным Правлением и уплачивается арендатором при первом срочном платеже арендных денег, в противном случае они взыскиваются в исполнительном установленном порядке.

Примечание: Перемена места, выбранного арендатором, на другое разрешается в том случае, если до этого арендатор не производил распашки на избранном месте.

§ 13. Арендатору предоставляется право передать взятый им в аренду участок в пользование другим лицам, как в целостности, так и по частям, но принятые на себя по контракту обязанности могут быть переданы другому лицу только с разрешения Войскового Хозяйственного Правления с передачей контракта в установленном порядке.

§ 14. Арендатору на выкупленном участке разрешается возводить пруды и колодцы, а также заводы, фабрики и всякие хозяйственные постройки, но после окончания аренды все строения должны быть снесены в законный срок или переданы новому арендатору, по соглашению с ним, или проданы на снос; в противном случае все неснесенные постройки и сооружения поступают в собственность войска. Пруды и колодцы, устроенные на участке арендатора, а также и прежде существовавшие остаются навсегда собственностью войска. Разрушать, портить или уничтожать пруды и колодцы строго запрещается и за нарушение этого правила арендатор платить войску беспрекословно такую сумму, какая по подсчету Войскового Правления окажется необходимой для восстановления разрушенного, испорченного или уничтоженного.

§ 15. Арендатор обязан следить, чтобы на его участке не устраивались без разрешения Войскового Хозяйственного Правления киргизские зимовки, разные заводы, мельницы и прочие

оседлые жилища или промышленные заведения, а также чтобы не сдирался дерн с земли на участке. В случае нарушений этих условий кем-нибудь из частных лиц, арендатор должен немедленно об этом знать станичному или поселковому атаману для принятия должных мер, сообщив об этом в то же время в Войсковое Хозяйственное Правление. Не выполнивший этого условия и не сделавший куда следует своевременного заявления о сказанных нарушениях арендатор участка, по постановлению Войскового Хозяйственного Правления, подвергается взысканию исполнительным порядком (штраф 10 руб.) за каждый случай сказанного нарушения и, кроме того, взыскивается с него единовременное (по 4 коп. за квадратный сажень земли находящийся под строениями и за сдирку земли) поступление, указанное в ст. 611 т. X Гражданского Закона.

§ 16. Киргизские зимовки, как и промышленные заведения и прочие строения на войсковых участках с оплатой оброка в доход войска за занятую землю, никаким образом в пользу арендатора не поступают: арендатор в подобных случаях освобождается от платежа части арендных денег за отошедшее пространство земли в той сумме, какая причитается по контракту. Пастьба скота на участках, из которых выделены зимовки, пасаеки и прочие, может быть допущена с согласия арендаторов смежных участков.

§ 17. Лесом, рыбной ловлей, минеральными богатствами и вообще всем, что не будет оговорено в контракте, пользоваться арендатору не позволяется без разрешения Войскового Хозяйственного Правления.

§ 18. Арендатор обязывается отбывать все натуральные повинности; в противном случае они исполняются по распоряжению начальства, на счет арендатора, а также арендатор обязывается давать бесплатно лошадей для проезда до ближайшего поселения чиновнику полиции, прибывшим на участок по делам, касающимся арендного участка.

§ 19. Охрана леса на участке от порубок и пожаров в течение арендного срока лежит на обязанности арендатора. При обнаружении правонарушений в лесах арендатору на указание

виновных дается 7-дневный срок. Если в течение этого срока виновные не будут указаны или указанные лица будут судом оправданы, ответственность за происшедшее нарушение падает на арендатора, причем взыскание убытков производится административным порядком.

На арендном участке может быть допущено бесплатное пользование валежником, но только для хозяйственных нужд, строений, возведенных на этом участке и тоже с разрешения войскового начальства во всяком отдельном случае такого пользования.

§ 20. Если на участке окажутся алебастр, охра, белая и огнеупорная глины, известковый, жерновый и плитовый камни, то арендатор не должен ими пользоваться без разрешения Войскового Хозяйственного Правления, как не должен также допускать кого-либо из частных лиц пользоваться ими. На добычу их выдаются билеты Войскового Хозяйственного Правления уполномоченными лицами. За неисполнение условий арендатор по постановлению Войскового Хозяйственного Правления подвергается взысканию исполнительным порядком, двойной стоимости описанных материалов по войсковой таксе, кроме привлечения к ответственности в уголовном порядке за похищение казенного имущества.

§ 21. При исключении всего участка или его части из аренды, если на отходящем пространстве окажутся распахки или посевы хлеба, произведенные арендатором до объявления ему распоряжения об исключении, то арендатору представляется право засеять распахки и воспользоваться посевом с платою таксовой цены за то число десятин, какое находится под распахкой или посевом, а также ему предоставляется право убрать с отходящей из аренды земли накошенное сено и вообще все хозяйство не более 3-х месячного срока со дня отобрания земли; постройки же арендатор обязан снести не более 6-ти месячного срока. В противном случае все остается в пользу войска, на основании ст. 611 т. X ч. 1 Гражданского Закона.

§ 22. Участок, который будет взят на срок не более 6-ти лет,

если в течение этого срока не потребуется для войсковых или общественных надобностей, то он может быть изъят из аренды полностью или частями и раньше истечения арендного срока. В этом случае весь участок или часть его отбирается у арендатора с 1-го числа октября и апреля месяцев, а в особо важных случаях и без соблюдения этих сроков — во всякое время года. При исключении из аренды всего участка, контракт нарушается и Войсковое Хозяйственное Правление производит окончательный расчет с арендатором относительно арендной платы в день отобрания участка. При исключении же части участка, арендатору представляется право остальную землю держать до конца арендного срока, с тем что с него слагается часть арендных платежей, причитающихся по числу десятин, изъятых из аренды со дня их отобрания.

§ 23. В случае, если взявший участок в аренду сроком на 12 лет и более для разных заводов и фабрик и других промышленных и хозяйственных заведений не выстроит в течение первых трех лет аренды этих заводов и прочее и не поставит должных машин, а также, если участок будет сдан с правом продолжить аренду на следующие сроки если к началу этого нового срока заводы и прочее окажутся в расстроенном состоянии, не будут приведены в должную исправность, то участок может быть Войсковым Хозяйственным Правлением отобран у арендатора и отдан обратно в войско, для отдачи другим с торгов, или в хозяйственное управление.

§ 24. Участки, продаваемые с торгов или хозяйственным способом для заводов, фабрик и промышленных заведений, на срок 12 и более лет, отдаются в аренду на условиях, чтобы выданная на торгах или хозяйственным способом цена, через каждые три года аренды, возвышалась на 10% против цены предшествовавшего трехлетия.

§ 25. Лицам, взявшим с торгов или хозяйственным способом рыболовные места на войсковых участках — по рекам, озерам и омутам, дозволяется производить только рыбную ловлю ловушками и снастями, производить же отлов другими способами, ведущими к совершенному вылавливанию ее или вымиранию,

строго воспрещается на основании 175 и 276 Уст. о сельск. хоз. (т. XII, изд. 1893 года).

За несоблюдение этих правил арендаторы по постановлению Войскового Хозяйственного Правления подвергаются взысканию порядком, установленным для исполнительных дел — кроме отобрания всей незаконно выловленной рыбы и рыболовных снарядов, для продажи с аукционного торга — еще за каждый пуд красной рыбы по 6 руб., и белой по 3 рубля.

§ 26. Пролегающая по участку скотопрогонная дорога (шириной в 30 сажень) не может быть изменена без разрешения войскового начальства; но если, во время арендного срока, войсковое начальство встретило бы надобность в изменении направления дороги или в проложении новых, то арендатор не имеет права противиться такому распоряжению, с тем, что за землю, отходящую под дороги вновь, с арендатора слагается, указанным § 21, причитающаяся доля арендных платежей.

Относительно содержания сельских и полевых дорог, арендатор обязан соблюдать правила, изложенные в ст. 15, 889, 892 т. XII ч. I Уст. Пут. Сообщ., изд. 1857 г., находящаяся же под такими дорогами трехсаженная полоса земли (ст. 10 и 524 того же тома) не исключаются из общего количества земли арендного срока, подлежащей оплате арендными деньгами.

§ 27. За прогон разного скота по скотопрогонным и другим дорогам арендного участка, арендатор не должен брать никакой платы с хозяев скота, но когда гурты и табуны скота, а также коммерческие транспорты будут идти с остановками для пастьбы и ночлегом вне дорожной полосы, тогда гуртовщикам и фурщикам, не счесть довольствия попасом и довольствием прогоняемого скота, предоставляется входить в соглашение с арендатором участка; но во всяком случае арендатор, за каждый суточный попас с водопоями, имеет право взимать отнюдь не выше одной копейки с лошади, половину копейки с рогатой скотины и верблюда, и четверть копейки с поголовья овец, телят и ягнят плата не взимается вовсе. За один водопой без попаса, и за один попас без водопоя, арендатор имеет право взимать не более половины

вышеопределенной платы. Плата за водопой без попаса не за каждый раз напоения, а однажды за проход гуртов и фуриков через все протяжение арендного участка. Жители Сибирского казачьего войска чины всякого ведомства, едущие на лошадях, избавляются от всякой платы за водопой; но если они следуют в состав коммерческих транспортов по накладным, то плата с них взимается на вышеуказанном основании.

§ 28. Чтобы установленная плата за водопой и попасы проходящего рабочего скота была известна плательщикам, арендатор обязан или иметь в необходимых местах, на столбах за стеклом, или предъявлять лично, или через доверенное лицо, особо отпечатанные таксы, зарегистрированные войсковым начальством, причем должен выдавать плательщикам с своей подписью ярлыки, в которых объяснять количество взятой с них платы.

За доказанное взывание свыше определенной платы, арендатор подвергается взысканию по закону.

§ 29. В озерах и реках, смежных с дорогами, пользуются бесплатно водопоем все вообще, не исключая и промышленников скотскими гуртами с тем, чтобы они на основании 771 ст. т. X Уст. о народном продовольствии, следовали по проложенным к водопою путям, без малейшего от них уклонения, и имели при том всегда достаточное число людей для наблюдения за скотом; в случае же потрав, виновные подвергаются взысканию на законном основании.

§ 30. Для обеспечения исправного платежа оброчной суммы и точного соблюдения договора, внесенные залоги за участок в половинном размере годовой платы, хранятся в депозите Войскового Хозяйственного Правления.

Примечание: Станичным обществам и лицам к ним принадлежащим, в особо уважительных случаях, по усмотрению Войскового Хозяйственного Правления, разрешается взамен денежных залогов, представлять засвидетельствованные Атаманом Отдела или Уездным Начальником приговоры о круговом ручательстве целого общества или нескольких благонадежных лиц.

§ 31. Все расходы по совершению контракта и по

производству переписки по нему подают на счет арендатора.

§ 32. Контрактные условия должны быть соблюдены с обеих сторон свято и ненарушимо. Подлинный контракт хранится в Войсковом Хозяйственном Правлении, а арендатору выдается засвидетельствованная с него копия.

Подписали: Председатель, Ген.-Майор Катанаев.

Советники: Полковник Путинцев.

Подъесаул Асанов.

Помощник Делопроизводителя Карташев.

Ред.-Издат. Е. К. Гончарова.

«Сибирский хозяин», № 31-33, 1909.

ГОЛОД И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ

Тяжкие муки голода, захватившие огромные массы сельского населения, тяготеют над нашей страной.

Сельскохозяйственная кооперация со своей стороны не может пройти мимо такого народного бедствия. По своему составу она должна принять всемерное участие в оказании помощи пострадавшим и в ослаблении постигшего бедствия. Нельзя сомневаться в желании и в готовности кооперативов выполнить свой долг перед голодающими. Ряд попыток в этом направлении делался. Но нужно признать, что они далеко не всегда увенчивались надлежащим успехом. Препятствием к этому послужил ряд внешних затруднений. К тому же самой кооперации, привыкшей в свое время к определенным приемам работы, трудно было найти линию поведения в новых хозяйственных и политических условиях.

Как известно, все дело помощи голодающим взяло на себя государство, ревниво охраняющее свои prerogatives от всякой параллельной работы. Естественно казалось, что кооперации привыкшей к самостоятельной работе, независимой от бюрократических органов, нет места в деле помощи голодающим, и до самого последнего времени сельскохозяйственная кооперация находится как бы в стороне от этого дела. Но бедствие слишком грозно, слишком ужасно, чтобы можно было мириться с состоянием бедствия. Это давно уже чувствовалось в кооперативных рядах. Работники кооперации упорно искали выхода из положения.

В виду этого вопросом об участии сельскохозяйственной кооперации в деле помощи голодающим занялась только что состоявшаяся сессия Совета Всероссийского Союза Сельскохозяйственной Кооперации. В Совете, при участии многих представителей от местных союзов, этот вопрос подвергся обстоятельному и всестороннему обсуждению. Приехавшими с

мест было изложено о положении дела в голодных районах.

При нынешнем расстройстве нашего народного хозяйства огромные массы населения вообще испытывают в той или иной степени нужду и недостаток в продовольствии. Но эта нужда и недостаток положительно бледнеют перед тем, что происходит в так называемых голодных районах, например в Поволжье, в Киргизском крае и других местах вымирают целые деревни, люди теряют человеческий облик. От известий о том, что делается там под влиянием голода, замирает сердце и стынет кровь от ужаса и боли.

При таком положении дело помощи страждущему населению должно стать всенародным делом. Каждый во чтобы то ни стало должен внести в него свою лепту, каждый должен приложить всемерные старания к тому, чтобы хотя сколько-нибудь облегчить муки страждущих от голода и приостановить вымирание собратьев. Этого требует чувство человеколюбия и долг гражданина. Помощь нужна гибнущим людям и разоряющемуся хозяйству.

В результате суждений Совет Сельскосоюза единодушно пришел к тому заключению, что деятели кооперации не должны оставаться в бездействии при таком положении. В этом случае не должно быть место каким-либо предубеждениям, предрассудкам, колебаниям и т. д., и Совет признал необходимым, чтобы «сельскохозяйственная кооперация приняла на себя всемерное оказание помощи голодающим».

В чем может выразиться работа в этом направлении? Совет дал свое авторитетное для сельскохозяйственной кооперации указание по этому поводу. Этим решением Совета вопросу об участии кооперации в деле помощи голодающим дается новое, вполне определенное направление.

Самое главное решение Совета Всероссийского Совета сельскохозяйственной кооперации заключается в том, что им намечена общая политика, общая линия поведения сельскохозяйственной кооперации в деле борьбы с голодом.

В виду того, что дело помощи голодающим всецело

находится в руках государства и, минуя его, в этом направлении не может вестись никакая работа, Совет, не входя в оценку такого положения, руководствуясь исключительно необходимостью широкой работы в пользу голодающих, пришел к заключению, что сельскохозяйственная кооперация может прийти на помощь голодающим лишь путем содействия в этом деле государственным органам.

Поэтому, Совет категорически постановил «предложить ЦКПомголу (Комиссии помощи голодающим при ВЦИК) использовать весь аппарат сельскохозяйственной кооперации в деле помощи голодающим».

Таким образом, сельскохозяйственная кооперация без всяких задних мыслей, подчиняясь исключительно потребности отдать свои силы служению борьбе с голодом, безоговорочно предлагает свои услуги государству. Сельскохозяйственная кооперация обладает известным опытом в хозяйственной работе, она располагает аппаратом с общественными навыками в работе. При установлении определенного контакта с соответствующими государственными органами, если государство пойдет на это, этот аппарат может оказаться в известной мере полезным для более широкой и плодотворной работы в данном направлении путем применения кооперативных навыков. Установление тесного контакта сельскохозяйственной кооперации в деле помощи голодающим в центре и на местах с государственными органами представляется настоятельно необходимым и морально обязательным! Нужно надеяться, что призыв Совета найдет дружный отклик в кооперативных рядах.

Затем, Совет Сельсосоюза постановил «предложить всем сельскохозяйственным кооперативам немедленно организовать сборы в пользу голодающих». Все собранное, естественно, необходимо вносить в местные комиссии помощи голодающим, так как при современных условиях это является единственным путем, чтобы препроводить в голодные районы собираемые добровольные пожертвования.

Как ни трудно при нынешней нищете собрать многое, но

все-таки, можно думать, что авторитет сельскохозяйственных кооперативов будет иметь свое значение. Кооперативам удастся до некоторой степени раскатать обывателя и кое-что получить от него для спасения вымирающих.

Далее Советом намечен ряд печатаемых кооперативно-хозяйственных мероприятий, какие могут быть осуществлены сельскохозяйственной кооперацией в целях сохранения крестьянского хозяйства в голодных районах. Сюда относятся такие меры, как снабжение семенами, фуражом, кредитом и т. п.

Конечно, при наличии объективно необычайно трудных условий хозяйства и транспорта в настоящее время рассчитывать на большие результаты всех намеченных мероприятий кооперации нельзя. Тем не менее можно надеяться, что при энергии эти меры не останутся безрезультатными. Работая рука об руку с государством, сельскохозяйственная кооперация исполнит свой гражданский долг перед народным хозяйством и долг человеколюбия перед совестью.

Со своей стороны мы всецело поддерживаем постановления Совета сельскохозяйственной кооперации и горячо призываем всех товарищей отозваться на него и работать в указанном направлении.

Сем. Маслов,
Предс. Сов. Сельскос.

«Бюллетень Сельскосоюза»
1922 год № 5

ПОЛОЖЕНИЕ О РЕГИСТРАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КООПЕРАТИВОВ И ИХ СОЮЗОВ

А. Общие Положения

I. Кооперативными организациями, подлежащими к регистрации в порядке сего положения, являются:

а) сельскохозяйственные кооперативные товарищества всевозможных видов и наименований, действующие в областях: 1) производства, переработки и сбыта продуктов во всех отраслях сельского хозяйства, 2) снабжения средствами сельскохозяйственного производства, как-то: сельскохозяйственным инвентарем, семенами, удобрениями и проч., 3) совместного использования живого или мертвого инвентаря, 4) мелкого сельскохозяйственного кредита, 5) мелиорации и проч. отраслей сельскохозяйственной деятельности;

б) сельскохозяйственные коммуны и сельскохозяйственные артели;

в) сельскохозяйственные общества, имеющие целью содействовать развитию сельского хозяйства в данном районе посредством агрикультурной деятельности в сельскохозяйственной области;

д) все союзные объединения названных кооперативных организаций.

II. Цель регистрации — установление правильности организации регистрируемых объединений с точки зрения действующих о них узаконений и признание за ними права юридического лица, а равным образом ведение их учета.

III. При регистрации правильность (закономерность) строения кооперативных организаций обсуждается согласно декрета ВЦИК от 16 августа 1921 г. о сельскохозяйственной

кооперации, декрета от 19 апреля 1920 года (пункт 1, 2, 3 и 4) о сельскохозяйственных и промысловых кооперативных организациях, настоящего Положения о регистрации и проч. узаконений о сельскохозяйственной кооперации, поскольку последние не отменены последующими распоряжениями и узаконениями.

IV. Регистрация всех кооперативных организаций, перечисленных в п. 1 настоящего Положения, производится:

1) кооперативным подотделом губземотдела, если эти кооперативные организации или их союзные объединения не выходят по району своей деятельности за пределы губернии; (для регистрации кооперативных организаций этого рода предварительного разрешения органов советской власти не требуется);

2) кооперативным отделом Цузема (Центрального Управления Земледелия), если район деятельности названных кооперативных организаций выходит за пределы губернии, при чем для регистрации этих последних необходимо предварительное разрешение Президиума ВЦИК по предварительному заключению Наркомзема.

Зарегистрированную кооперативную организацию регистрирующий орган вносит в реестр.

V. Отказ в регистрации может последовать лишь в том случае, если устав не соответствует требованиям действующих законов.

Определение об отказе в регистрации должно содержать точное указание статей закона, коим устав не соответствует, и изъяснение, в чем именно это несоответствие заключается.

Об отказе в регистрации учредители должны уведомляться сообщением им копии постановления регистрирующего органа.

VI. Постановление кооперативного подотдела Губземотдела об отказе в регистрации кооперативного товарищества, общества или союза может быть заинтересованными лицами и кооперативными организациями обжаловано через Губземотдел, в месячный срок со дня получения учредителями копии

вышеуказанного постановления, перед кооперативным отделом Наркомзема, решение которого считается окончательным и должно последовать не позднее месячного срока со дня получения обжалованного постановления от Губземотдела.

VII. К заявлениям правлений, товариществ, обществ и союзов о регистрации изменений и дополнений их уставов применяются те же правила, что и при регистрации последних.

VIII. Об открытии отделений товарищества, общества или союза, о продлении действий товарищества, общества или союза, учрежденных на определенный срок, о постановлениях общего собрания относительно назначения и окончания ликвидации, изменения в составе союза делаются отметки в реестре по заявлению соответствующей кооперативной организации.

IX. Если в течение месячного срока со дня поступления к регистрирующему органу заявления о регистрации или обжалования на отказ в регистрации никакого постановления по делу не состоится, то кооперативная организация считается зарегистрированной и подлежит внесению в реестр.

Б. Регистрация кооперативных товариществ, коммун и артелей

X. Регистрация кооперативных товариществ, коммун и артелей производится на основании заявлений их учредителей и принятых этими кооперативными организациями уставов.

XI. Заявления о регистрации подписываются не менее, как пятью учредителями, подписи которых на заявлении должны быть засвидетельствованы уполномоченными на то должностными лицами.

XII. В заявлении о регистрации может быть указано лицо, которому учредителями дается уполномочие на ведение дела о регистрации. Такое полномочие может быть дано всякому гражданину, неограниченному в правах, согласно Конституции РСФСР, или одному из учредителей.

XIII. В заявлении о регистрации учредители обязаны указать избранное ими местопребывание в городе, где находится регистрирующий орган, или указать местожительство лица,

которого они уполномочили получить вместо них бумаги. Пока учредители не известят о перемене означенного места, они не в праве отговариваться неведением о тех бумагах, кои были посланы по первоначальному адресу.

XIV. При заявлении о регистрации должны быть представлены четыре совершенно сходных между собой экземпляра, при чем эти экземпляры должны быть подписаны не менее, как пятью учредителями.

XV. Представленные для регистрации уставы товариществ, коммун и артелей должны содержать следующее:

1) наименование организации, каковое должно отличаться от наименования других кооперативных товариществ, внесенных в реестр того же регистрирующего органа;

2) место нахождения правления кооператива;

3) определение целей кооператива;

4) срок, на который кооператив утверждается, в том случае, если он имеет в виду временное существование;

5) условия вступления в члены кооператива, выбытия и исключения из него;

6) ответственность членов кооператива по обязательствам организации;

7) условия и порядок образования средств кооператива;

8) срок и порядок составления, обревизования и утверждения отчетов;

9) порядок распределения убытков и прибылей;

10) размер товарищеского пая, если товарищество паевое;

11) определение начала и конца операционного года;

12) состав Правления, порядок избрания, срок полномочия его членов;

13) состав Ревизионной Комиссии, порядок избрания и срок полномочий ее членов;

14) порядок созыва общих собраний и условий их действительности; порядок постановления решений и составления протоколов;

15) порядок ликвидации товарищества.

В устав могут быть включены постановления, определяющие отношения членов кооператива между собой и отношения товарищества к 3-м лицам, а равно и другие постановления.

В. Регистрация сельскохозяйственных обществ

XV. Регистрация сельскохозяйственных обществ общих и специальных (обществ животноводства, пчеловодства и др.) производится по правилам, изложенным в разделе А и Б настоящего положения.

XVI. Устав сельскохозяйственных обществ должен содержать в себе нижеследующее:

- 1) название и цели общества;
- 2) состав правления, порядок избрания и срок полномочия его членов, предметы его ведения, а также его местонахождение;
- 3) Состав прочих органов общества, если таковые предполагаются; предметы ведения каждого из них, а также порядок избрания и срок полномочий, входящих в их состав лиц;
- 4) порядок созыва общего собрания, условия его действительности и порядок постановления решений;
- 5) условия и порядок вступления и выбытия членов;
- 6) средства общества;
- 7) порядок ликвидации.

В устав могут быть включены постановления, определяющие отношение членов общества между собою и отношение общества к третьим лицам, а равно и другие постановления.

Г. Регистрация союзов сельскохозяйственно-кооперативных организаций

XVII. Регистрация союзов сельскохозяйственных кооперативных объединений производится в порядке раздела А настоящего положения, т. е. или кооперативным отделом Губземотдела, если район их деятельности не выходит за пределы губернии, или кооперативным отделом Цузема НКЗ, если район их деятельности выходит за пределы губернии (областные, краевые союзы и т. д.).

XVIII. Союзы сельскохозяйственных кооперативных объединений регистрируются на основании заявлений их учредителей, каковых должно быть не менее 3. Учредителями считаются кооперативные организации, входящие в указанные объединения и действующие через посредство избранных для сего уполномоченных.

XIX. К заявлениям о регистрации устава союза, кроме 4 тождественных экземпляров уставов, должны быть приложены:

а) копии протоколов общих собраний кооперативов об организации союза;

б) акты полномочий (мандаты) представителей кооперативов на подписание устава союза;

в) списки всех учредителей союза (товариществ, обществ и союзов), входящих в состав союза;

г) удостоверенные правлением кооперативов указания, что кооперативы, образующие союз, зарегистрированы установленным порядком, с обозначением даты регистрации и номера.

Примечание I. Приложения, указанные в пп. а и б, должны быть заверены правлением подлежащих кооперативов, а списки всех учредителей союза — уполномоченными, подписавшими устав.

Примечание II. Если учредителями кооперативного объединения являются такие кооперативные организации, по уставам которых вступление в союзные объединения

предоставляется правлению, то протоколы общих собраний и собраний уполномоченных могут быть заменены протоколами правления.

Член Коллегии Наркомзема *Шефлер*
Управляющий Цуземом *Тейтель* Зав.
Кооперат. Отдел *Каминский*
Управляющий Делами *Леонтьев*
Сельскохозяйственная жизнь
1921 г. № 32

СВОДКА ВАЛОВОЙ ДОХОДНОСТИ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ КАРГОПОЛЬСКОГО РАЙОНА УРАЛОБЛАСТИ

Теперь можно подытожить полученные нами исчисления по отдельным отраслям сельского хозяйства для того, чтобы наглядно представить себе размеры и структуру валовой доходности сельского хозяйства по классовым группам.

Сводка на одно хозяйство в рублях и в процентах дает такую картину:

Эта таблица чрезвычайно наглядно показывает, из каких составных частей складывается валовая продукция крестьянского сельского хозяйства в типично земледельческом районе с зерновым направлением хозяйства и каков удельный вес каждой части. Она же показывает, как дифференцируется эта валовая продукция по классовым группам и каков удельный вес каждой классовой группы в общей массе валовой продукции сельского хозяйства района.

На долю валовой продукции растениеводства приходится 71,4%, а на долю всего животноводства остальные 28,6%. Это служит наглядным доказательством экстенсивности нашего крестьянского хозяйства, когда роль животноводственной продукции в 2,5 раза меньше, чем от растениеводства.

В составе продукции растениеводства основное место, конечно, занимает полеводство, давшее в нашем районе 57,7% всей сельхозпродукции, за ним идет луговоеводство, продукция коего (сено) составляла 10,5% всей сельхозпродукции, и, наконец, — огородничество (исключая полеводческие культуры на приусадебн. земле) с очень незначительной продукцией в 3,2%. Если из всей животноводственной продукции исключить небольшой процент (2,8%), падающий на продукцию птицеводства, и совершенно ничтожную 0,1% на пчеловодство, то оставшаяся доля 25,7% падает на продукцию скотоводства, в частности больше половины этой продукции составляет молоко, и примерно треть составляет мясо.

Насколько типично это строение для уральского крестьянского хозяйства в целом? Оказывается, по основным статьям продукции мы можем констатировать большое сходство, если сравнить валовую продукцию нашего района с исчислением валовой продукции сельского хозяйства по Уралобласти за тот же 1924–25 гг. по бюджетам крестьянского хозяйства Урала (Уралстата) и по контрольному балансу, учитывая те оговорки, которые сделаны в примечании к таблице.

Если внимательно проанализировать приведенную таблицу валовой продукции в отношении распределения ее по классовым типам крестьянства, то следует установить следующее положение: при значительной разнице в *абсолютных* цифрах валовой продукции, приходящейся соответственно на бедняцкое, середняцкое и зажиточное хозяйство (149 р. 45 к., 423 р. 48 к. и 746 р. 07 к., или принимая продукцию бедняка за 100, — $100 : 283 : 489$), — в самом *строении продукции* у каждой из классовых групп мы не наблюдаем значительных отличий. Поскольку все же имеем небольшие отклонения от средне-районного строения, эти отклонения обуславливаются всеми теми особенностями, которые мы констатировали при анализе основных натуральных признаков каждой классовой группы. Закономерность в этих отклонениях бросается в глаза. У середняков, согласно таблицы, распределение всей сельхозпродукции по отдельным ее частям почти совпадает полностью с средне-районным распределением. У бедняков мы видим отклонение от этой середняцкой и средне-районной в одну сторону, а у зажиточных — в другую сторону. Так, у бедняков доля продукции полеводства несколько понижена за счет некоторого, правда небольшого, роста продукции животноводства: а у зажиточных, наоборот, продукция полеводства в небольшой мере повышена за счет продукции животноводства. Таким образом, мы видим правильное равномерное падение процента продукции животноводства от бедняков к зажиточным, и такое правильное увеличение относительной роли продукции растениеводства.

Вряд ли следует особенно долго останавливаться на

причинах обнаруживаемой нами такой закономерности. Мы уже знаем, что под зерновыми, в особенности товарными, культурами посевная площадь относительно растет от низших слоев к высшим, а урожайность растет в еще большей мере; вот почему относительная роль продукции полеводства, в частности пшеницы и овса, у зажиточных значительно выше, чем у бедняков.

Почему молочная продукция в составе всей бедняцкой сельхозпродукции составляет 15,5%, тогда как у середняков и зажиточных процент этой продукции ниже, именно около 13%? Мы тоже знаем, что дифференцированность между классовыми группами в отношении обеспеченности коровами значительно меньше, чем, например, по посевности и по лошадности, вот почему у бедняков и оказывается относительный процент молочной продукции в составе бедняцкого дохода выше двух других групп.

Несколько повышенный процент валового дохода от животноводства у бедняков (30,6%), чем у середняков и у зажиточных (28,4% и 26,6%) может создать у некоторых неправильное представление; о якобы большей интенсивности бедняцкого хозяйства сравнительно с более зажиточными хозяйствами. Такой вывод будет совершенно неправильный. При абсолютно низкой валовой доходности от животноводства, бедняки по полеводству (вернее по товарным его культурам) имеют еще большую разницу с другими группами в сторону понижения, вот почему и получается в общей их продукции некоторая повышенность дохода от молока, от свинины, от яиц. Но повышенность эта конечно далеко недостаточна даже для того, чтобы поднять душевую норму до нормы середняцкой, а тем более до зажиточной*).

* В целях получения ответа — как повлияло изменение рыночных цен за истекшие два года на ценностное выражение сельхозпродукции и на соотношение отраслей сельхоз. в обследованном нами районе в целом и по классовым группам, — мною предслана следующая работа. Допустим, что в 1927 г. в Каргапольском районе продукция сельхозяйства в ее натуральном выражении нисколько не

изменилась, не изменилась также продукция и на каждое из типовых хозяйств ни по общему размеру, ни по составу. Но рыночные цены, как это мы знаем, за истекшие два года сильно изменились: выросли цены по продуктам полеводства, в обменности сильно выросли цены по продукции скотоводства. Я пересчитал всю валовую продукцию сельского хозяйства, на типовое хозяйство по классовым группам и в среднем по району, как она была в 1925 г., исходя из средне-рыночных цен на 1 августа 1927 г. по Шадринскому округу, и у меня получилась следующая картина:

	В бедняцких хозяйствах	В середняцких хозяйствах	В зажиточных хозяйствах	В среднем по району
1. Валовая продукция от растениеводства по ценам 1925 г.	101,65	303,07	547,76	220,91
2. То же, по ценам 1927 г.	123,69	353,55	632,77	258,53
3. <i>Рост в процентах</i>	19,2	16,6	15,5	17,0
4. Валовая продукция по животновод. по ценам 1925 г.	45,79	120,41	198,31	88,52
5. То же, по ценам 1927 г.	87,12	223,85	372,68	166,11
6. <i>Рост в процентах</i>	9,02	85,9	88,0	87,6
7. Валовая продукция сельхоз. по ценам 1925 г.	149,45	423,48	746,07	300,43
8. То же, по ценам 1927 г.	210,72	577,40	1005,45	424,64
9. <i>Рост в процентах</i>	41	36	35	37

Таким образом, отсюда видно, что регулирование сельскохозяйственного рынка за истекшие два года привело к тому, что в ценностном выражении та же самая продукция выросла по району на 37%, прием от этого роста относительно более всего получили бедняцкие хозяйства, наименее зажиточные. Но так как на ряду с этим шло и значительное увеличение самой продукции сельхоз. в натуральном выражении, то увеличение стоимости всей продукции по современным рыночным ценам мы будем иметь еще более значительное. Из приведенной таблицы можно, между прочим, вычислить, как изменилось за два

года соотношение продукции растениеводства и животноводства, в ценностном исчислении, если допустить, что абсолютные величины в натуре не изменились. В 1925 г. мы имели соотношение по району 71 : 29, а в 1917 г. стало 61 : 39, т. е. значительно более благоприятное для развития животноводства. И опять-таки, более выиграли бедняцкие хозяйства: у них было соотношение 69 : 31, а стало 59 : 41 (у середняков было 72 : 28, а стало 61 : 39; у зажиточных было 70 : 27, стало 63 : 37).

Если мы поставили перед собой вопрос, по какой отрасли сельского хозяйства мы наблюдаем наибольшую дифференцированность между классовыми группами, то для нашего типично зернового района пришлось бы ответить: определенно по полеводству, как по основной отрасли сельского хозяйства, а в его составе *по наиболее товарным* зерновым культурам. Здесь отношение между продукцией на бедняцкое и зажиточное хозяйство выражается 1 к 6, тогда как по животноводству, как преимущественно натуральному элементу хозяйства, отношение только 1 к 4,3. По всей продукции отношение между бедняком и зажиточным получается как 1 к 5.

Полученные нами соотношения между валовой продукцией бедняков, середняков и зажиточных для нашего района при экстенсивно-зерновой системе хозяйства могут без большой погрешности быть заменены соответствующим соотношением посевных площадей. Это, конечно, можно допускать лишь в том случае, когда надо получать предварительные, грубо ориентированные данные.

	Бедняки	Средняки	Зажиточные
Соотношение валовой продукции сельск. хоз.	100	283	499
Соотношение посевн. площадей	100	268	
	458		

Несколько большая дифференцированность по валовой доходности сельского хозяйства, чем по посевности, помимо целого ряда вышеуказанных причин, главным образом, повышением

урожайности в более мощных крестьянских хозяйствах. Эту поправку следует иметь ввиду при переходе от исчислений по натуральным признакам к исчислению по валовой доходности^{*)}.

Посмотрим, какова будет картина, если всю валовую продукцию от сельского хозяйства вычислить на душу населения, на работника и десятину посева (в рублях и в %%).

Классовые группы	На 1 душу		На 1 работника об. поля (без перевода)		На 1 дес. посева (с поправкой)		На 1 дес. хоз. площадей	
	В рублях	В проц. уприн. у бедн. за 10)	В рублях	В проц.	В рублях	В проц.	В рублях	В проц.
Бедняки	41,77	100	90,58	100	64,42	100	21,05	100
Середняки	78,71	189	177,93	196	68,08	105,7	31,37	149
Зажиточные	111,93	268	243,02	258	70,85	110,0	36,04	171
<i>В среднем по району</i>	<i>67,71</i>	<i>-</i>	<i>149,48</i>	<i>-</i>	<i>67,27</i>	<i>-</i>	<i>28,65</i>	<i>-</i>

Темп роста валовой продукции и на душу и на работника от низшей группы к высшей почти совпадает; это и понятно, так как нагрузка работников едоками в семьях у всех 3-х типов хозяйств в нашем районе оказалась одинакова.

^{*)} Повышенная урожайность на полях зажиточных не является для Урала повсеместным явлением. Это характерный признак для экстенсивных зерновых районов, без удобрения земли. В тех же районах Урала, где применяется навозное удобрение и где система полеводства теряет характер экстенсивный, там разница в урожайности сглаживается и даже ведет к тому, что у бедняцких слоев деревни (малопосевных) урожайность выше, чем у многопосевников: у последних в силу относительного недостатка скота на всю пашню и ввиду ее отдаленности от усадьбы, подесятинные сборы хлебов бывают ниже, если эти причины не нейтрализуют другими факторами более прогрессивного ведения хозяйства. Доказательством этого является данные крестьянских бюджетов Уралстата (см. ряды налоговой

доходности от полеводства по посевным группам, исчисляемые на 1 десятину посева. Бюджеты 1924–25 гг.).

Доходность от всего сельского хозяйства, если ее выразить в расчете на десятину посевной площади, увеличивается от бедняков к зажиточным, но увеличение это не так значительно: у зажиточных на посевную десятину падает всего сельхоздохода только на 10% больше, чем у бедняков, тогда как, если бы мы взяли по одному только полеводству, то это превышение составляет 26%, следовательно, другие подсобные отрасли хозяйства нивелируют эту разницу в доходности.

При расчете на десятину сельхозплощади (т. е. пашни, плюс сенокоса) соотношения получаются совсем другие: доходность десятины зажиточного превышает бедняцкую доходность уже на 70%. Объясняется это тем, что и у середняков и у зажиточных пашня использована гораздо в большей мере, чем у бедняков, у них пустующей пашни мало. Помимо того и десятина посева и десятина лугов у более зажиточных приносит больше дохода, чем у бедняков. Все это и создает сильную дифференциацию в валовой доходности с десятины сельскохозяйственной площади по разным классовым группам.

Любопытно, что исчисленная нами абсолютная цифра валовой доходности на 1 десятину сельскохозяйственной площади — 28 руб. 65 коп. почти полностью совпадает с такой же за 1922–23 гг. по бюджетным данным Урала (см. сводку в статье проф. Литошенко «Крест. хоз. и его доходность а по бюджетным данным» в сборнике «Сел. хоз. на путях восстановления»): у проф. Литошенко получается цифра 29 р. с десятины. Доходность эта чрезвычайно низкая, во многих районах Союза мы имеем значительно большую доходность, доходящую в Центрально-Промышленной Области и на Украине до 60–70 руб. Мало того, что наш Каргопольский район в 1924–25 гг. дает валовую доходность на 1 дес. сельхозплощади совпадающую с среднеуральской по бюджетам 1922–23 гг. различия в этой доходности у нас по классовым группам и у профессора Литошенко по посевным

площадям чрезвычайно близкие: у него малопосевники (до 2-х десятин) имеют валовую продукцию на 1 десятину сельхозплощади 20,1 р., а многопосевники (свыше 8 десятин) — 41,7 руб. (а у нас бедняки — 21 р., а зажиточные — 36 руб.).

Как мы видим из ранее приведенной таблицы, удельный вес по валовой доходности бедняков, середняков и зажиточных в районе определяется соответственно в процентном отношении цифрами 24,2%, 58,2% и 17,6%, т. е. почти совпадает с соотношением по продукции одного производства, как главной отрасли сельского хозяйства — 22,4%, 59,1% и 18,5%. Отсюда необходимо прийти к выводу, что в районах зернового экстенсивного хозяйства, где скотоводство играет подсобную к земледелию роль, — классовую дифференциацию, выявленную нами по валовой доходности, без больших погрешностей можно определить по размерам в крестьянских хозяйствах посевных площадей с поправками на сокрытие, учитывая лишь некоторую разницу в урожайности разных типов хозяйств.

Доходность от занятий вне своего сельского хозяйства

Крестьянское хозяйство помимо доходности от своего сельского хозяйства обычно имеет в большей или меньшей мере приработки. В нашем типично сельскохозяйственном районе роль этих заработков незначительна. Денежные заработки по их источникам и по классовым группам на 1 хозяйство, по нашему бюджетному обследованию района, можно выразить следующей таблицей (см. также диаграммы после с. 124):

Формы заработка	Бедняки		Средняки		Зажиточные		По району	
	Сумма в руб.	В проц. к итогу	Сумма в руб.	В проц. к итогу	Сумма в руб.	В проц. к итогу	Сумма в руб.	В проц. к итогу
От чужого сельско- зяйства	25,96	65,5	1,10	8,3	6,04	4,5	15,18	30,2
От кустар. ремес- лен. занятий	3,97	10,2	7,83	15,7	8,89	6,7	5,98	11,9
От службы	3,09	7,9	3,03	6,1	7,40	5,5	3,37	6,6
От извоза	6,0	15,4	19,00	38,2	25,20	19,1	12,91	25,7
За использование с/х машин	-	-	2,71	5,5	43,13	32,6	4,19	8,3
Чист. доход. от пром. и торг. пред- приятий	-	-	-	-	38,40	29,0	2,81	5,6
За квартиру, харчи и проч.	-	-	1,48	3,0	3,44	2,6	5,87	11,7
Без указаний	-	-	11,55	23,2				
ИТОГО	39,02	10	49,70	100	132,50	100	50,34	100
<i>В %% к бедняцкому доходу</i>	<i>100%</i>	<i>-</i>	<i>127%</i>	<i>-</i>	<i>340%</i>	<i>-</i>	<i>-</i>	<i>-</i>

Из этой таблицы видно, что в среднем по району и на одно хозяйство денежный заработок вне своего сельского хозяйства составляет — 50 р. 34 к. в год, т. е. по отношению к валовому доходу от сельского хозяйства составляет 16,3%. У различных классовых групп роль, а равно как и самый социальный состав этого заработка, различны. У бедняков он составляет 26,1% к их бедняцкому валовому доходу от сельского хозяйства и в составе этого заработка ровно 2/3 составляет заработок от найма на сельхозработы, а если включить сюда и работу на своей лошади (тоже частью связанную с сельским хозяйством), то около 80% бедняцкого заработка составит заработок от найма в сельском хозяйстве. Эти цифры показывают нам элементы пролетаризации в бедняцких хозяйствах, не включая сюда значительной доли зависимости, имеющей место при ведении своего бедняцкого

хозяйства при скудости или отсутствии своих средств производства.

У середняков по абсолютной сумме денежный заработок намного выше бедняцкого, но удельный вес его в общем валовом доходе середняцкого хозяйства незначителен. К валовому доходу от своего сельского хозяйства эта сумма середняцкого заработка составляет только 11,7%. Средняк более чем на 90% — тип исключительно земледельческий, с минимальной добавкой прочих заработков не своего земледельческого хозяйства. Состав середняцкого заработка несколько иной, чем у бедняка: большую роль в заработке играет извоз, вследствие избытка лошадиной силы, которая не используется в своем хозяйстве. Появляется в небольшой, правда, сумме, доход от использования сельхозинвентаря. Но зато заработок от найма в чужих крестьянских хозяйствах занимает очень незначительное место. В зажиточном хозяйстве абсолютная сумма заработка превышает бедняцкий заработок в 3,5 раза, но к значительно более высокому доходу от своего сельского хозяйства, этот их заработок составляет только 17,8%. Состав этого заработка, характеризующий социальные взаимоотношения с другими группами деревни, совершенно иной, чем у двух других типов крестьянства. Здесь эксплуататорские элементы хозяйства выпукло выдвигаются на передний план: свыше 60% денежного заработка зажиточного хозяйства — это заработок от эксплуатации сельхозмашин и чистый доход от торгово-промышленной деятельности, чего ни у середняков, ни тем более у бедняков мы не наблюдаем.

Доля заработка от кустарно-ремесленных занятий в нашем районе очень велика — всего 12% денежного заработка, больше всего он имеет значение в доходе бедняка и середняка, наименьшее — у зажиточного.

Но денежная часть заработка — это не единственная его форма; довольно видное место в заработке занимают различные натуральные формы заработка и услуги, но к сожалению точного учета этих форм у нас при обследовании поставлено не было, и

поэтому мы лишены возможности выразить в величинах, насколько у каждой социальной группы эти натуральные формы играли ту или иную роль. Во всяком случае и по нашему обследованию и из других источников Уралстата мы с определенностью можем утверждать, что взаимоотношения на основе натуральных оплат и всякого рода трудовых услуг складываются в деревне таким образом, что они усиливают еще больше зависимость бедняцких хозяйств и эксплуататорскую природу зажиточных при некоторой нейтрализации у середняков.

Весь валовый доход крестьянского хозяйства

Если к вычисленному ранее валовому доходу от сельского хозяйства добавить денежную часть дохода от занятий вне своего сельского хозяйства, то получится весь валовый доход крестьянского хозяйства.

По аналогии с ранее приведенной таблицей на мы будем иметь следующую таблицу:

Классовые группы	На 1 хоз-во		На 1 душу		На 1 раб. об. пола (без перевода)		На 1 дес. посева (с поправкой)		На 1 дес. с-х. площадей	
	В руб.	В% прин. у бедн. за 100)	В руб.	В %%	В руб.	В %%	В руб.	В %%	В руб.	В %%
Бедняки	188,47	100	52,50	100	114,22	100	81,24	100	26,58	100
Середняки	473,18	251	87,95	168	198,81	174	76,07	93,6	35,02	132
Зажиточные	878,57	466	132,55	252	286,18	259	83,43	102,7	42,44	160
<i>В среднем по району</i>	<i>359,77</i>	<i>-</i>	<i>78,72</i>	<i>-</i>	<i>173,77</i>	<i>-</i>	<i>78,21</i>	<i>-</i>	<i>33,31</i>	<i>-</i>

При сравнении этой таблицы с таблицей, показывающей доходность только от одного сельского хозяйства, видно, что в нашем земледельческом районе шкала по размерам доходности

несколько сглаживается, если к доходу от своего сельского хозяйства добавить всякого рода денежные приработки (на душу только от сельхоз., соотношение — 100 : 189 : 268, а при добавке заработков — 100 : 168 : 252). Правда, уменьшение этой шкалы не особенно значительно, но оно есть. Это показывает, что роль приработков незначительна. Определяют доход не они, а свое сельское хозяйство. Отсюда, как будто, возможно сделать вывод, что роль приработков заключается, по крайней мере в типично земледельческих районах, в смягчении дифференциации между типами. Однако, принимая во внимание отмеченную выше разницу в социальной природе заработков у каждого из трех социальных типов, приходится прийти как раз к обратному выводу: при некоторой небольшой нивелировке размера валовых доходов между группами вследствие включения дохода от заработков, мы имеем в результате усиление социальной разницы между классовыми типами, и тем самым увеличение классовых антагонизма*).

Ф. Казанский

*) В настоящей статье мы не останавливаемся на анализе самих размеров валовой продукции по классовым группам, полагая, что эту тему лучше всего будет разработать в связи с исчислением издержек производства по хозяйствам в классовой разрезе, с исчислением условно-чистого дохода, размеров личного и хозяйственного потребления, накопления, а также в связи с анализом балансов по классовым группам. Все эти темы должны быть предметом особой статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

1. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии // Сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб, 1762.

2. Игнатьев Р. Г. Взгляд на историю Оренбургского края // Оренбургские губернские ведомости. 1881. № 29.

3. Хорошихин М. И. Казачьи войска. СПб, 1881.

4. Стариков Ф. М. Историко-статистический очерк ОКВ. Оренбург, 1891. Он же. Краткий историко-статистический очерк ОКВ с приложением статьи о быте оренбургских казаков и карты. Оренбург, 1890.

5. Материалы по историко-статистическому описанию ОКВ. В 12-ти томах. Оренбург, 1903–1915.

6. Лобов Н. Г. Краткие исторические записки об участии оренбургских казаков в Отечественной войне 1812–1814 гг. с наполеоном. Оренбург, 1912.

7. Юдин М. Л. Оренбуржцы в войне 1812–1814 гг. Ташкент, 1912.

8. Севастьянов С. Н. История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати (по материалам архива) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 5. Оренбург, 1899.

9. Севастьянов С. Н. Григорий Федорович Генс // Труды... комиссии. Вып. 19. Оренбург, 1907. Он же. Иван Васильевич Падуров. Оренбург, 1898.

10. Он же. Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895 гг. (Краткий исторический очерк). Оренбург, 1896.

11. Бородин Н. И. Очерк общинного ведения хозяйства уральских казаков // Северный вестник. 1890. № 2–5.

12. Чернощеков Н. А. Землеустройство казачьих войск // Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. СПб, 1911.

13. Катанаев Г. Е. Офицерство и рядовое казачество наше.

К вопросу о землеустройстве и Сибирском казачьем войске. Омск, 1918.

14. Овчинников Н. Г. Очерки хозяйства казаков Сибирского войска. Омск, 1916.

15. Зеленин Д. К. У оренбургских казаков. СПб, 1906.

16. Серов Д. Е. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба. Оренбург, 1900.

17. Кривошеков А. И. Краткий очерк заселения и развития края. Исторические судьбы Оренбургского края // Вестник Оренбургского учебного отдела. Оренбург, 1912. № 3—4.

18. Он же. Исторические судьбы Оренбургского края. Уфа, 1913.

19. Тарыкин А. П. Казачьи войска. Популярный очерк для казачьих школ, строевых казачьих частей и войскового населения. Омск, 1913.

20. Митрофанов А. Самодеятельность крестьянства в сельхозкампании (о селькомах). Омск, 1922.

21. Пьянков М. Н. Экономическое расслоение крестьянских хозяйств в Челябинском округе в 1920—1925 гг. Челябинск, 1926.

22. Рязанов А. Ф. Оренбургский край. Исторический очерк. Оренбург, 1928.

23. Евсеев Н. Ф. О прошлом и настоящем оренбургских казаков. Самара, 1929.

24. Войтов Н. А. Пути развития коллективного земледелия на Урале // Хозяйство Урала. 1927. № 5.

25. Ишмаев Н. И. О классовом расслоении уральской деревни // Уральский коммунист. 1927. № 28—29.

26. Гайстер А. И. Расслоение советской деревни. М., 1928.

27. Казанский Ф. И. На аграрном фронте // Хозяйство Урала. 1926. № 5. Он же. Доходность крестьянского хозяйства по социальным типам // Хозяйство Урала. 1927. № 10—11.

28. Голубых М. Л. Казачья деревня. М.-Л., 1930.

29. Гордеев А. А. История казаков. В 4-х томах. М., 1992.

30. Асаткаев И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири по вт. Пол. XIX века. Улан-Удэ, 1967.

31. Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири в период империализма. Новосибирск, 1970.

32. Долгих А. И. Состояние хозяйства и классовое расслоение сибирского казачества в конце XIX – начала XX века // Труды омской высшей школы милиции. Омск, 1970.

33. Пожидаева Г. В. Разложение казачьей общины накануне 1917 года // Вопросы аграрной истории Урала и Сибири. Курган, 1971.

34. Машин М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984.

35. Там же. С. 16.

36. Там же. С. 17.

37. Футорянский Л. И. Казачество в системе экономических отношений предреволюционной России. Свердловск, 1972.

38. Машин М. Д., Футорянский Л. И. Указ. соч.

39. Селивановская Л. И. О степени расслоения оренбургского казачества в пореформенный период // Материалы и тезисы докладов XV итоговой научной конференции. Оренбург, 1967.

40. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

41. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1954.; Каторгин И. Н. Исторический опыт КПСС по осуществлении новой экономической политики 1921–1925. М., 1971.; Генкина Э. В. Переход Советского государства к НЭПу в 1921–1922 гг. М., 1854.; Трапезников С. П. Аграрный вопрос и ленинская аграрная программа в трех русских революциях. М., 1963.

42. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня. Население. Землепользование. Хозяйства. М., 1977. Он же. Советская доколхозная деревня. Социальная структура. Социальные отношения. М., 1979.

43. Галкина Т. И. Прототряды Омской губернии в борьбе за хлеб в 1920–1921 гг. // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1965.

44. Гагарин А. В. Перевыборы Советов в Западной Сибири в 1925–1926 гг. // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1964.

45. Горюшкин Л. М. Претворение в жизнь «декрета о земле» в Сибири. Новосибирск, 1972.
46. Касьян А. К. Социально-экономическое развитие Юго-Западной Сибири в доколхозный период (дек. — 1919—1928). Омск, 1976.
47. Корягин Т. А. Об особенностях перехода Сибири к НЭПу // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967.
48. Кукушкин Ю. С. Сельсоветы и классовая борьба в деревне. (1921—1932). М., 1968.
49. Флеров В. С., Ефонов Л. Д. К истории создания ККОВ в Сибири // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1971.
50. Хвостов Н. А. Государственное и партийное строительство среди сибирского казачества после разгрома Колчака // Вопросы социально-классовых отношений в социалистическом обществе. Омск, 1974. Он же. Осуществление ленинской аграрной политики среди сибирского казачества в 1919—1921 гг. // КПСС и некоторые проблемы сельского хозяйства. Свердловск, 1975.
51. Хенкин Е. М. Кооперация Сибири в борьбе с голодом 1921—1922 гг. // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства, Томск, 1965.
52. Ефременков Н. В. Социально-экономические отношения в уральской деревне накануне коллективизации // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963.
53. Гуров В. П. К вопросу о политических настроениях уральского крестьянства накануне перехода к НЭПу // Из истории социалистического строительства на Урале. Свердловск, 1975.
54. Толмачева Р. П. Социальная дифференциация уральского крестьянства в восстановительный период // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1965.
55. Куликов В. И. Укрепление экономической смычки с крестьянством на Урале в 1926—1927 гг. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1961.
56. Сашенкова Л. П. Кооперативное строительство на Урале

в конце восстановительного периода 1924–1925 гг. // Изменение социальной структуры советского общества с 1921 по сер. 1930-х годов. М., 1965.

57. Кондратьева Р. В. Сельскохозяйственное кооперирование крестьянства на Урале в первый год НЭПа // КПСС и некоторые социальные проблемы сельского хозяйства. Свердловск, 1975.

58. Метельский Н. В., Толмачева Р. П., Усов В. А. Кооперативное движение на Урале в условиях НЭПа. Свердловск, 1989.

59. Петров В. П. Развитие сельского хозяйства на Южном Урале в восстановительный период 1921–1925 гг. Свердловск, 1989.

60. Булатова Н. И. К вопросу о классовой дифференциации иногороднего крестьянства Оренбургской губернии накануне Октября // Социально-экономические проблемы Великой Октябрьской Социалистической Революции. М., 1967.

61. Войнов В. М. История войска оренбургского. Оренбург, 1992.

62. Баканов В. П. Из истории оренбургского войска. Магнитогорск, 1993.

63. История казаков Урала. Оренбург–Челябинск, 1992.

64. Нелепин Р. А. История казачества. В 2-х томах. М., 1997.

65. Галущенко В. В. Казачество. СПб, 1998. Он же. Казак, что в имени твоём... Краснодар, 1997.

66. Мамонов В. Ф. История казачества России. Челябинск, 1995.

67. Кобзов В. С. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994.

68. Он же. Уральская Варна. Челябинск, 1992.

69. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999.

70. Зобов Ю. С. Развитие рыночных отношений в среде оренбургского казачества во второй трети XIX века // Оренбургское казачество в XVI–XX вв. Оренбург, 1992.

71. Изюмов А. И. Уральская казачья община // Вопросы истории. 1998. № 3.

72. Там же. С. 133.

73. Ивченко И., Ратушняк В. Исторический опыт казачьей общины и современность // Возрождение казачества. Ростов/н/Д., 1995.

74. Назыров П. Ф. Расширение сельскохозяйственных знаний и развитие агрономии в ОКВ в конце XIX – начала XX века // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи. Челябинск, 1996.

75. Махрова Т. К. Казачье хозяйство в Оренбургской губернии во вт. Пол. XIX – начале XX века. Автор. дис. ... канд ист. наук. Челябинск, 1996. Она же. Природно-экономический фактор развития экономики ОКВ // Крестьянство и казачество Южного Урала в трех веках. Оренбург, 1996.

76. Побережников И. В. Хозяйство казачества Южного Урала в сер. XIX века // Оренбургское казачество в XVI–XX вв. Оренбург, 1992; Семенченко И. В., Щетикина Л. В. Совершенствование земствами сельскохозяйственного производства на Южном Урале в 1917 году // Крестьянство и казачество Южного Урала в трех веках. Оренбург, 1996; Турковский А. Н. Жизнь казачьего села бывшего войска оренбургского // Земля и люди. 1992. № 23–27.-

77. Абрамовский А. П. Становление и развитие народного образования в ОКВ (1819–1900) // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994.

78. Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири. Омск, 1996.

79. Иванцова Н. Ф. Западная Сибирь в 1917 – перв. пол. 1918 гг. М., 1993.

80. Шудяков В. А. СКВ: Становление, организация, основные противоречия жизни накануне революции. Омск, 1996.

81. Андреев С. М. Землеустройство в СКВ (1851–1917) // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития. Омск, 1996.

82. История казачества азиатской России. В 3-х томах. Екатеринбург, 1995.

83. Колесников А. Продразверстка в Сибири. Омск, 1995.
84. Коваль И. И. Наступление на единоличника-казака: налоговая и социальная политика // Иван Иванович Неплюев и южноуральский край. Челябинск, 1993.
85. Тайболина М. Н. Хозяйство зажиточных крестьян Урала в начале 20-х годов XX века // Там же.
86. Кобзов В. С. Уральская Варна. Челябинск, 1992.
87. Половинко В. П. Социально-демографическое положение оренбургского казачества в сер. 20-х годов XX века // Оренбургское казачество в XVI–XX вв. Оренбург, 1992. Он же. Голод 1921–1922 гг. на территории ОКВ: Причины и последствия // Наука–ВУЗ–Школа. Магнитогорск, 1993.
88. Ботнер В. Д. Казачьи районы Южного Урала в 1920–1928 гг. // Иван Иванович Неплюев и южноуральский край. Челябинск, 1993.
89. Шевелева Л. В. Первые годы НЭПа и отношение к ней сибирского крестьянства // П. А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. Омск, 1997.
90. Тетерятник О. П. Образование и культура 1921–1927 гг. / История Оренбуржья. Оренбург, 1996.
91. Лабузов В. А. В годы НЭПа. Сельское хозяйство // История Оренбуржья. Оренбург, 1996. Он же. Деревня Южного Урала в период НЭПа (1921–1927) Автор. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1995.

Глава 2. КАЗАЧЬЯ ОБЩИНА И КАЗАЧЬЕ СОСЛОВИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

1. Статистический обзор современного положения казачьих войск. СПб. 1903, С. 13.
2. Отчет о состоянии ОКВ за 1915 г. Часть гражданская. Оренбург. 1916 г. С. 34.
3. Отчет о состоянии СКВ за 1914 г. Часть гражданская. Омск. 1915 г. С. 27.
4. Отчет о состоянии ОКВ за 1915 г. Часть гражданская. С. 21.

5. Отчет о состоянии ОКВ за 1909 г. Часть гражданская. Оренбург. 1910. С. 23.
6. Оренбургское казачье войско: история и современность. Челябинск, 1993. С. 40.
7. Там же, с. 42.
8. Там же, с. 43.
9. Там же, с. 54.
10. Кобзов В. С. Уральская Варна. Челябинск, 1992. С. 37.
11. Оренбургское казачье войско: история и современность. Челябинск, 1993. С. 44.
12. Там же, с. 45.
13. Там же, с. 36.
14. Азиатская Россия. СПб, 1914. С. 379.
15. Отчет СКВ за 1915 г. Часть гражданская. Омск, 1916. С. 16.
16. Отчет СКВ за 1915 г. Часть гражданская. 18.
17. Машин М. Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 164.
18. Селивановская Л. А. О степени расслоения оренбургского казачества в пореформенный период. Оренбург. 1967. С. 49.
19. ГАЧО Ф. 423 Оп. 1. Д. 79. Л. 20.
20. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии. Оренбург, 1927. С. 121.
21. Сухотина Л. Г. Формы землепользования, землевладение, орудия труда в сибирской деревне во второй половине XIX века // Вопросы истории Сибири Томск, 1967. — Вып. — №. С. 66.
22. Долгих А. И. Землевладение и землепользование в СКВ накануне февральской революции 1917 // Вопросы истории Сибири Томск, 1967. С. 136.
23. Горяинов С. М. Уставы о воинской повинности СПб 1913. С. 505, 506.
24. Футорянский Л. И. Казачество в системе социально-экономических отношений предреволюционной России // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 141.

25. Казаки России: прошлое, настоящее, будущее. М., 1992. С. 33.

26. Отчет о состоянии СКВ за 1907 г. Часть гражданская. Омск, 1908. С. 16.

27. ЦДНИОРО Фонд 1. Оп. 1. Д. 635 Л. 15, Хоршихин М. А. Казачьи войска. СПб., 1882. С. 182, Шибанов Н. С. Станица Золотой долины. Челябинск, 1994, Рукосуев Е. Ю. Добыча золота на землях ОКВ. Оренбург, 1992.

28. Абрамовский А. П. Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. Глава 1.

29. Футорянский Л. И. Казачество в системе социально-экономических отношений предреволюционной России // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 149.

30. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско: история и современность. Челябинск, 1993. С. 10.

31. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Вильно, 1914 Петров В. Д. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб., 1911 и т. д.

32. Футорянский Л. И. Указ.-Соч. С. 140–141.

33. Петров В. Д. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб., 1911.

34. Там же, с. 20.

35. Там же, с. 25.

36. Материалы историко-статистических описаний ОКВ. Вып. 9. Оренбург, 1910. — С. 137.

37. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1909 год. Оренбург, 1910. С. 112.

38. Отчет о состоянии СКВ за 1907 год. Часть гражданская. Омск, 1908.

39. Отчет о состоянии СКВ за 1914 год. Часть гражданская. Омск, 1915.

40. Отчет о состоянии ОКВ за 1915 год. Часть гражданская. Оренбург, 1916.

41. Там же.

42. Там же.

43. Пожидаева Г. В. Разложение казачьей общины накануне 1917 года // Вопросы аграрной истории Урала и Сибири. Курган, 1971. — С. 457.
44. Там же, с. 459.
45. Отчет о состоянии СКВ за 1914 год. Часть гражданская. Омск, 1015.
46. Школьное образование в ОКВ за 1819–1895 гг. Оренбург 1896. С. 5.
47. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Войсковые школы оренбургского казачества // Вестник ЧелГУ № 1. 1993. С. 19.
48. Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербова-Нефедовича в 1902 году в ОКВ. СПб., 1902. С. 25.
49. ГАОРО Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 24.
50. Абрамовский А. П. Становление и развитие народного образования в ОКВ // Оренбургское казачье войско. Исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 56–57.
51. Там же, с. 57.
52. Там же, С. 58.
53. Абрамовский А. П. Библиотеки-читальни в станицах ОКВ // Крестьянство и казачество Южного Урала в трех веках. Оренбург, 1996. С. 53.
54. Там же, с. 54.
55. Столетие военного Министерства. Главное управление казачьих войск. Т. XI. СПб., 1902. С. 674–676.
56. Изюмов А. И. Уральская казачья община // Вопросы истории № 3. 1998. С. 132.
57. Овчинников Н. Г. Очерки хозяйства казаков Сибирского войска. Омск, 1916. С. 22.
58. Петров В. Д. Закон о поземельном устройстве казачьих станиц. СПб., 1911. С. 38.
59. Андреев С. М. Таре 400 лет. Омск, 1994. С. 48–50.
60. Петров В. Д. Указ. соч. С. 71.
61. Футорянский Л. И. Указ. соч. С. 142.
62. Троицанин. 1913. 28 марта.

63. Азиатская Россия. СПб., 1913. С. 387.

Глава 3. СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
У КАЗАКОВ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

1. Кабанов В. В. Пути и бездорожья аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории № 2. 1993. С. 7.
2. ЦДНИОРО Ф. 1. Оп. 1. Д. 1048. Л. 51.
3. Отчет ОКВ за 1914 год. Часть гражданская. Оренбург, 1915.
4. Отчет СКВ за 1915 год. Часть гражданская. Омск, 1916.
5. Отчет СКВ за 1914 год. Часть гражданская. Омск, 1915.
6. Азиатская Россия. СПб., 1913. С. 386-387.
7. Зеленин Д. У оренбургских казаков. СПб., 1906.
8. РГАЭ Ф. 3983. Оп. 1. Д. 45. Л. 361.
9. Материалы по районированию Урала. Т. 3. Екатеринбург, 1923. С. 26.
10. Овчинников Н. Г. Очерки хозяйства казаков Сибирского войска. Омск, 1916. С. 26.
11. Оренбургское казачье хозяйство № 1. 1909. С. 27.
12. Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1926. С. 383.
13. Футорянский Л. И. Казачество в системе социально-экономических отношений предреволюционной России // Вопросы истории капиталистической России. Свердловск, 1972. С. 143.
14. Овчинников Н. Г. Указ. соч. С. 26-27.
15. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1909 год. Оренбург, 1910. С. 23.
16. Уральское хозяйство в цифрах. С. 381.
17. Стариков Ф. М. Историко-эстетическое описание ОКВ. Оренбург, 1891. С. 160.
18. Зеленин Д. Указ. соч. С. 8.
19. Отчет о состоянии ОКВ за 1915 год. С. 95.
20. РГАЭ Ф. 478. Оп. 30. Д. 151. Л. 26.
21. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии. Оренбург, 1927. С. 32.

22. Овчинников Н. Г. Указ. соч. С. 18.
23. Зобов Ю. С. Развитие рыночных отношений в среде Оренбургского казачества во второй и третьей XIX века // Оренбургское казачество в XVI–XX веках. Оренбург, 1992. С. 29.
24. Овчинников Н. Г. Указ. соч. С. 27.
25. Беликов А. Н. Из истории Чесменского района. Челябинск, 1993. С. 12.
26. Баканов В. П. Из истории Оренбургского казачьего войска. Магнитогорск, 1993. С. 95–96.
27. Отчет СКВ за 1907 год. Часть гражданская. С. 18.
28. Отчет СКВ за 1914 год. Часть гражданская. С. 6..
29. Отчет СКВ за 1915 год. Часть гражданская. С. 8.
30. Сельскохозяйственная жизнь. № 12. 1914. С. 7.
31. Уральское хозяйство в цифрах. С. 383.
32. Кобзов В. С., Махрова Т. К. Казачье хозяйство в экономике Оренбургской губернии // Оренбургскому краю 250 лет. Оренбург, 1994. С. 46.
33. Оренбургское казачье хозяйство. № 4. 1909. С. 8.
34. Оренбургское казачье хозяйство. № 1. 1909. С. 17.
35. Там же. С. 13.
36. Сельскохозяйственная жизнь. № 7. 1914. С. 2.
37. Оренбургское казачье хозяйство. № 1. 1909. С. 8.
38. ГАОМО Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 1346. Л. 6.
39. Отчет СКВ за 1906 год. Часть гражданская. С. 45.
40. Катанаев Г. Е. Офицерство и рядовое казачество наше / К вопросу о землеустройстве в Сибирском казачьем войске. Омск, 1918.
41. Отчет СКВ за 1915 год. Часть гражданская. С. 12.
42. Там же.
43. Отчет СКВ за 1907 год. Часть гражданская. С. 16.
44. Отчет СКВ за 1914 год. Часть гражданская. С. 11.
45. История казачества азиатской России. Т. 2. Екатеринбург, 1995. С. 104.
46. Футорянский Л. И. Указ. соч. С. 152.
47. ГАОРО Ф. 37. Оп. 4. Д. 49. Л. 585.

48. Назыров П. Ф. Распространение сельскохозяйственных знаний и развитие агрономии в ОКВ // Культура. Быт. Обычаи. Челябинск, 1996. С. 48.
49. Там же. С. 50.
50. Там же. С. 51.
51. ГАОРО Ф. 132. Оп. 1. Д. 7. Л. 112.
52. Баканов В. П. Указ. соч.. С. 97.
53. История казачества Урала. Оренбург–Челябинск, 1992. С. 120.
54. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско: история и современность. Челябинск, 1993. С. 35.
55. Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Полн. Собр. Соч. Т. 3. С. 76.
56. Машин М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984. С. 14.
57. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы... С. 121.
58. Машин М. Д.... С. 14.
59. Отчет о состоянии ОКВ за 1911... С. 50.
60. Машин М. Л. ... С. 9.
61. Булатова Н. И. К вопросу о классовой дифференциации иногороднего крестьянства Оренбургской губернии накануне Октября / по материалам подворных карточек Михайловской станицы Троицкого уезда // Социально-экономические проблемы истории Великой Октябрьской революции. М., 1977. Машин М. Д. Указ. соч., Хуторянский Л. И. Первичные материалы сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года и социально-экономическое положение оренбургского казачества накануне Октября // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск, 1975.
62. Голубых М. Д. Казачья деревня. М.-Л. 1930. С. 28.
63. Гражданов Ю. Д. Аграрный вопрос в связи с социальным конфликтом на Дону в начальный период гражданской войны // Кубанское казачество: при века исторического пути. Краснодар, 1996. С. 59.

64. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы... С. 124.
65. Пожидаева Г. В. Разложение казачьей общины накануне Октября // вопросы аграрной истории Урала и Сибири. Курган, 1971. С. 459.
66. Машин М. Д. ... С. 14.
67. Великая Октябрьская революция (энциклопедический словарь). М., 1987. С. 364.
68. Машин М. Д. ... С. 14.
69. Футоярский Л. И. Первичные материалы... С. 116.
70. Машин М. Д. ... С. 15.
71. Шибанов Н. С. Станица Золотой долины. Челябинск, 1994. С. 25.
72. Шульдяков Н. Казачество: история и современность. Омск, 1994. С. 61.
73. Футоярский Л. И. Землевладение и землепользование казачества России в конце XIX – начале XX вв. // Возрождение казачества. Р/на Дону 1995.
74. История казачества Урала. Оренбург–Челябинск, 1992. С. 146.
75. Селивановская Л. А. О степени разложения оренбургского казачества в пореформенный период // Материалы и тезисы докладов XV итоговой научной конференции. Оренбург, 1967. С. 48.
76. Футоярский Л. И. Казачество в системе... С. 152.

Глава 4. КАЗАЧЬИ ТЕРРИТОРИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

1. Машин М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Самара, 1984. С. 4.
2. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.
3. История казачества Урала. Оренбург–Челябинск. С. 182.
4. Там же.
5. Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири в период империализма. Новосибирск, 1970. С. 158.

6. Там же. С. 157.
7. Ермолин. Революция и казачество. М., 1982. С. 19.
8. Иванцова Н. Ф. Западно-Сибирское крестьянство в 1917–1918 гг. М., 1993. С. 57.
9. МФ ГАЧО Ф. 27. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.
10. МФ ГАЧО Ф. 21. Оп. 1. Д. 27. Л. 97.
11. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 29. Л. 16.
12. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.
13. МФ ГАЧО Ф. 161. Оп. 1. Д. 9. Л. 60.
14. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 35. Л. 46.
15. МФ ГАЧО Ф. 35. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
16. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 39. Л. 19.
17. МФ ГАЧО Ф. 117. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.
18. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 36. Л. 11.
19. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 44. Л. 9.
20. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 45. Л. 64.
21. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 46. Л. 31.
22. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 48. Л. 57.
23. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 47. Л. 13.
24. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 50. Л. 44.
25. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 53. Л. 8.
26. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 56. Л. 88.
27. МФ ГАЧО Ф. 110. Оп. 1. Д. 7. Л. 269.
28. МФ ГАЧО Ф. 91. Оп. 1. Д. 31. Л. 20.
29. История казачества Урала... С. 189.
30. ГАОРО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
31. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. ОКВ: история и современность. Челябинск, 1993. С. 7.
32. Кобзов В. С. Введение самоуправления в ОКВ // Наука–ВУЗ–Школа. Тезисы докладов XXXI научной конференции МГПИ. Магнитогорск, 1993. С. 76.
33. Сельскохозяйственная жизнь. № 11. 1914. С. 3.
34. ГАЕО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 12. Л. 59.
35. ЦДНИОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233. Л. 13.
36. Там же. Л. 14.

37. История казачества азиатской России. Т. 3. Екатеринбург, 1995. С. 113.
38. Омский округ. Статистический материал к 1-му окружному съезду Советов. Омск, 1925. С. 44.
39. Там же. С. 56–58.
40. ЦДНИЧО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 12. Л. 13.
41. Андреев С. М. Сибирская деревня накануне 1917 год. Омск, 1996. С. 122.
42. Футорянский Л. И. Землевладение и землепользование в оренбургском казачьем войске в конце–начале XX в. Оренбург, 1996.
43. ГАОРО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 7. Л. 144–145.
44. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. ОКА: история и современность. Челябинск, 1993. С. 139.
45. Терехов Л. А. Опыт советского строительства в казачьих областях Северного Кавказа в 20-е годы // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996.
46. Горюшкин Л. М. Претворение в жизнь декрета о земле в Сибири. Новосибирск, 1972. С. 26.
47. Андреев С. М. Землеустройство в СКВ (1858–1917 гг.). Омск, 1996. С. 124.
48. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии. Оренбург, 1927. С. 190.
49. ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 208.
50. Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1827. С. 270.
51. МФ ГАЧО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.
52. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1954. С. 93.
53. Там же.
54. ЦДНИЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 221. Л. 112.
55. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным опросам. М., 1957. С. 109.
56. Западная Сибирь. № 3. 1918. С. 14.
57. Футорянский Л. И. Рабочие, крестьяне и казаки Южного

Урала в период похода Колчака // ОКВ. Исторические очерки. Челябинск, 1994. С. 128.

58. ГАЧО. Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 35. Л. 274.

59. Советская правда. 1920. 11 января.

60. Челябинская губерния в период коммунизма (июнь 1919–декабрь 1920 гг.). Челябинск, 1958. С. 141.

61. ГАОРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 40. Л. 188.

62. Лященко П. И. Указ. соч. С. 109.

63. ГАОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 13–17.

64. ОКВ. Поиски. Находки. Открытия. Челябинск, 1999. С. 47.

65. МФ ГАЧО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

66. МФ ГАЧО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.

67. ЦДНИЧО. Ф. 316. Оп. 1. Д. 64. Л. 74.

68. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Продразверстка в Челябинской губернии // ОКВ. Находки. Поиски. Открытия. Челябинск, 1999. С. 48.

69. Трудовой набат. 1920. 19 июля.

70. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Продразверстка в Челябинской губернии. С. 24.

71. Челябинская губерния в период военного коммунизма. С. 394.

72. Там же.

73. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Продразверстка в Челябинской губернии. С. 53.

74. Советская правда. 1920. 9 января.

75. ЦДНИОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 10–11.

76. Советская правда. 1920. 27 апреля.

77. Кобзов. Уральская Варна. Челябинск, 1992. С. 67–68.

78. Калашников А. Политсоветы Сибири. Омск, 1995. С. 78–79.

79. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. ОКВ в трех веках. Челябинск, 1999. С. 307.

80. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 43. Л. 16.

Глава 5. КАЗАЧЬИ РАЙОНЫ ЮЖНОГО УРАЛА
И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ПОСЛЕ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН

1. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М. 1954. С. 124.
2. Хозяйство Урала. 1927. № 12. С. 10.
3. Сибревком / август 1919 — декабрь 1925 гг. / Новосибирск, 1959. С. 275.
4. Машин М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Самара, 1984. С. 154.
5. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период с 1921–1925 гг. // Сб. документов и материалов. Алма-Ата. 1964. С. 322–323.
6. История казачества азиатской России. Т. 3. Екатеринбург, 1995. С. 117.
7. Омский округ. Статистический материал к 1 окружному съезду Советов. Омск. 1925. С. 43.
8. История казачества азиатской России. Т. 3. ... С. 116.
9. Касьян А. К. Социально-экономическое развитие деревни в Юго-Западной Сибири в доколхозный период / конец 1919–1928 гг. / Омск, 1976. С. 25.
10. ГАОМО. Ф. р-209. Оп. 1. Д. 821. Л. 26.
11. Касьян А. К. Социально-экономическое развитие деревни в Юго-Западной Сибири в доколхозный период / конец 1919–1928 гг. / Омск, 1976. С. 53.
12. Там же.
13. Касьян А. К. Социально-экономическое развитие деревни в Юго-Западной Сибири в доколхозный период / конец 1919–1928 гг. / Омск, 1976. С. 5.
14. Касьян А. К. Социально-экономическое развитие деревни в Юго-Западной Сибири в доколхозный период / конец 1919–1928 гг. / Омск, 1976. С. 13.
15. Омская губплановая комиссия. Краткое описание Омской губернии. Омск, 1923. С. 31.
16. ЦДНИОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 13.

17. Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1927, с. 285.
18. МФ ГАЧО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 50. Л. 546.
19. Омский округ. Статистический материал. Омск, 1825.
- С. 58.
20. История Омской области. Омск, 1978. С. 33.
21. Красный пахарь. — 1921. — 26 июня.
22. ЦСУ СССР. Народное хозяйство за 60 лет. М., 1977.
- С. 208.
23. МФ ГАЧО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.
24. МФ ГАЧО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–4.
25. ЦДНИОРО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 89. Л. 5.
26. ГАЧО. Ф. 380. Оп. 1. Д. 11. Л. 145–146.
27. ЦДНИОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 406. Л. 9.
28. ГАРФ. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 135. Л. 18.
29. ЦДНИЧО. Ф. 337. Оп. 2. Д. 104. Л. 9.
30. ГАЧО. Ф. р-380. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.
31. ГАЧО. Ф. р-380. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
32. МФ ГАЧО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 57. Л. 3/
33. Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Продразверстка в Челябинской губернии / авг. 1919-март 1921 гг. // ОКВ. Поиски. Находки. Открытия. Челябинск, 1999. С. 56.
34. ГАЧО. Ф. р-380. Оп. 1. Д. 30. Л. 24.
35. ГАОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 569. Л. 126.
36. ЦДНИОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 405. Л. 3.
37. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы оренбургской губернии. Оренбург, 1927. С. 137.
38. Степная правда. — 1922 — 6 января.
39. Кругов А. И. Голод 1921–1922 гг. в Ставропольской губернии. Автореферат на соискание степени к.и.н. М., 1995. С. 16.
40. Степная правда. — 1922 — 6 января.
41. Там же.
42. ЦДНИОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 971. Л. 42.
43. Хенкин Е. М. Кооперация Сибири в борьбе с голодом. Омск, 1992. С. 191.
44. Там же. С. 193.

45. Там же. С. 194–196.
 46. ГАЧО. Ф. р-380. Оп. 2. Д. 5. Л. 18.
 47. Там же.
 48. ЦДНИОРО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 236. Л. 7.
 49. ЦДНИОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 971. Л. 81.
 50. ГАЧО. Ф. р-380. Оп. 2. Д. 5. Л. 119.
 51. Омский округ. Статистический материал ... Омск, 1925.
- С. 44.
52. Там же. С. 56.
 53. Там же. С. 60.
 54. Там же.
 55. Там же. С. 46.
 56. ГАЧО. Ф. р-380. Оп. 1. Д. 33. Л. 32.
 57. ГАРФ. Ф. 1066. Оп. 2. Д. 163. Л. 19.
 58. СССР по районам. Уралобласть. М., 1928. С. 389.
 59. Там же.
 60. ГАЧО. Ф. р-380. Оп. 1. Д. 11. Л. 145.
 61. ЦДНИОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 13.
 62. Бюллетень Сельского союза. 1922 г. № 10. С. 37.
 63. Там же.
 64. ЦДНИОРО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 32. Л. 16–17.
 65. Андреев С. М. Настроение сибирского казачества в начальный период «демократической контрреволюции» // Казаки Урала и Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 15.
 66. История казачества азиатской России. Т. 3. Екатеринбург, 1995. С. 103.

Глава 6. Деятельность советских органов

по реализации новой экономической политики
на территориях бывших казачьих войск

1. ГАРФ. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 139. Л. 7.
2. Там же.
3. ГАРФ. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 163. Л. 37.
4. ГАОРО Ф. 1. Оп. 1. Д. 417. Л. 13.
5. Трудовой набат. 1923. 11 авг.

6. ГАОРО Ф. 1. Оп. 1. Д. 353. Л. 8–9.
7. Хозяйство Урала. 1927. № 12. С. 10.
8. История казачества азиатской России. Т. 3. Екатеринбург, 1995. С. 110.
9. МФ ГАЧО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.
10. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 57. Л. 2.
11. ГАОРО. Ф. р-1. Оп. 1. Д. 596. Л. 37.
12. МФ ГАЧО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 57. Л. 35.
13. Оренбургское казачье хозяйство. 1909. № 6. С. 12–15.
14. МФ ГАЧО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 5. Л. 212–213.
15. Хозяйство Урала. 1927. № 12. С. 7.
16. Митрофанов А. Самодеятельность крестьянства в сельхозкампании 1922 года. Омск, 1923. С. 10.
17. МФ ГАЧО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.
18. Степная правда. 1922. 30 марта.
19. Там же. 27 марта.
20. Там же. 3 марта.
21. Краткое описание Омской губернии. Омск, 1923. С. 59.
22. Обзор хозяйства Троицкого округа за 1924/1925 годы. Троицк, 1926. С. 63.
23. МФ ГАЧО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 17. Л. 140.
24. Степная правда. 1922. 21 октября.
25. ГАРФ. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 17. Л. 45.
26. ГАОМО. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 43. Л. 71.
27. Бюллетень Сибсельскосоюза. 1924. № 2. С. 17.
28. Обзор хозяйства Троицкого округа ... С. 38.
29. Кругов А. И. Голод в Ставропольской губернии в 1921–1922 гг. автореферат на соискание к. и. н. М., 1995.
30. МФ ГАЧО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 14. Л. 61–62.
31. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 249. Л. 91.
32. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии. Оренбург, 1927. С. 199.
33. ЦДНИЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 393. Л. 12.
34. Обзор хозяйства Троицкого округа. Троицк, 1926. С. 39.
35. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 207. Л. 7.

36. ЦДНИЧО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 179. Л. 2.
37. Обзор хозяйства Троицкого округа. Троицк, 1925. С. 65.
38. Омский округ. Статистический материал. Омск, 1925. С. 44–55.
39. Челябинская губерния в 1920–1923 гг. Челябинск, 1924. С. 112.
40. Статистический сборник Оренбургской губернии за 1925 год. Оренбург, 1926. С. 38.
41. ГАРФ. Ф. 1066. Оп. 2. Д. 163. Л. 37–40.
42. Там же ... Л. 41.
43. Голубых М. Д. Казачья деревня. М.-Л., 1930. С. 18.
44. МФ ГАЧО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 14. Л. 60.
45. ГАОРО. Ф. р-1. Д. 353, 393, 417, 416.
46. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы ... С. 214.
47. Там же.
48. ГАОРО. Ф. 1. Д. 596. Л. 26–32.
49. МФ ГАЧО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 46. Л. 139.
50. ГАОМО. Ф. р-214. Оп. 1. Д. 24. Л. 10.
51. Там же. Л. 29.
52. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 15. Л. 39.
53. ГАОМО. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 113. Л. 120.
54. Сибирский педагогический журнал. 1924. № 3. С. 23.
55. Просвещение Сибири. 1926. № 1. С. 88.
56. ГАОМО. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 113. Л. 120.
57. МФ ГАЧО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.
58. ГАОМО. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 113. Л. 120.
59. Сибирский педагогический журнал, 1924. С. 23.
60. ГАОМО. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 113. Л. 117.
61. Там же. Л. 118.
62. Краткое описание Омской губернии. Омск, 1923. С. 88.
63. МФ ГАЧО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 18. Л. 26.
64. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 15. Л. 39.
65. ЦДНИОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 607. Л. 20.
66. Там же. Л. 4.

67. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 15. Л. 39.
68. История казачества азиатской России. Т. 3. Екатеринбург, 1995. С. 117.
69. Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1927. С. 46.
70. Хенкин Е. М. Кооперация Сибири в борьбе с голодом 1921/1922 гг. Омск, 1993. С. 219.
71. Сибирский педагогический журнал. 1923. № 2. С. 131.
72. Сибирский педагогический журнал. 1924. № 1. С. 230–231.
73. Уральское хозяйство в цифрах ... С. 208.
74. ГАОМО. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 113. Л. 119.
75. ЦДНИОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 663. Л. 7.
76. МФ ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36. Л. 19.
77. ЦДНИОРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1048. Л. 18.

Глава 7. Изменения в агрокультуре и традиционном способе производства

1. Отчет СКВ за 1915 год. Часть гражданская. Омск, 1926.
- С. 7.
2. ГАЧО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.
 3. Хозяйство Урала. 1926. № 3. С. 129.
 4. Обзор хозяйства Троицкого округа. Троицк, 1926. С. 81.
 5. Колесников А. НЭП в Сибири. Омск, 1986. С. 81.
 6. Хозяйство Урала. 1926. № 3. С. 129.
 7. Касьян А. И. Социально-экономическое развитие деревни в Юго-Западной Сибири в доколхозный период (конец 1919 года–1928 г.). Омск, 1976. С. 69.
 8. Голубых М. Д. Казачья деревня. М.-Л., 1930. С. 157–159.
 9. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 200.
 10. Там же. Л. 523.
 11. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии. Оренбург, 1927. С. 216.
 12. Там же.
 13. ГАЧО. Ф. р-423. Оп. 1. Д. 79. Л. 20.
 14. МФ ГАЧО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 14. Л. 63.

15. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии. Оренбург, 1927. С. 216.
16. Голубых М. Д. Указ. соч. С. 157–159.
17. Статистический справочник Оренбургской губернии за 1926 год. Оренбург, 1927. С. 42.
18. Правда. 1925. 24 апреля.
19. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня. М., 1977. С. 176.
20. Омский округ. Статистический материал. Омск, 1925. С. 44.
21. Конъюнктурный обзор хозяйства Омского округа за 1926 год. Омск, 1927. С. 4.
22. Хозяйство и культурное строительство Омской губернии. Омск, 1925. С. 133.
23. ДДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 207. Л. 5.
24. Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1927. С. 383.
25. Динамика основных элементов с/хозяйства за 1920–1926 гг. Челябинск, 1927. С. 27.
26. Там же. С. 43.
27. Земля и люди. 1992. 16 августа.
28. ЦДНИОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 393. Л. 3.
29. Уральское хозяйство в цифрах. С. 360.
30. ГАОМО. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 48. Л. 121.
31. Обзор хозяйства Троицкого округа. Троицк, 1926. С. 28.
32. Там же. С. 29.
33. ГАОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 596. Л. 31.
34. Хозяйство Урала. 1927. № 12. С. 3.
35. Данилов В. П. Указ. соч. С. 133.
36. Хозяйство Урала. 1927. № 12. С. 3.
37. Данилов В. П. Указ. соч. С. 133.
38. РГАЭ. Ф. р-3983. Оп. 1. Д. 34. Л. 157.
39. ЦДНИОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1048. Л. 40.
40. ГАОМО. Ф. р-214. Оп. 1. Д. 419. Л. 8.
41. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 59. Д. 26. Л. 57.
42. ГАРФ. Ф. р-4085. Оп. 9. Д. 280. Л. 176.

43. МФ ГАЧО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 31. Л. 212.
44. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 204.
45. Хозяйство Урала. 1927. № 12. С. 7.
46. Галущенко В. А. Казачество. СПб. 1998. С. 142.
47. Омский округ. Статистический материал. Омск, 1925.
- С. 46.
48. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 15. Л. 540.
49. Обзор хозяйства Троицкого округа. Троицк, 1926. С. 8.
50. МФ ГАЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 3. Л. 269.
51. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 14. Л. 176.
52. ЦДНИОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 535. Л. 2.
53. Данилов В. П. Указ. соч. С. 267.
54. Там же. С. 268.
55. Омский округ. Статистические материалы. Омск, 1926.
- С. 44.
56. Уральское хозяйство в цифрах... С. 257.
57. Статистический обзор Оренбургской губернии за 1925 год. Оренбург, С. 37.
58. Омский округ. Статистические материалы.... С. 44.
59. Данилов В. П. Указ. соч. С. 267.
60. Там же. С. 268.
61. Горюшкин Л. М. Сибирское казачество на рубеже 2-х веков. М., 1979. С. 118.
62. Хозяйство Урала. 1927. № 12. С. 38.
63. Митрофанов А. Самодеятельность крестьянства в с/хозкампании 1922 г. Омск, 1928. С. 15.
64. Касьян А. И. Указ. соч. С. 69.
65. Хозяйство и культурное строительство Омской губернии. Омск, 1925. С. 205.
66. Уральское хозяйство в цифрах... С. 68.
67. Кобзов В. С. Уральская Варна. Челябинск, 1992. С. 73–75.
68. Статистический справочник Оренбургской губернии за 1926 год. Оренбург, 1927. С. 42. Глава 8. Кооперативное движение на землях бывших ОКВ и СКВ

1. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии. Оренбург, 1927. С. 308.
2. КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. С. 416.
3. Касьян А. К. Социально-экономическое развитие деревни в Юго-Западной Сибири в доколхозный период (дек. 1919–1928 гг.). Омск, 1976. С. 25.
4. Там же.
5. Там же. С. 11.
6. Шибанов Н. С. Станица золотой долины. Челябинск, 1994. С. 57.
7. ЦДНИЧО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 480. Л. 3–19.
8. Войтов Н. А. На пути развития коллективного земледелия на Урале // Хозяйство Урала. 1928. С. 104.
9. Там же. С. 100.
10. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 207. Л. 42.
11. Там же.
12. Касьян А. К. Указ. соч. С. 74–81.
13. Статистический сборник Оренбургской губернии за 1925 год. Оренбург, 1926. С. 37.
14. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 249. Л. 95.
15. Там же. Д. 207. Л. 42.
16. Там же. Л. 43.
17. ГАОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 496. Л. 31.
18. ГАОмО. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 50. Л. 328.
19. Войтов Н. А. Указ. соч. С. 101.
20. Там же.
21. ЦДНИЧО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 480. Л. 3.
22. Вестник сибирской сельхозкооперации. 1925. № 6. С. 15.
23. ЦДНИЧО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 480. Л. 102.
24. ЦДНИЧО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 480. Л. 3.
25. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1954. С. 100.
26. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.
27. ГАОмО. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 50. Л. 328.
28. Касьян А. И. Указ. соч. С. 74.

29. Там же.
30. Вестник сибирской сельхозкооперации. 1925. № 6. С. 14.
31. ГАОМО. Ф. р-209. Оп. 1. Д. 1366. Л. 9.
32. Там же. Л. 33.
33. Южноуральский кооператор. 1914. № 1. С. 5.
34. Там же. С. 5.
35. Там же. С. 10.
36. Веселов С. В. Кооперация и советская власть: период «военного коммунизма» // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 25–37.
37. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 63–65.
38. Там же. С. 225.
39. Файн Л. Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы. 20-е годы // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 36.
40. Директивы КПСС по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1957. С. 219–220.
41. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 208.
42. Директивы КПСС... С. 237–238.
43. Файн Л. Е. Указ. соч. С. 38.
44. Там же.
45. РГАЭ. Ф. 4106. Оп. 5. Д. 4. Л. 138. Д. 7. Л. 6.
46. КПСС в резолюциях и решениях. Т. 3. М., 1970. С. 189–202.
47. Файн Л. Е. Указ. соч. С. 41.
48. Сельскохозяйственный кредит. 1929. № 2. С. 1–4.
49. Файн Л. Е. Указ. соч. С. 43.
50. Директивы КПСС... С. 781.
51. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 369.
52. Омский уезд. Сборник статистический материалов. Омск, 1924. С. 192.
53. Омский округ. Статистический материал. Омск, 1925. С. 35–36.
54. Обзор хозяйства Троицкого округа. Троицк, 1926. С. 78.
55. ЦДНИОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1048. Л. 53.

56. Там же. Л. 19.
57. История Оренбуржья. Оренбург, 1996. С. 223.
58. ГАОМО. Ф. р-214. Оп. 1. Д. 733. Л. 11.
59. ГАОМО. Ф. р-209. Оп. 1. Д. 1366. Л. 33.
60. Омский округ. Статистический материал. Омск, 1924 С. 129.
61. Хенкин Е. М. Кооперация Сибири в борьбе с голодом Омск, 1978. С. 190.
62. Бюллетень Сибсельскосоюза. 1924. № 1. С. 4.
63. Там же. С. 6.
64. Там же. С. 10.
65. Там же. С. 9.
66. Бюллетень Сибсельскосоюза. 1924. № 2. С. 14.
67. Бюллетень Сибсельскосоюза. 1924. № 1. С. 6.
68. Бюллетень Сельскосоюза. 1922. № 10. С. 19.
69. ГАОМО. Ф. р-214. Оп. 1. Д. 73. Л. 102.
70. Омский округ. Статистический материал. Омск, 1925 С. 64.
71. Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск, 1927. С. 152
72. Там же.
73. ЦДНИОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 663. Л. 17.
74. Хозяйство и культурное строительство Омской губернии Омск, 1925. С. 289.
75. ЦДНИЧО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 179. Л. 7.
76. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 111. Л. 334.
77. Уральский статистический ежегодник. Свердловск, 1925 С. 442.
78. Там же.
79. ГАОМО. Ф. р-209. Оп. 1. Д. 1366. Л. 9.
80. ЦДНИОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1048. Л. 53.
81. Вестник сибирской сельхозкооперации. 1926. № 24. С. 53
82. Вестник сибирской сельхозкооперации. 1926. № 18–19 С. 9.
83. Уральский статистический ежегодник. Свердловск, 1925 С. 443.

84. ЦДНИЧО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 179. Л. 9.
85. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 373.
86. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 249. Л. 7.
87. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 249. Л. 14.
88. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 11. Л. 334.
89. МФ ГАЧО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.
90. Уральское хозяйство в цифрах... С. 312.
91. Там же. С. 160.
92. ЦДНИОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1048. Л. 50.
93. Сельскохозяйственные районы и земельные нормы... С. 312.
94. Шибанов Н. С. Станица золотой долины. Челябинск, 1994. С. 65.
95. ГАРФ. Ф. р-4106. Оп. 3. Д. 79. Л. 72.
96. ЦДНИЧО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 232. Л. 7.
97. ГАОМО. Ф. р-209. Оп. 1. Д. 1366. Л. 33.
98. Советская правда. 1922. 26 марта.
99. МФ ГАЧО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 14. Л. 12.
100. Там же.
101. Касьян А. И. Указ. соч. С. 47.
102. ЦДНИЧО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 179. Л. 10.
103. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.
104. ЦДНИЧО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 179. Л. 10.
105. МФ ГАЧО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.
106. ЦДНИОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1048. Л. 64.
107. ГАОрО. Ф. р-25. Оп. 1. Д. 21. Л. 124.
108. ГАОМО. Ф. р-209. Оп. 1. Д. 1184. Л. 115.
109. Поляков Ю. А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. М., 1967. С. 470.

Глава 9. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАЗАЧЬЕГО ОБЩЕСТВА

В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

1. Голубых М. Д. Казачья деревня. М.-Л. 1930. С. 131.
2. Уральское хозяйство в цифрах. Свердловск. 1927. С. 274.

3. Омский округ. Статистический отчет. Омск, 1925. С. 55.
4. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня. М., 1977. С. 63.
5. ЦДНИОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1048. Л. 46.
6. Омский округ. Статистический материал. Омск, 1926. С. 47.
7. Уральская область. Свердловск, 1928. С. 98.
8. Омский округ. Статистический отчет. Омск, 1926. С. 58.
9. Уральская область. Свердловск, 1928. С. 17.
10. Статистический справочник по Оренбургской губернии за 1925 год. Оренбург, 1926. С. 64.
11. Омский округ. Статистический отчет. Омск, 1926. С. 47.
12. Там же. С. 60.
13. Обзор хозяйства Троицкого округа. Троицк, 1926. С. 62.
14. Там же.
15. Статистический справочник по Оренбургской губернии за 1926 год. Оренбург, 1927. С. 40.
16. МФ ГАЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 16. Л. 34.
17. Обзор хозяйства Троицкого округа. Троицк, 1926. С. 38.
18. Касьян А. К. Социально-экономические изменения в деревне Юго-Западной Сибири в восстановительный период (дек. 1919 – 1928 гг.). Омск, 1978. С. 76.
19. Казанский Ф. Доходность крестьянского хозяйства на Урале по социальным типам // Хозяйство Урала. 1927. № 10–11.
20. Голубых М. Д. Указ. соч. С. 159–163.
21. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 14. Л. 7.
22. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.
23. МФ ГАЧО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.
24. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 16. Л. 78.
25. МФ ГАЧО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.
26. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.
27. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 10. Л. 54.
28. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 47.
29. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 8. Л. 30.
30. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.

31. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 32. Л. 24.
32. МФ ГАЧО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 7. Л. 36.
33. МФ ГАЧО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.
34. МФ ГАЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 11. Л. 40.
35. МФ ГАЧО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 19. Л. 47.
36. МФ ГАЧО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 7. Л. 54.
37. МФ ГАЧО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.
38. МФ ГАЧО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 22. Л. 29.
39. МФ ГАЧО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6. Л. 38.
40. МФ ГАЧО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.
41. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 198.
42. МФ ГАЧО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 23. Л. 54.
43. Статистический справочник Оренбургской губернии за 1926 год. Оренбург, 1927. С. 40.
44. Вестник Сибирской сельхозкооперации. 1926. № 14. С. 3.
45. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 91. Л. 47.
46. Там же. Л. 389.
47. Там же. Л. 342.
48. Касьян А. К. Указ. соч. С. 53.
49. Статистический сборник по Оренбургской губернии за 1924 год. Оренбург, 1925. С. 4.
50. Статистический сборник по Оренбургской губернии за 1923 год. Оренбург, 1924. С. 66.
51. Смычка. 1925. 2 октября.
52. Обзор хозяйства Троицкого округа. Троицк, 1926. С. 30.
53. Уральская область. Свердловск, 1928. С. 211.

Глава 10. РАЗЛОЖЕНИЕ КАЗАЧЬЕЙ ОБЩИНЫ В УСЛОВИЯХ НЭПа

1. ГАОрО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 27. Л. 11.
2. ГАОрО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 27. Л. 1.
3. Там же л. 60.
4. Там же л. 70.

5. Абрамовский А. П. Кобзов В. С. ОКВ: история и современность. Челябинск, 1993. С. 79.
6. Абрамовский А. П. Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трех веках, Челябинск, 1999. С. 286.
7. Абрамовский А. П. Кобзов В. С. ОКВ: история и современность. С. 108.
8. Абрамовский А. П. Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трех веках. С. 287.
9. МФ ЧАЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 7. Л. 190.
10. История казачества азиатской России. 1995. Т. 3. С. 108.
11. Митрофанов А. Самодеятельность крестьянства в сельхозкампании 1922 года. Омск, С. 10–11.
12. МФ ЧАЧО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 9. Л. 110.
13. МФ ЧАЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 7. Л. 194.
14. МФ ЧАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 170. Л. 39.
15. МФ ЧАЧО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 7. Л. 194.
16. МФ ЧАЧО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 7. Л. 196.
17. ЦДНИЧО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 224. Л. 111.
18. ЦДНИОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1048. Л. 37.
19. Там же.
20. ГАОМО. Ф. р-214. Оп. 1. Д. 419. Л. 8.
21. ГАОМО. Ф. р-28. Оп. 1. Д. 50. Л. 438, 441.
22. ГАОМО. Ф. р-209. Оп. 1. Д. 827. Л. 152.
23. ГАЧО. Ф. 423. Оп. 1. Д. 68. Л. 69.
24. Обзор хозяйства Троицкого округа. Троицк, 1926. С. 71.
25. МФ ГАЧО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 588.
26. Там же. Л. 591.
27. ЦДНИЧО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 179. Л. 3.
28. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. С. 539.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Историография вопроса -----	3
Глава 2. Казачья община и казачье сословие в дореволюционный период -----	44
Глава 3. Состояние сельского хозяйства и социальная дифференциация у казаков накануне революции -----	74
Глава 4. Казачьи территории в период Первой Мировой и Гражданской войн -----	92
Глава 5. Казачьи районы Южного Урала и Западной Сибири после Мировой и гражданской войн -----	116
Глава 6. Деятельность советских органов по реализации Новой Экономической Политики на территориях бывших казачьих войск -----	135
Глава 7. Изменение в агрокультуре и традиционном способе производства -----	159
Глава 8. Кооперативное движение на землях бывших ОКВ и СКВ -----	184
Глава 9. Социальная дифференциация казачьего общества в годы Новой Экономической Политики -----	216
Глава 10. Разложение казачьей общины в условиях НЭПа -----	241
Приложения -----	267
Примечания -----	301

**Каминский
Флавий Аркадьевич**

**«КАЗАЧЕСТВО ЮЖНОГО УРАЛА
И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА»**

Отпечатано с готовых форм
ООО Предприятием Малой Полиграфии «МиниТип»
(Лицензия серия ЛД № 00904 от 09.01.2001 г.)
455007, г. Магнитогорск, ул. Менжинского, 13
Телефоны: (3511) 36-27-35, 36-27-69
Заказ № 6063. Тираж 500 экз.
Цена договорная.